W 51/167
1907

Изданіе М. М. ЗЕНЗИНОВА

ДЕКАБРИСТЫ

Матеріалы для характеристики

Подъ редакціей
пр.-доц. П. М. Головачева

МОСКВА.
1907.

№ 167
1-44
13141
810-85
860-9

Изданіе М. М. Зензинова

ДЕКАБРИСТЫ

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Подъ редакціей пр.-доц. П. М. Головачева.

№ 1-8462
Публич. и Румянцов. Музей Библіотека

МОСКВА.

1907.

2007237409

МОСКВА.
Типо-литографія Н. И. Гросманъ и Г. А. Вендельштейнъ, Мароссйка,
Малый Златоустовскій пер., домъ Хвощинскаго.
1907.

№ 8.

Память провозвѣстниковъ русской свободы становится все болѣе дорогой для русскаго общества по мѣрѣ того, какъ умираетъ тотъ самодержавный деспотизмъ, борцами съ которымъ выступили декабристы и жертвою котораго они пали болѣе 80 лѣтъ тому назадъ. Вполнѣ понятно потому вниманіе и интересъ, съ какими собирается все, относящееся къ жизни и дѣятельности борцовъ 1825 г., и нѣтъ сомнѣнія, что литература о декабристахъ будетъ возрастать до полнаго и всесторонняго освѣщенія ихъ времени и ихъ личностей.

Предлагаемый сборникъ матеріаловъ открывается рядомъ стихотвореній, принадлежащихъ Чижову, Заикину, Вадковскому (Notre comité d'enquête) и др. За ними слѣдуетъ рядъ писемъ Сергѣя Муравьева-Апостола, важныхъ для пониманія характера этой интересной личности. Письма гр. Бенкендорфа, губернаторовъ Степанова и Зеркалѣева и „предложеніе“ генералъ-губ. Западной Сибири кн. Горчакова даютъ понятіе объ отношеніи оффиціальныхъ лицъ къ декабристамъ. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ чрезвычайно интересныхъ писемъ кн. Е. П. Оболенскаго М. И. Муравьеву-Апостолу. Эти письма весьма важны для характеристики не одного кн. Оболенскаго, но и декабристовъ вообще, т. к. Оболенскій является типичнымъ представителемъ ихъ взглядовъ на вопросы морали, ихъ религіознаго настроенія вообще, ненависти къ крѣпостному праву, ихъ патріотическаго чувства, стремле-

нія къ разумной свободѣ безъ деспотизма сверху и снизу и чувства справедливости и гуманности, господствовавшаго въ ихъ поступкахъ и сужденіяхъ.

Воспоминанія А. П. Созоновичъ, воспитанницы М. И. Муравьева-Апостола, весьма важны для характеристики Оболенскаго, Ентальцевыхъ, Пущина и Якушкина. Они также даютъ понятіе о тѣхъ сибирякахъ, съ которыми декабристамъ пришлось столкнуться въ Ялуторовскѣ.

Книга заканчивается „Погостнымъ спискомъ", составленнымъ М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, представляющимъ единственный источникъ свѣдѣній о мѣстѣ и времени кончины многихъ менѣе замѣчательныхъ декабристовъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
М. И. Муравьеву-Апостолу, стих. М. А. Бестужева	1
М. И. Муравьеву-Апостолу, стих. Н. Ѳ. Заикина	2
Журавли, стих. Н. А. Чижова	3
Переводъ на франц. яз. этого стихотворенія гр. З. Г. Чернышева	3
Notre comité d'enquête en 1825, стих. Ѳ. И. Вадковскаго съ его поясненіемъ	4
Переводъ на рус. яз.	6
Брага, басня П. С. Бобрищева-Пушкина	7
Дитя и пятнышко, басня П. С. Бобрищева-Пушкина	9
6 писемъ С. И. Муравьева-Апостола (съ перевод. на рус. яз.)	10
Изъ писемъ генералъ-губернатору Восточной Сибири: кн. С. П. Трубецкого, А. М. Муравьева, кн. С. Г. Волконскаго, бар. А. Е. Розена	34
Письмо кн. М. Н. Волконской отцу К. Г. Игельстрома (съ переводомъ на рус. яз.)	37
3 письма К. Г. Игельстрома отцу (съ перевод. на рус. яз.).	39
Письмо гр. Бенкендорфа М. К. Юшневской	48
Повелѣніе наслѣдника цесаревича подольскому губернатору	49
Письмо енисейскаго губернатора Степанова М. К. Юшневской	50
Письмо и. д. иркутскаго губернатора Зеркалѣева М. К. Юшневской	50
„Предложеніе" генер.-губерн. Западной Сибири кн. Горчакова Ѳ. И. фонъ-деръ-Бриггену	51
„Объясненіе" фонъ-деръ-Бриггена	53
43 письма кн. Е. П. Оболенскаго М. И. Муравьеву-Апостолу	58
Изъ воспоминаній А. П. Созоновичъ:	
Е. П. Оболенскій	117
И. И. Пущинъ	120
Замѣтки А. П. Созоновичъ по поводу статьи К. М. Голодникова: „Государственные преступники въ Курганѣ", помѣщенной въ 12 № „Истор. Вѣст." 1888 г. (объ Ентальцевыхъ, И. Д. Якушкинѣ, протоіереѣ Знаменскомъ, кн. Е. П. Оболенскомъ)	122
Погостный списокъ", составленный М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ	172

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.	*Слѣдуетъ читать.*	*Стран.*	*Строка.*
vociferatons	vociférations	6	3 сверху.
avec quel	avec quelle	19	4 „
caractere	caractère	—	13 „
par consequent	par conséquent —	20	2 „
depend	dépend	—	2 снизу.
qu qu'elle	qu'elle	26	3 сверху.
aplicateurs	applicateurs	31	9 „
libre	livre	—	1 и 4 снизу
esperons	espérons	32	7 сверху.
je m'epreses	je m'empresse	37	3 снизу.
pasition	position	39	7 „
rejendee	rejoindre	40	11 „
будутъ	будетъ	41	10 „
comp	camp	43	1 сверху.
chers	cher	—	14 „
Alexsandr	Alexandre	43	16 снизу.
Chèr	Cher	43	9 „
empossible	impossible	—	6 „
приличивствующей	приличествующей	52	2 сверху.
Велизарій	Марій	59	2 снизу.
долеко	далеко	92	11 сверху.
На	и	94	3 снизу.
этаго	этого	103	12 сверху.
лучшіе	лучшія	106	2 снизу.
и	а	113	8 сверху.
К. М. Голодовникова	К. М. Голодникова	122	6 „
подвязку	подтяжку	145	18 „
пилковаго	полкового	150	14 снизу.
ошибки	ошибки,	172	4 „
Фонвизенъ	Фонвизинъ	174	11 сверху.
Мозгалескій	Мозгалевскій	175	8 „

М. И. Муравьеву-Апостолу.

Еще ко гробу шагъ—и, можетъ быть, порой,
Подъ кровомъ ларъ родныхъ, увидя сіи строки,
Ты съ мыслью обо мнѣ воспомнишь край далекій,
Гдѣ, брошенъ жизни сей бушующей волной,
Ты взора не сводилъ съ звѣзды своей вожатой
И средь пустынь нагихъ, презрѣвши бури стонъ,
Любви и истины искалъ святой законъ
И въ міръ гармоніи парилъ мечтой крылатой.

Михаилъ Александровичъ

Бестужевъ.

1 іюля 1829 г. Витимскъ.

По ходатайству сестры своей, Ек. Ив. Бибиковой, Мат. Иван. былъ перевезенъ изъ Вилюйска въ Бухтарминскъ; проѣздомъ въ Витимскѣ онъ провелъ нѣсколько дней съ товарищами: Мих. Алек. Бестужевымъ, Заикинымъ и Загорѣцкимъ. При прощаніи Бестужевъ и Заикинъ подарили ему стихи, написанные экспромтомъ.

Заикинъ, бывшій офицеръ главнаго штаба при второй арміи, еще въ школѣ колонновожатыхъ выказалъ замѣчательныя математическія способности. Онъ скончался въ Витимскѣ отъ тифа.

М. И. Муравьеву-Апостолу.

Когда нибудь, раскрывъ въ странѣ своей родной
Альбомъ, гдѣ чувствъ моихъ найдешь оттѣнокъ слабый,
Ты вспомнишь край полночный, одичалый,
Гдѣ мы въ изгнаніи боролися съ судьбой.
И если мракъ пустынь и скалъ Сибири дикой
Хоть легкимъ облакомъ чело твое затмитъ,
Пусть Аполлоновъ лучъ смѣнитъ его улыбкой
И роковой фіалъ твой счастьемъ озаритъ.

Николай Ѳедоровичъ
Заикинъ.

1 іюля 1829 г. Витимскъ.

Журавли.

Чуть-чуть видны на высотѣ воздушной,
Заслыша осени приходъ,
Несетесь съ крикомъ вы станицей дружной
Назадъ въ полуденный отлетъ.

* * *

Туда, гдѣ свѣтлаго Амура воды
Ласкаютъ зелень береговъ,
Не вѣдая осенней непогоды,
Ни хлада зимняго оковъ.

* * *

Свободны вы, какъ вѣтръ непостоянный,
Какъ лоно зыбкое морей,
Какъ мысль, летящая къ странѣ желанной,—
Вы чужды участи моей.

* * *

Земного рабъ, окованный страстями,
Подъявъ слезящіе глаза,
Напрасно я хочу вспорхнуть крылами
И унестись подъ небеса...

Николай Алексѣевичъ
Чижовъ.

Олекминскъ на Ленѣ.
27 іюня 1828 г.

Переводъ графа Захара Григорьевича Чернышева.

Echappant presqu' à l'oeil sous la voûte étherée,
Fuyant l'approche des frimats,
Remplissant l'air de cris, en cohorte serrée,
Vous cherchez de plus doux climats!

* * *

Vous, riants des lieux qu' ici l'hiver impose
A toute la nature en deuil,
Dans les champs que l'Amour fertilise et arrose
Vous ramassez avec orgueuil.

* * *

Libres comme le vent ou comme la pensée
Qui vole aux lieux qu'elle chérit,
Libres comme les flots d'une mer courroucée,
Ah! pouvez vous plaindre un proscrit!

* * *

Vainement je voudrais prendre l'essor sublime,
Comme vous, plâner dans les cieux,
A la terre enchaîné, de mes désirs victime,
Je soupire et vous suis des yeux...

Якутскъ.
1828 года.

Notre Comité d'enquête en 1825.

Chanson, air: halte là!

Vite en prison pour cela!

* * *

Comment sans me compromettre
Leur répondre dignement?
De ton prendre à la lettre—
Ils ont certes fait le serment.
Parlerai-je de la patrie?
Levachoff n'y comprend rien.
Du bonheur de la Russie?
M-r Diebitch est prussien.
Halte là! etc.

* * *

Monsieur, daignez donc m'entendre
Jamais je ne conspirerai!
Helas! Je ne puis Vous comprendre,
Monsieur, je suis courlandais
Et vous, princes du Synode:
Vos lois m'accordent le pardon.
Ces lois ne sont pas de mode.
C'est ici le gros canon.
Halte là! ect.

* * *

Vous, de notre capitale,
Respectable gouverneur,
Faites cesser le scandale!
J'en appelle à votre honneur!
De l'honneur... Je vous assure,
Me crie-t-il tout plein de fiel,

On le voit à ma figure—
Je ne connais que le pluriel.
Halte là! ect.

* * *

Vous qu'on vit en Westplialie
Chasser son roi du Cassel!
Voyez comme il calomnie,
Jamais je ne fus si cruel.
Et quoique le monde en raille,
Je puis vous le dire à part:
Grand spectateur de bataille,
Jamais je n'y prends de part.
Halte là! ect.

* * *

Mais tout n'est pas sans remède
Le tribunal est elément,
Voyez, du juste il possède
Le sommeil. Du président,
Général point militaire,
On ne saurait dire assez.
Du ministre de la guerre:
Requiescat in pace!
Halte là! halte là!
Vite en prison pour cela!

Le premier couplet chante Levachoff et Diebitch; le second Benkendorf et les tres réverends mémbres du Synode, qui ont entendu sans sourciller prononcer la senteuce de mort de nos cinq martirs. Le troisième — Павелъ Василевичъ Кутузовъ, qui a pris une part active dans le meurtre du 11 au 12 Mars 1801, qui était à notre égard d'une grossierté inouïe; le quatrième—Александръ Ивановичъ Чернышовъ, qui a comdamné en masse les officiers des chevaliers-gardes pour atteindre Захаръ Григорьевичъ et s'emparer majorat du comte

Czernicheff; le cinquième, le ministre de la guerre d'alors — le vieux Татищевъ, qui vit à très près du grand duc Michel et malgré les cris et les vociferatons des membres du Comité, en cela copie exacte du Comité du salut public de 1793, dormait la plupart du temps du sommeil de la vieillesse.

(Переводъ).

Напъ слѣдственный комитетъ въ 1825 г.

ПѢСНЯ: мотивъ: Halte là!

Тотчасъ въ тюрьму за это!

— —

Какъ отвѣтить имъ достойно, безъ униженія себя? Вѣдь, въ буквальномъ смыслѣ, они мнѣ прочитали проповѣдь!

Если говорить о родинѣ—Левашовъ не понимаетъ въ этомъ ничего; говорить о счастьи Россіи — г. Дибичъ вѣдь пруссакъ.

Однако, будьте любезны меня выслушать. Никогда я не буду конспирировать! Но увы! я васъ не могу понять, ибо я—курляндецъ.

А вы, князья синода, ваши законы даютъ мнѣ прощенье! Законы эти не людскіе, въ нихъ—право пушки.

Вы, почтенный правитель нашей столицы, прекратите этотъ скандалъ, во имя вашей чести! Чести!.. Я васъ увѣряю, воскликнулъ онъ съ гордостью, она видна въ моемъ лицѣ, и ее я знаю во многихъ случаяхъ!

Вы, о комъ говорятъ въ Вестфаліи, что изгнали изъ Касселя своего же короля,—посмотрите, какъ онъ васъ безчеститъ. Я никогда не бываю такимъ жестокимъ! И хотя всѣ надъ этимъ насмѣхаются, я могу вамъ сказать отдѣльно: великій зритель сраженія, я никогда не приму въ этомъ участія.

Но новое есть средство. Судъ это—тѣло, которое, какъ видите, кромѣ правосудія имѣетъ и сонъ, предсѣдателя-генерала, совсѣмъ не военнаго. О военномъ же министрѣ можно сказать: „миръ праху твоему".

Первый куплетъ поетъ Леванновъ и Дибичъ, второй—Бенкендорфъ и три почтенныхъ члена синода, которые выслушали, не моргнувъ глазомъ, объявленіе смертнаго приговора нашихъ пяти жертвъ; третій—Павелъ Васильевичъ Кутузовъ, который принималъ живое участіе въ убійствахъ 11 и 12-го марта 1801 г. и проявилъ въ отношеніи къ намъ неслыханую строгость; четвертый—Александръ Ивановичъ Чернышовъ, который приговорилъ къ смерти массу гвардейскихъ офицеровъ, чтобы добраться до Захара Григорьевича и завладѣть маіоратомъ графа Чернышева; пятый — министръ военный, старикъ Татищевъ, который былъ на сторожѣ около великаго князя Михаила и, несмотря на крики и вопли членовъ комитета, подражалъ точно комитету общественной безопасности 1793 г. и большей частью спалъ сномъ старческимъ.

Брага.

(Басня).

Крестьянинъ молодой,
По древнему обыкновенью дѣдовъ,
Весеннею порой
Собрался угостить своихъ сосѣдовъ
На праздникъ храмовой
И для того сварилъ, недѣли за двѣ, браги
Двѣ полныя корчаги.
И въ бочку вливъ, закупорилъ гвоздемъ,
Съ той мыслью, чтобъ она путемъ
Ко праздничному дню осѣла.
Анъ вышло не по немъ, какъ на бѣду, все дѣло,

И словно какъ надъ нимъ лукавый подшутилъ:
Во-первыхъ, солоду въ нее переложилъ,
А, во-вторыхъ, вина и та, что слишкомъ много
Онъ въ бочку черезъ чуръ налилъ,
И что закупорилъ онъ слишкомъ строго,
Не сдѣлавши нигдѣ отдушинъ въ ней.
Но какъ бы ни было, не знаю, сколько дней
Пробывши въ заперти, такъ брага забродила,
Что удали такой и пиву бъ въ пору было;
А какъ насперся духъ и набралася сила,
Стѣсненная со всѣхъ сторонъ,
Гвоздь верхній вышибла она изъ бочки вонъ,
И, клубомъ пѣняся, въ отверстье побѣжала!..
Увидѣвъ то, крестьянинъ мой,
Постой же, говоритъ, я справлюся съ тобой,
На гвоздь одинъ надежды видно мало!
Сказавъ, по прежнему закупорилъ гвоздемъ,
А сверхъ того еще для подкрѣпленья
Онъ бочку обтянулъ желѣзнымъ обручемъ.
— Теперь не вырвешься, прошу прощенья!
Сказалъ онъ, отходя отъ бочки прочь.
Но дѣло не по немъ сбылося снова.
Онъ и не ждалъ себѣ несчастія такого:
Перестоявши ночь,
Сильнѣе прежняго зашевелилась брага,
Вспузырилась, сперлась и весь собравши духъ,
Отколь взялась отвага,
Вонъ вышибла не гвоздь, а цѣлый кругъ
И потекла по погребу ручьями!..
Крестьянинъ ахнулъ мой, всплеснулъ руками,
Когда пришелъ по утру навѣстить,
Увидѣвъ въ погребѣ такое разрушенье
А некого бранить...
На праздники безъ угощенья
Остался онъ, по милости своей.
А если бы крестьянинъ былъ умнѣй,

И сколько надобно далъ брагѣ бы свободы,—
И самъ бы съ брагой былъ для праздничныхъ
онъ дней,
И бочки разрывать не довелось бы ей.
Свое всегда возьметъ законъ природы.

Павелъ Сергѣевичъ

Бобрищевъ-Пушкинъ.

Тобольскъ.
1829 г.

Дитя и пятнышко.

(Басня).

Дитяти маменька въ награду за урокъ
Купила платьеце ко празднику въ обновку.
Надѣвши на него и причесавъ головку
Промолвила: смотри же, мой дружокъ,
Чтобъ это платьеце ты у меня берегъ,
Чтобъ къ вечеру его снялъ также ново!
И подлинно сказать, ребенокъ соблюдалъ,
Какъ должно, маменькино слово.
Чиннехонько ходилъ, чиннехонько игралъ;
И въ утро цѣлое не зналъ, что есть проказа,
Онъ платьеце свое берегъ какъ глаза.
Но на кого бѣда на свѣтѣ не живетъ?
И мой Николенька забылся,
Разбѣгался и расшалился,
И платьице свое онъ какъ-то запятналъ.
Увидѣвши бѣду, заплакалъ, зарыдалъ.
Потомъ, какъ водится, отъ слезъ своихъ унялся,
Но утѣшеніе сбылося не къ добру.
Уже Николенька не такъ, какъ по утру,
Обновку замарать боялся.

Считая про себя, что будетъ все равно,
Увидятъ-ли на немъ одно
Пятно,
Пятна ли два, или десятокъ.
Такъ думая, шалить сталъ безъ оглядокъ.
Что жъ вышло изъ того? Что, тряся объ столы,
Объ печки, объ полы,
Обновку замаралъ, хоть брось мой Николаша!
Толкъ басни сей таковъ:
Дитя есть всякъ изъ насъ, а платье—совѣсть наша.
До первой слабости у всякаго она
Въ своей невинности хранится.
И счастливъ то дитя, который умудрится
Не сдѣлать перваго на платьецѣ пятна.

Павелъ Сергѣевичъ

Бобрищевъ-Пушкинъ.

Тобольскъ.
1843 г.

Письма С. И. Муравьева-Апостола.

Милостивой Государь батюшка, *)

Я былъ нѣсколько днѣй тому назадъ въ г. Франкфуртѣ, гдѣ пребываетъ Главная квартира Государя Императора, и нашелъ у Графа Ожаровскаго письмо ваше къ брату Матвѣю. Я осмѣлился его разпечатать, потому что брата еще здѣсь нѣтъ; и спѣшу васъ на его

*) Орѳографія и пунктуація подлинника.

щетъ совершенно успокоить; ибо я уже знаю, что онъ совсемъ здоровъ, и выѣхалъ уже изъ Праги полкъ свой догонять. Я надѣюсь его здѣсь черезъ нѣсколько дней увидѣть и ужъ болѣе съ нимъ не разстаться; потому что нашъ баталіонъ теперь къ гвардіи прикомандированъ. Онъ получилъ въ награжденіе Анненскую Шпагу; но говорятъ что переменютъ ее и что дадутъ ему владимірской крестъ. Дай Богъ чтобы ето сбылось. Ежелибъ то возможно было, я бы ему свой отдалъ; онъ его болѣе меня заслужилъ.

Что до насъ касается, милостивый государь батюшка, мы теперь спокойно стоимъ въ г. Ганау, въ окрестностяхъ Рейна, гдѣ мы очень хорошо приняты жителями, которые такъ рады что избавились отъ французскаго ига, что незнаютъ какъ намъ свою благодарность изъявить. Мы теперь тамъ отдыхаемъ послѣ столь славной, но вмѣстѣ и тяжкой кампаніи. Говорятъ однако что мы скоро пойдемъ впередъ.

Нѣсколько дней тому была здѣсь Великая Княгиня Катерина Павловна, Шефъ нашего баталіона, мы всѣ имѣли щастіе у ней обѣдать. Она со всѣми говорила и благодарила насъ за наше хорошее поведеніе во все время, и даже сказать изволила что мы честь дѣлаемъ Ея имени, и что Государь Императоръ въ награжденіе за наши труды приказать изволилъ чтобъ мы съ гвардіей вмѣстѣ остались.

Вы можете себѣ вообразить какъ ето для насъ было лестно и пріятно.

Мы теперь людей нашихъ одеваемъ; что намъ не мало хлопотъ стоитъ.

Мы имѣли всѣ надежду что, по прибытію нашему на Рейнъ, будемъ скоро имѣть щастіе въ Россію возвратиться. Но Богъ намъ етого щастія не посулилъ; и я покоряюсь его святой волѣ; но вмѣстѣ и молю его чтобы скорѣе возвратилось то время, когда я буду имѣть щастіе васъ и всѣхъ нашихъ увидѣть; цѣлую

мысленно ваши руки и желаю вамъ добраго здоровья и всякаго благополучія

вашъ покорнѣйшій сынъ,

С. Муравьевъ-Апостолъ.

Je vous prie, mon cher Papa, de présenter mes respects à ma belle-mère et d'embrasser Cathérine pour moi.

Г. Ганау.
Ноября 18-го дня
1813 года.

Catherine Ѳедоровна, Sire et tout le monde te saluent et me grondent de ne t'avoir pas amené ici.

Je vois à l'instant donner audience à tous les garçons, donc, par parenthèse, le matin vont extrêmement contenus.

Hanau, ce 18/9 1813.

C'est des bords de Rhin, c'est de trois lieues de Francfurt que je vous écris. Quelle bizarrerie du sort! pourrions nous croire, il y a cinq ans de cela, que je reviendrais ici les armes à la main; voilà pourtant la destinée aveugle de l'homme. Et qui sait, si dans cinq autres années je ne serai pas à Pekin.

Après cette remarque philosophique pour exordre, je commence par vous donner les nouvelles que je sais être les plus intéressantes, c. a. d. des nouvelles de Mathieu. Je vous prie, en conséquence, de calmer votre inquiétude sur son compte; car il est déjà parfaitement guéri, et je tiens du Baron de Koller qu'il a déjà quitté Prague pour rejoindre l'armée. Les 116 ducats que vous lui avez envoyés sont par conséquent chez moi; car où puis-je les lui envoyer pendant qu'il est en route? Au reste, ne vous inquiettez pas là-dessus, car le Baron m'a dit qu'on lui a fourni à Prague l'argent nécessaire à son voyage. Vous serez, je l'espère, contente de cette bonne nouvelle; car

j'en juge par moi-même, surtout quand je pense que je m'en vais le revoir pour ne m'en plus séparer.

Quant à ce qui est de ce qui concerne mon petit personnage, nous sommes depuis une semaine environ en garnison à Hanau. Nous avons eu le bonheur de posséder ici dernièrement Madame La Grande-Duchesse Catherine. Elle a fait la revue de notre bataillon et nous a remercié pour notre conduite durant toute cette campagne. Nous avons eu le bonheur de dîner tous chez elle, où elle a parlé avec tout le monde; et après nous avoir remercié encore une fois et nous avoir dit mille choses flattantes, elle nous a declaré que S. M. l'Empereur, en récompense de nos hauts-faits, nous commandait aux Gardes. Vous sentez fort par vous même que ce qui m'a fait le plus déplaisir dans tout cela c'est l'idée que je servis toujours ensemble avec mon frère ou du moins à même de nous voir plus souvent.

Nous sommes, comme je vous l'ai dit, a Hanau, ville petite, mais très jolie pas loin de Francfurt. Les habitants nous reçoivent par-tout à bras ouverts, et nous regardent comme leurs libérateurs. J'ai vu hier ici un spectacle extrêmement touchant, c'est le retour de l'Electeur ici après l'an d'absence (car, par une drôle de bizarrerie, les Français ont été chassés d'ici, le même jour qu'ils y sont entrés il y a 7 ans). Les habitants l'ont reçus comme une famille orpheline recevrait un père chéri après une longue absence; ils n'ont pas souffert qu'il soit trainé par les chevaux jusqu'au château, ils les ont dettelés et ont trainés la voiture à leur place. Le soir il y a eu une illumination assez jolie dans la ville, musique, cris de joie.... enfin, c'était extrêmement joli et surtout trés-touchant.

J'ai été à Frankfurt dernièrement pour voir le Comte Ozarorvskj, et je l'ai trouvé un peu indisposé, c a. d., qu'il souffrait des maux de dents, mais il a fini par se les faire arracher et dès lors il s'est porté tout aussi bien qu'auparavant. J'ai trouvé chez lui une lettre de Papa à mon frère et j'ai pris la liberté de la décacheter, je fais en consequence une réponse à Papa que je vous prie de lui faire parvenir au plutôt; je lui

donné des nouvelles de Mathieu. J'ai reçu dernièrement l'écharpe, que vous avez eu la bonté de m'envoyer, et je l'ai reçu bien à temps, car j'allais m'en commander une et ici on ne les fait pas à moins d'onze ducâts.

Mon cousin Nicos est venu me voir deux fois pendant que j'étais à Francfurt, mais j'ai été assez malheureux pour ne l'avoir pas vu une seule fois; car pour la première je n'étais pas à la maison; et pour la seconde il est venu pendant la nuit; et a eu beau me pousser, remuer, tourner et retourner, malgré toute sa constance il n'a pas pu venir à bout de me reveiller. Je ne vous dis cela que par ce que je l'ai entendu raconter par ceux qui couchaient dans la même chambre que moi, car pour moi, vous voyez que je n'ai pas perdu l'habitude de dormir du sommeil du juste; et je croirais jusqu'à présent qu'on avait voulu me mystifier, si à mon reveil je n'avais trouvé un paquet et une lettre sous mon oreiller, dans laquelle il m'apprend qu'étant envoyé en courrier de Magdebourg à Francfurt, il croyait qu'il aurait le plaisir de me voir, mais que mon sommeil léthargique y avait mis un obstacle insurmontable; qu'il repartait en me laissant une fourajka que vous m'envoyez de Pétersbourg, et me priant de faire parvenir à Catherina Fedorowna de ses nouvelles, la rassurer sur son compte, car se trouvant en corps de Benigson et le corps de Benigson n'ayant pas de relations directes avec Pétersbourg les lettres étaient obligées de faire un grand circuit et par conséquent parvenir extrêmement tard, qu'il m'embrassait etc. Vous pouvez vous imaginer si j'ai maudit ce jour-là mon sommeil! mais enfin il était parti la nuit, et il n'y avait plus de remède.

Mes respects à Катерина Федоровна, embrassez pour moi Hyppolite et Sacha; mes compliments à tout le monde. Dites à Catherine, quand vous lui écrivez, que je lui n'ai pas encore écrit; mais que qui est differe n'était pas perdu.

Ecrivez moi plus souvent, envoyez moi plus vite mon argent; je vous embrasse de coeur et d'âme aussi qu'Ozarowskj et la famille.

Mes respects au Général de Bétancourt et félicitez les dames leur heureux retour d'Angletterre.

Je vous embrasse une seconde fois. Adieu.

Votre frère Serge.

Embrassez pour moi Akoulina.

J'oubliais de vous dire que mon frère a reçu l'épée de S-te Anne, mais on prétend qu'on lui donnera à la place la croix de Vladimir. Pour moi, je l'ai deja reçu, grâce au Comte et je suis présenté, pour les affaires de Leipzic pour S-te Anne au col.

(Переводъ).

Ганау, 18-го дня 1813 г.

Пишу я Вамъ это съ береговъ Рейна, въ трехъ миляхъ отъ Франкфурта. Какая игра судьбы! Могли-ли мы полагать пять лѣтъ тому назадъ, что я возвращусь сюда съ оружіемъ въ рукахъ! Вотъ ужъ слѣпое предназначеніе человѣка! Да кто знаетъ, не буду ли я въ Пекинѣ черезъ слѣдующія пять лѣтъ?

Послѣ этого философскаго изреченія, въ видѣ вступленія, я начну съ сообщенія Вамъ тѣхъ вѣстей, какія, по моему, для Васъ интереснѣе всего, а именно о Матвѣѣ, о которомъ Вы не безпокойтесь, такъ какъ онъ уже излечился совершенно, и я знаю отъ барона Коллера, что онъ уже выѣхалъ изъ Праги, чтобы соединиться съ арміею. *Поэтому тѣ 116 червонцевъ, которые Вы для него прислали, находятся у меня, ибо куда же мнѣ ихъ ему послать, разъ онъ въ пути? Впрочемъ не безпокойтесь и въ этомъ отношеніи, такъ какъ баронъ говорилъ мнѣ, что Матвѣя снабдили въ Прагѣ необходимыми для дороги деньгами. Вы, надѣюсь, будете довольны этими извѣстіями: сужу по самому себѣ, особенно когда думаю, что увижу его опять, да еще и съ тѣмъ, чтобы больше уже не разлучаться!

Что касается меня лично, то мы стоимъ гарнизономъ въ Ганау около недѣли. Мы имѣли счастье принимать у себя великую княгиню Екатерину. Она сдѣлала смотръ нашему баталіону и благодарила насъ за нашу службу во все время этого похода. Мы имѣли счастіе всѣ обѣдать у нея, причемъ она разговаривала со всѣми и благодарила еще разъ, сказавъ много любезныхъ словъ и объявивъ, что въ награду за наши примѣрныя дѣйствія Его Императорское Величество приказалъ представить насъ въ гвардію.

Вы сами, вѣроятно, хорошо чувствуете, что для меня во всемъ этомъ величайшею радостью является мысль о томъ, что я буду всегда съ своимъ братомъ неразлучно или, въ крайнемъ случаѣ, буду въ состояніи видѣться съ нимъ часто.

Какъ я уже сказалъ, мы находимся въ Ганау, маленькомъ, но очень красивомъ городкѣ, неподалеку отъ Франкфурта. Жители принимаютъ насъ повсюду съ распростертыми объятіями и смотрятъ на насъ, какъ на своихъ освободителей. Вчера я былъ свидѣтелемъ очень трогательной сцены возвращенія курфюрста послѣ семилѣтняго отсутствія (по странной случайности, французы изгнаны отсюда въ тотъ самый день, въ который они вошли сюда семь лѣтъ тому назадъ). Жители встрѣчали его такъ, какъ принимаетъ осиротѣвшая семья своего отца послѣ продолжительной разлуки. Они не позволили везти его на лошадяхъ, а выпрягли ихъ и сами тащили экипажъ до дворца. Вечеромъ въ городѣ была довольно красивая иллюминація, музыка, радостные крики и т. д.,—словомъ, все было очень мило, а въ особенности трогательно. Я недавно ѣздилъ въ Франкфуртъ навѣстить графа Ожаровскаго; нашелъ я его не совсѣмъ здоровымъ, онъ страдалъ зубною болью, но рѣшился вырвать больной зубъ и теперь уже чувствуетъ себя по прежнему хорошо. У него я нашелъ письмо отца къ моему брату и позволилъ себѣ его

распечатать. Я сейчасъ же отвѣтилъ на него папѣ. Отвѣтъ этотъ прошу Васъ отослать ему какъ можно скорѣе, такъ какъ я тамъ сообщаю свѣдѣнія о Матвѣѣ.

Недавно я получилъ любезно присланный мнѣ Вами шарфъ и получилъ его какъ разъ во время, такъ какъ собирался уже заказать здѣсь, а тутъ нельзя достать дешевле, какъ за 11 червонцевъ.

Мой двоюродный братъ Нико пріѣзжалъ ко мнѣ во Франкфуртъ два раза за все время моего пребыванія здѣсь, но я былъ на столько несчастливъ, что не видѣлся съ нимъ ни разу: въ первый разъ меня не было дома, а во второй разъ онъ пріѣхалъ ночью и не смотря на то, что онъ меня порядочно толкалъ, дергалъ, ворочалъ и поворачивалъ, — все-таки не могъ меня разбудить. Я Вамъ разсказываю все это лишь на основаніи словъ жившихъ со мною въ одной комнатѣ. Какъ видите, я не отвыкъ еще отъ сна праведныхъ! Я подумалъ бы, что надо мною шутятъ, если бы, по пробужденіи, не нашелъ подъ подушкою пакета съ письмомъ, въ которомъ Нико сообщаетъ, что, по пути своей командировки изъ Магдебурга въ Франкфуртъ, онъ намѣревался имѣть удовольствіе повидаться со мною, но что мой летаргическій сонъ воспрепятствовалъ сему, и что онъ уѣзжаетъ, оставивъ фуражку, присланную изъ Петербурга, и проситъ меня передать извѣстія о немъ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ и успокоить ее относительно него, объяснивъ, что онъ находится въ корпусѣ Бенигсена, который не имѣетъ прямого сообщенія съ Петербургомъ, и письма оттуда должны дѣлать большой кругъ, вслѣдствіе чего приходятъ съ чрезвычайнымъ опозданіемъ; что онъ меня цѣлуетъ и пр.

Можете себѣ представить, какъ я проклиналъ свой сонъ! Въ концѣ концовъ онъ уѣхалъ обратно ночью, и поправить дѣло не было возможности.

Передайте мое почтеніе Екатеринѣ Ѳедоровнѣ, поцѣлуйте отъ меня Ипполита и Сашу. Привѣтъ всѣмъ.

Скажите Екатеринѣ, когда будете ей писать, что я еще ей не писалъ, но что отложено, то еще не потеряно.

Пишите мнѣ почаще, пришлите поскорѣе денегъ. Цѣлую Васъ отъ всего сердца и души, равно какъ и Ожаровскаго и его семью.

Передайте также мое почтеніе генералу Бетанкуру и поздравленія дамамъ съ счастливымъ возвращеніемъ изъ Англіи.

Еще разъ цѣлую Васъ. До свиданія!

Вашъ братъ Сергѣй.

Поцѣлуйте отъ меня Акулину.

P. S. Забылъ я Вамъ сказать, что мой братъ получилъ шпагу св. Анны, но полагаютъ, что ему, вмѣсто нея, дадутъ крестъ св. Владиміра. Что касается меня, то я его уже получилъ, благодаря графу, а за дѣло подъ Лейпцигомъ представленъ къ ордену св. Анны на шею.

Его Высокоблагородію
Ларіону Михайловичу
Бибикову
или
Катеринѣ Ивановнѣ
Бибиковой
въ С.-Петербургѣ.

Bobruisk. Le 25 mai 182[illegible]

La nouvelle de votre nomination, mon cher Bibikoff, a décidé Mathieu à quitter Хомутецъ pour venir à Pétersbourg; il a songé que dorénavant vous seriez obligé de suivre l'Empereur dans les courses et que Catherine resterait toute seule, mais notre excellent Mathieu ne cherche dans tout ce qu'il fait que ce que peut être utile ou agréable à ceux qu'il aime, le voilà qui court vous joindre chez vous, mes chers amis, tout enchanté de vous prouver par-là son amitié, et il décide sur-le-champ à partir sur cette seule idée, tandis que le prin-

temps tout entier, il n'a pas pris de décision, car alors il ne s'agissait que de lui même. Pour moi, mes chers amis, je suis enchanté de mon coté de ce voyage de Mathieu à Pétersbourg; vous avez pu voir par mes lettres précedentes avec quel ardeur je le désirais et je vous avoue que je commençais à perdre l'espoir de le voir valiser. Vous trouverez Mathieu bien changé; les chagrins de toute espece qui ont traversé son existence ont fletri son coeur, sa santé même en a souffert. Je me rappelle que Catherine dans son voyage à Хомутецъ de l'année passée s' était apperçu de cet état de Mathieu et m'en a parlé; la monotonie de la vie à Хомутецъ ne lui convient pas du tout, il a besoin de distraction d'une capitale, il a besoin surtout du soin que votre amitié saura lui prodiguer. Le caractére de Mathieu est si noble, si profond, qu'il cache son état sous de dehors tranquille, il ne voudrait pas affliger ceux qui l'aiment, mais il est facile de le deviner, et son caractère même tantôt d'une grande gaité, et tantôt d'une grande tristesse en est une preuve; et où peut-t-il trouver un meilleur remède à son état qu'auprès de vous et de Catherine? Aussi je le confie à vos soins, mes chers amis, et je suis sûr que vous saurez trouver le moyen de l'engager et le distraire. Vous savez qu'une fois déjà au commencement du printemps il s'etait mis en route pour venir chez vous, mais le mauvais état du chemin et surtout le désir de venir auprès de Papa, l'ont fait revenir sur ses pas; mais cette fois-ci c'est Papa lui-même qui l'engagé à partir, ainsi que Maman, qui lui porte comme à nous tous un attachement bien vif, et qui depuis longtemps s'en aperçu qu'une course à Pétersbourg auprès de vous, lui serait bien utile; il est donc venu en passant me surprendre dans notre camp de Bobruisk, et comme il me quitte demain, je n'ai pas voulu le laisser partir sans vous faire part, mes chers amis, de toutes mes apprehensions sur son état tout, en vous priant de ne lui en pas parler.

Je ne vous ai pas encore félicité, mon cher Bibicoff, sur votre nouvelle promotion, je le fais actuellement de tout mon coeur; il y a une chose qui me fait surtout plaisir dans cela,

c'est que vous allez accompagner l'Empereur partout où il ira, et qui par consequent j'aurai par-là l'occasion de vous embrasser; on dit ici cependant que l'Empereur ne nous passera pas en revue cette année, je serais bien faché que cela fut vrai; car je n'ai pas souvent de plaisir dans la guerre de ceiui qui m'a procuré la visite de Mathieu et qui me procurerait la vôtre; le genre de vie que je mène ici est bien peu intéressant, passé le service et nous en avons beaucoup, il n'y a rien du tout; je dois mes seuls instants apréables à Bestougeff, dont je vous ai déja entretenu dans mes lettres. Vous ne sauriez croire, mon cher Bibicoff, comme je suis heureux de son amitié et comme je désirerais que vous faisiez sa connaissance; il est impossible d'avoir un coeur mieux plein avec de l'esprit sans aucune vanité et presqu'en ignorant tout son mérite; ce qui m'attache à lui surtout, c'est de grands traits de ressemblance avec mon excellent Mathieu, qui lui même ignore tout ce qu'il vaut; comme nous parlons souvent de vous, mes chers amis, il vous connait sans vous avoir vu, et je suis sûr que la première fois qu'il nous sera permis de nous rencontrer tous ensemble, et que je vous ferai faire sa connaissance, il sera déjà pour vous un ancien ami. Nous possédons le grand-Duc Nicolas dans nos murs; il est venu visiter les travaux de la forteresse, et s'en va dans 2 jours; du reste nous n'avons de nouveautés que celles à la source desquelles vous êtes, ce sont vos changements qui n'en finissent pas; il y a des bruits qui courent chez nous que tout cela n'est encore que le prélude; est-ce vrai? Il faut que je vous parle encore avant de fermer lettre, d'une parente à nous, que nous avons trouvée ici dans un état bien déplorable; c'est une pauvre M-me Комкина, dont le fils a été condamné aux travaux de la forteresse; il est impossible de porter plus loin qu'elle la tendresse et le dévouement maternel, elle n'existe que pour lui; elle conserve encore l'espoir de le voir rendu à a société; dites-moi, mon cher Bibicoff, si son espérance est vaine? Je suis sûr aussi que si quelque chose depend de vous vous le ferez. Au reste, Mathieu vous donnera sur elle les

plus grands détails et vous dira combien elle est digne de respect et d'admiration.

Je ne puis mieux terminer, mes chers amis, qu'en recommendant encore une fois à vos soins et à votre amitié mon cher, mon excellent Mathieu en vous embrassant de tout mon coeur ainsi que Michinka et Ваничка. Faites mes compliments à Mélanie.

Votre frère et ami

Serge Mouravieff-Apostol.

P. S. Donnez-moi des nouvelles de Catherine Хвостовъ. J'avais prié Cathérine de lui dire de ma part combien je voudrais obtenir d'elle la permission de lui écrire et Catherine ne me dit rien jusqu'à présent.

Comme il serait temps de penser au service d'Hippolyte, Mathieu vous dira, mon cher Bibicoff, combien une letre de vous à Papa lui sera utile pour ce raport. Donnez-moi aussi des nouvelles d'Anuta Ozarovskj.

(Переводъ).

Бобруйскъ, 25 мая 182[illegible] г.

Извѣстіе о Вашемъ назначеніи, дорогой мой Бибиковъ, окончательно принудило Матвѣя покинуть Хомутецъ и ѣхать въ Петербургъ; онъ предполагалъ, что Вы отнынѣ обязаны будете слѣдовать за императоромъ, въ его поѣздкѣ, и что тогда Екатерина оставалась бы одна. Но такъ какъ нашъ добрѣйшій Матвѣй дѣлаетъ только то, что можетъ быть полезно или пріятно для любимыхъ имъ людей, то вотъ онъ и спѣшитъ къ Вамъ, чтобы оставаться у Васъ, мои дорогіе друзья, и весьма радъ, что этимъ докажетъ Вамъ свою дружбу. Теперь онъ рѣшился тотчасъ ѣхать подъ вліяніемъ одной этой мысли, тогда какъ весною онъ не рѣшался лишь потому, что дѣло касалось только его самого. Что ка-

сается меня, мои дорогіе друзья, я весьма доволенъ поѣздкою Матвѣя въ Петербургъ. Вы могли замѣтить изъ моихъ предыдущихъ писемъ, какъ горячо я этого желалъ, но, признаюсь, я уже терялъ надежду, что это осуществится.

×Вы найдете Матвѣя очень измѣнившимся; разныя невзгоды жизни изсушили его сердце и подорвали даже его здоровье. Помнится мнѣ, что Екатерина, во время, своей поѣздки въ Хомутецъ въ прошломъ году, замѣтила это состояніе Матвѣя и говорила мнѣ объ этомъ. Однообразіе жизни въ Хомутцѣ ему не подходитъ, онъ нуждается въ столичныхъ развлеченіяхъ, нуждается въ нѣжной заботливости, какую могла бы дать ему лишь Ваша дружба. ×Характеръ Матвѣя такъ благороденъ, такъ глубокъ, что состояніе свое внутреннее онъ прячетъ подъ маскою спокойствія, не желая огорчить никого изъ любимыхъ людей; объ этомъ не трудно догадаться по его нервному настроенію, то черезчуръ веселому, то слишкомъ грустному. А гдѣ же найти лучшее средство противъ такого настроенія, если не у Васъ, близъ Екатерины!? Я поручаю его Вашему попеченію, мои дорогіе друзья, и увѣренъ, что Вы пріищете средство его развлечь и развеселить. Знаете, однажды, въ началѣ весны онъ уже отправился къ Вамъ, но плохое состояніе дорогъ, а въ особенности желаніе остаться при отцѣ заставили его сейчасъ же возвратиться. На этотъ же разъ отецъ самъ уговорилъ его ѣхать, а также и мать, которая и его, и насъ всѣхъ горячо любитъ и которая давно уже замѣтила, что поѣздка въ Петербургъ къ Вамъ будетъ для него очень полезною.

Мимоходомъ онъ заѣхалъ въ Бобруйскъ поймать меня въ нашемъ лагерѣ, а такъ какъ онъ выѣзжаетъ отсюда завтра, то я не желалъ отпустить его, не сообщивъ Вамъ, мои дорогіе друзья, о всѣхъ моихъ опасеніяхъ относительно его душевнаго настроенія, но

прошу Васъ искренно не говорить ему ничего объ этомъ.

Я еще не поздравлялъ Васъ, дорогой Бибиковъ, съ Вашимъ новымъ производствомъ; дѣлаю это теперь отъ всего сердца, причемъ мнѣ больше всего доставляетъ удовольствіе то, что Вы будете сопровождать императора всюду, куда онъ ни поѣдетъ, а слѣдовательно я буду имѣть случай обнять Васъ и здѣсь. Здѣсь однако говорятъ, что императоръ не посѣтитъ насъ въ этомъ году; я былъ бы очень огорченъ, если бы это оказалось вѣрнымъ, ибо я не имѣю частыхъ удовольствій во время этой войны, за исключеніемъ лишь посѣщенія Матвѣя и ожидаемаго Вашего. Образъ жизни, который я здѣсь веду, представляетъ мало интереса. Нѣтъ здѣсь ничего больше, кромѣ массы служебныхъ обязанностей. Пріятными минутами я обязанъ лишь Бестужеву, о которомъ я Вамъ напоминалъ въ моихъ письмахъ. Вы не можете себѣ представить, дорогой Бибиковъ, какъ я счастливъ его дружбою, какъ я желалъ-бы, чтобы Вы познакомились съ нимъ! Невозможно имѣть лучшее сердце, полное безнадежности, безъ малѣйшаго признака гордости, не сознающее скромно своей цѣны! Но что больше всего меня привязываетъ къ нему, это громадное сходство съ моимъ добрѣйшимъ Матвѣемъ, который тоже самъ не знаетъ, чего онъ стоитъ. Такъ какъ мы часто говорили о Васъ, дорогіе мои друзья, то онъ Васъ знаетъ уже, не видавъ Васъ, и я увѣренъ, что, послѣ первой встрѣчи, когда я Васъ съ нимъ познакомлю, онъ сразу станетъ для Васъ старинымъ другомъ.

У насъ находится теперь великій князь Николай, прибывшій сюда для осмотра работъ въ крѣпости. Онъ уѣзжаетъ дня черезъ два. Впрочемъ, другихъ новостей у насъ нѣтъ, кромѣ тѣхъ, у источника которыхъ Вы сами находитесь: это Ваши безконечныя перемѣщенія; у насъ ходятъ слухи, что это только начало. Правда-ли это?

Заканчивая письмо, я долженъ Вамъ сообщить о родственницѣ, которую мы здѣсь нашли въ весьма плачевномъ состояніи. Это—бѣдная г-жа Кошкина, сынъ которой присужденъ къ работамъ въ крѣпости. Нельзя представить себѣ большей заботливости, чѣмъ ея по отношенію къ своему сыну; вся любовь матери и привязанность существуетъ въ ней исключительно для него. Она еще питаетъ надежду на возвращеніе его ей и обществу. Скажите мнѣ, дорогой Бибиковъ, напрасны-ли ея надежды? Я убѣжденъ, что если что-либо зависитъ отъ Васъ, то Вы сдѣлаете это для нея. Впрочемъ, Матвѣй Вамъ дастъ самыя точныя свѣдѣнія о ней и докажетъ Вамъ, насколько она достойна уваженія и восхищенія.

Не могу лучше закончить письмо, какъ поручить еще разъ Вашему попеченію и Вашему дружескому чувству моего дорогого и добрѣйшаго Матвѣя и поцѣловать Васъ отъ всего сердца, равно какъ Мишеньку и Ванечку. Поздравте отъ меня Меланію.

Вашъ братъ и другъ

Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.

P. S. Сообщите мнѣ что-либо про Екатерину Хвостову. Я просилъ Екатерину сказать ей отъ моего имени, что я желаю получить разрѣшеніе писать къ ней, но до сихъ поръ Екатерина меня не увѣдомляетъ объ отвѣтѣ.

Такъ какъ Ипполиту уже пора поступать на службу, то Матвѣй Вамъ передастъ, дорогой мой Бибиковъ, какъ полезно было-бы для него Ваше письмо къ отцу по сему предмету.

Сообщите мнѣ также объ Аннѣ Ожаровской.

Mon cher et bon Papa, l'Empereur lui même a la bonté de me permettre de vous écrire et je l'en bénis du fond de

mon coeur, puisqu il me donne par-là le moyen que j'appellais de tous mes voeux et que certainement j'eusse vainement appellé sans cela, de vous demander pardon à genoux de toute l'amertume, dont je vous ai abreuvé, dans la triste époque, qui vient de s'écouler. Croyez moi, mon cher Papa, mon coeur se resserre chaque fois que ma pensée s'arrête sur les angoisses et le profond chagrin que vous devez ressentir mais, de grâce, pardonnez moi, ne refusez pas cette prière à un fils qui vous l'adresse, le coeur plein de repentir et qui se fie encore à l'indulgence d'un Père, même quand il a perdu tout droit à tout autre. Mon pauvre Mathieu en est plus digne que moi, car il n'a fait que me suivre dans une entreprise qu'il n'approuvait pas, uniquement pour ne pas séparer son sort du mien. Je vous le déclare, mon cher Papa, car c'est la vérité, toute la conduite de Mathieu n'a été qu'un continuel dévouement d'amitié, il m'est doux de pouvoir vous faire mieux connaitre encore par là toute la pureté de son caractère. Je demande bien pardon à Maman, je ne lui ai donné que du chagrin en retour de l'amour qu'elle m'a toujours porté et des bontés pour nous tous, je jure cependant que j'eusse été heureux, si ma vie lui eût offert une occasion de lui prouver autrement qu'en paroles le dévouement et la reconnaissance que je necesserais de lui porter. Je demande bien pardon aussi à ma bonne Catherine et à Bibicoff; je les remercie pour leur constante amitié pour moi, et je prie Dieu du fond de mon coeur qu'il les protège, eux et leurs enfants.

J'adresse la même prière et je forme les mêmes voeux pour ma bonne Annette, ma bonne Hélène, j'emprasse aussi bien fort mes chères Дунюшка, Лизинька et Wassinka, en qui vous trouverez, mon cher et exellent Papa, toutes les consolations que vous eussiez de trouver en nous. J'ai besoin, mon cher Papa, que vous m'assuriez de votre pardon, que vous me disiez que vous ne me refusez pas votre bénidiction; cette assurance me donnera la force de supporter mon sort quelqu'il soit. Permettez-moi de vous prier aussi de garder comme un souvenir de moi une bague que j'ai porté et qui se trouve

actuellement dans mes effets. Je suis sûr qu'on ne la refusera pas à votre prière. Cette bague m'a été donnée par Mathieu et ne m'a quitté pendant 5 ans; qu qu'elle vous rappelle, mon cher et bon Papa, un fils dont vous étiez fier, il fut un temps, qui vous a donné bien du chagrin, dont il implore le pardon à genoux, en vous assurant que jamais, malgré cela, il n'a cessé de vous porter l'amour et le respect le plus profond. Je vous baise les mains. Votre fils soumis.

Serge Mouravieff-Apostol.

Le 21 Janvier 1826.

P. S. J'ose recommander à Vos soins, mon cher Papa, deux petits orphelins que j'avais adoptés et qui se trouvent actuellement à „Хомутецъ". Leurs extraits de bâpteme et autres papiers doivent s'y trouver aussi. L'un d'eux est maladif et a une tumeur scrophuleuse au genou, pour laquelle les medicins m'ont conseillé depuis longtemps les eaux du Caucase. Ils trouveront en vous, mon cher Papa, un protecteur qui leur sera plus utile que moi. Je recommande aussi à vos bontes les gens qui m'ont servi.

Encore une prière, mon cher Papa,—demandez la permission de m'envoyer un evangile et si l'on vous accorde votre demande, ecrivez-moi de votre main sur la première feuille que vous m'avez pardonné et que vous me donnez votre benédiction; ce livre, qui sera pour moi le gage de votre pardon ici-bas et l'espérance du pardon d'en haut, sera une consolation et je ne m'en séparerai plus.

(Переводъ.)

Мой дорогой и добрый папа! Самъ императоръ былъ такъ милостивъ, что разрѣшилъ мнѣ писать къ Вамъ. Я благодарю его отъ глубины сердца за предоставленіе мнѣ возможности того, къ чему были направлены всѣ мои пожеланія (которыя, навѣрно, оказались бы

тщетными безъ сего разрѣшенія): ✻просить у Васъ на колѣняхъ прощенія за все горе, причиненное Вамъ въ минувшее смутное время. Повѣрьте мнѣ, дорогой папа, что мое сердце сжимается каждый разъ, когда вспомню о печали, о глубокомъ огорченіи, которыя Вы чувствуете. Но, ради Бога, простите меня, не отказывайте въ сей просьбѣ сыну, обращающемуся къ Вамъ съ сердцемъ, полнымъ раскаянія, съ упованіемъ на снисхожденіе отца даже и въ томъ случаѣ, если онъ потерялъ на это право у всякаго другого.

✻Мой бѣдный Матвѣй достоинъ прощенія, чѣмъ я, ибо онъ рѣшился участвовать въ моемъ предпріятіи, которому онъ и не сочувствовалъ, лишь исключительно для того, чтобы не отдѣлять своей участи отъ моей. Сообщаю Вамъ это, дорогой папа, какъ истинную правду; ✻поведеніе же Матвѣя во все время было непрерывнымъ доказательствомъ дружбы и преданности, и мнѣ пріятно познакомить Васъ еще лучше со всей безукоризненностію его характера.

✻Я прошу искренно прощенія у мамы. Я ей причинялъ одни лишь огорченія въ отвѣтъ на ея неизмѣнную любовь ко мнѣ и ея доброту ко всѣмъ намъ. Клянусь, что я былъ бы счастливѣйшимъ, если бы мнѣ въ моей жизни представился случай доказать ей не на словахъ, а на дѣлѣ мою преданность и благодарность,— чувства, которыя останутся у меня навсегда. ✻Я прошу также прощенія у моей доброй Екатерины и у Бибикова, благодарю за ихъ постоянную дружбу ко мнѣ и молю Бога отъ глубины моего сердца, дабы онъ ниспославъ имъ и ихъ дѣтямъ свое покровительство.

Я обращаюсь съ той же просьбою и съ тѣми же пожеланіями къ добрымъ моимъ Аннушкѣ и Еленѣ. Крѣпко цѣлую также моихъ дорогихъ Дунюшку, Лизаньку и Васеньку; въ нихъ, дорогой и добрѣйшій мой папа, ✻Вы найдете то утѣшеніе, которое должны были найти въ насъ.

«Мой дорогой папа, мнѣ необходимо, чтобы Вы меня увѣрили въ своемъ прощеніи, чтобы Вы мнѣ сказали, что не отказываете въ своемъ благословеніи: увѣренность въ этомъ дастъ мнѣ силы перенести мою судьбу, какова бы она ни была.

Позвольте мнѣ еще просить Васъ принять на память то кольцо, которое я носилъ, и которое находится нынѣ между моими вещами. Я убѣжденъ, что въ немъ Вамъ не откажутъ. Кольцо это подарилъ мнѣ Матвѣй, и я носилъ его въ теченіе пяти лѣтъ; пусть оно напоминаетъ Вамъ, дорогой папа, сына, которымъ Вы въ былое время гордились, но который доставилъ Вамъ много горя, теперь же проситъ на колѣняхъ прощенія, увѣряя, что не смотря на все это, онъ никогда не переставалъ Васъ любить и глубоко почитать.

Цѣлую Вашу руку.

Вашъ покорный сынъ

Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.

21 января 1826 г.

P. S.—Я позволяю себѣ поручить Вашему попеченію, дорогой мой папа, двухъ сиротокъ, которыхъ я усыновилъ и которыя находятся въ Хомутцѣ. Ихъ метрическія свидѣтельства и другія бумаги должны находиться тамъ-же. Одна изъ нихъ болѣзненная, имѣетъ золотушную опухоль колѣна. Для излеченія доктора еще раньше совѣтовали кавказскія воды. Онѣ найдутъ въ Васъ, дорогой папа покровителя, болѣе полезнаго для нихъ, чѣмъ я.—Поручаю также Вашему вниманію и моихъ слугъ.

Еще одна просьба, дорогой папа: проситe разрѣшенія прислать мнѣ евангеліе, и, если просьбу эту исполнятъ, напишите на первой страницѣ собственноручно, что Вы меня простили и даете свое благословеніе. Книга эта, могущая служить мнѣ доказательствомъ Вашего прощенія здѣсь и надеждою на проще-

ніе свыше, будетъ единственнымъ моимъ утѣшеніемъ и съ нею я уже никогда не разстанусь.

Его Превосходительству
Милостивому Государю
Ивану Матвѣевичу
Муравьеву-Апостолу.

La réception de votre lettre du 3 février, mon cher et bon papa, a été comme une lueur de bonheur pour moi, m'a procuré une bien douce jouissance. Je pense souvent à notre mère, mon cher papa, et je suis convaincu, comme vous le dites, que la mort ne rompt pas tous liens, qui nous unissaient avec ceux, que nous avons chéris ici-bas. Je n'ai jamais manqué de réligion, j'ai toujours pensé que quiconque a refléchi sérieusement à la vie, ne savait en manquer; à présent mes pensées s'y portent plus que jamais. J'espère beaucoup à la bonté de Dieu qui lit dans les idées, qui ne saurait être mécontent de sentiments, qu'il trouve dans le mien, et que je prie tous les jours de ne pas m'abandonner jusqu'à la fin. Je le prie aussi tous les jours et avec ferveur pour vous, mon cher papa, pour ma chère maman et pour tous les nôtres. Puisse-t-il vous accorder bien du bonheur, en compensation du chagrin que je vous donne!

Votre fils soumis

Serge Mouravieff-Apostol.

Ma santé est fort bonne, mon cher papa, et vous auriez tort de concevoir quelque inquiétude sur elle. Je vous baise respectueusement les mains.

Le 6 février 1826.

Полученіе Вашего письма отъ 3-го февраля, мой дорогой и добрый папа, было для меня какъ бы про-

блескомъ счастія, доставившаго не мало наслажденія. Я часто думаю о нашей матери, дорогой папа, и я убѣжденъ, что смерть, какъ вы это говорите, не разрываетъ всѣхъ узъ, соединявшихъ насъ съ любимыми здѣсь существами. Я никогда не былъ чуждъ религіи и всегда полагалъ, что всякій, кто только серьезно вдумывается въ жизнь, не можетъ пренебрегать религіею. Мои мысли теперь стремятся туда чаще, чѣмъ когда-либо.

Я уповаю твердо на благодать Бога, который читаетъ въ сердцахъ нашихъ; Онъ не будетъ недоволенъ чувствами моего сердца. Я умолялъ Его ежедневно не оставить меня до самаго конца. Я горячо прошу Его также ежедневно за Васъ, дорогой папа, за нашу дорогую мать и за всѣхъ нашихъ. Да ниспошлетъ Онъ Вамъ много счастія въ вознагражденіе за то горе, какое Вамъ доставляетъ Вашъ покорный сынъ

Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.

P. S.—Здоровье мое вполнѣ хорошо, и Вы напрасно о немъ безпокоитесь. Цѣлую почтительнѣйше Ваши руки.

6 февраля 1826 г.

Письмо изъ крѣпости послѣ объявленія смертнаго приговора.

C'est l' intention seule qui constituit la culpabilité des actions, en temps qu'actions ne prouvent rien; car on peut faire beaucoup de mal avec les intentions les plus pures du monde et produire le plus grand bien avec les intentions les plus perverses. Il est si vrai que c'est de l'intention et non de l'action que découle la culpabilité, que ce qui rend le devoir de juge si difficile, c'est que non seulement il doit porter dans son caractère, libre des petites haines et des pe-

tites passions, la garantie de l'impartialité, de la verité, et du courage, mais il doit posséder en outre un esprit assez exercé, pour pouvoir pénétrer autant qu'il est possible jusqu' aux intentions de l'acusé à travers la série des faits constatés; et même ce pouvoir discrétionnaire de prononcer sur le fait et l'intention, a paru tellement exorbitant et au dessus des jours de l'homme, qu'il y a des pays, où l'on a partagé la procédure entre jury et les juges, dont le premier est proprement le juge de l'intention et les seconds ne sont plus que les aplicateurs de la Loi. Ces reflexions paraitront à bien des gens des niaiseries bien inutiles; pour eux la procédure est chose beaucoup plus simple; comme ils l'entendent, c'est véritablement le lit de Procuste, il vient à la taille de tous ceux qu'on y couche, que ce soit naturellement ou non, qu'est-ce que cela fait? Resulte-t-il cependant de tous ce que nous venons de developper que les intentions du chacun c'étaien connues que de lui même, une bonne procédure doit appeler chaque accusé à rendre temoignage pour lui même, non sans doute? Car peu d'hommes auraient le courage d'un franc aveu, et on peut dire même que les plus innocents et les plus purs seraient plus portés que plus perversàs'accuser et se condamner eux mêmes, mais il resulte sans contredit que les jugements des hommes sont tous faillibles, vacillants et approximatifs, que plus ils sont tranchés, plus ils sont le fruit de la futilité et de la paresse, et plus ils sont voisins de l'erreur, qu'une grande responsabilité pèse sur la tête de tout homme qui juge *), et qui par conséquent l'indulgence, la chasteté et l'amour sont les principes du jugement non seulement les plus profonds; et nous voilà rentrés dans le morale de l'évangile; libre divin, libre profond, trop peu compris, qui contient le germe de toutes les vérités et auquel on est toujours raméne, dès q'on médite profondément sur tout ce qui tient à l'homme! Ce libre nous annonce aussi

*) que cette responsabilité croit en proportion directe avec la discretion du pouvoir, abandonné au juge.

un grand jugement, réparateur de tous les autres. Il nous annonce qu'un jour notre Divin Sauveur (seul juge infaillible) puisque jugeant les coeurs, il juge les actions par les intentions, viendra environné de toute sa gloire, rendre à chacun selon les oevres; mais il nous l'annonce indulgent dans sa toutepuissance, plein d'amour et de charité, inexorable seulement pour la mauvaise foi et l'égoisme. Esperons donc et craignons tous ce jour, qui mettra les intentions de chacun en évidence!

Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. 1826 г.

(Переводъ).

«Только одно намѣреніе опредѣляетъ виновность. Само дѣяніе и все, съ нимъ связанное, не доказываетъ еще ничего, ибо можно сдѣлать много зла при самыхъ благихъ намѣреніяхъ и много добра при самыхъ превратныхъ. Воистину, виновность опредѣляется не дѣйствіями, а намѣреніемъ, и обязанность судьи особенно трудна не только потому, что самый характеръ его, чуждый мелочной злобы и мелкихъ страстей, долженъ являть извѣстныя гарантіи безпристрастія, справедливости и мужества, но еще и потому, что судья долженъ обладать изощреннымъ умомъ, дабы быть въ состояніи проникнуть, насколько возможно, въ намѣреніе обвиняемаго помимо ряда установленныхъ уже фактовъ. Дискреціонная власть при опредѣленіи дѣяній и намѣреній казалась настолько чрезмѣрной и превышающей силы человѣческія, что въ нѣкоторыхъ странахъ судопроизводство раздѣлили между присяжными засѣдателями и судьями, изъ коихъ первые собственно опредѣляютъ намѣренія виновнаго, а вторые примѣняютъ лишь законъ.

«Эти размышленія многимъ покажутся безполезною болтовнею; для нихъ судопроизводство кажется дѣломъ

гораздо болѣе простымъ: оно, по ихъ мнѣнію, настоящее ложе Прокруста, которое впору всѣмъ, кто бы къ нему ни прикасался. Что кому до этого, будетъ ли это естественно или нѣтъ!

Изъ всего изложеннаго нами не слѣдуетъ ли, что, такъ какъ намѣренія каждаго извѣстны лишь ему самому, то правильное судопроизводство должно приглашать каждаго обвиняемаго давать показанія самому о себѣ? Нѣтъ, безъ сомнѣнія!—ибо весьма немного людей имѣли бы мужество сдѣлать чистосердечныя признанія, и даже можно сказать съ увѣренностію, что самые невинные и непорочные рѣшились бы скорѣе на самообвиненіе, чѣмъ люди злонамѣренные.

Изъ этого выходитъ безспорно, что сужденія людей вообще не непогрѣшимы, шатки и приблизительны, что чѣмъ болѣе они рѣзки, тѣмъ болѣе являются результатомъ суетности и лѣности и тѣмъ болѣе приближаются они къ ошибочнымъ, и что громадная отвѣтственность лежитъ на каждомъ человѣкѣ, который судитъ (отвѣтственность эта увеличивается прямо пропорціонально дискреціонности власти, предоставленной судьѣ), и что, слѣдовательно, снисхожденіе, милосердіе и любовь суть основы суда, не только самаго честнаго, но и самаго разумнаго и серьезнаго.

И вотъ мы вошли въ область морали евангелія, книги божественной, полной глубокаго смысла, но недостаточно понятой, которая заключаетъ въ себѣ источникъ всякой правды, и къ которой всегда обращаются, лишь только начинаютъ глубоко вдумываться во все, что касается человѣка. Эта книга возвѣщаетъ намъ также о великомъ судьѣ, исправителѣ всѣхъ другихъ судовъ. Она гласитъ намъ, что настанетъ день, когда нашъ Божественный Спаситель, единственный непогрѣшимый Судья, Который, проникая въ наши сердца, судитъ о дѣяніяхъ нашихъ по нашимъ намѣреніямъ, — пріидетъ во славѣ своей и воздастъ каждому по его заслугамъ;

она также говоритъ намъ, что въ своемъ могуществѣ Отецъ, Спаситель, снисходителенъ, полонъ любви и милосердія, а неумолимъ только для злой воли и самолюбія.

Будемъ же мы всѣ надѣяться и бояться того дня, въ который сдѣлаются явными намѣренія каждаго!

Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.

1826 г.

Изъ писемъ къ генералъ-губернатору восточной Сибири.

„Honorez moi, Seigneur, de Votre indifference!“*)

Отъ С. П. Трубецкого.**)

Сего года 16 числа В. В. объявили мнѣ что Государь Императоръ по случаю торжествованія въ прошедшемъ году бракосочетанія Государя Цесаревича Наслѣдника соизволилъ обратить Высочайшее вниманіе на поступокъ женъ нашихъ послѣдовавшихъ за нами въ заточеніе, и принялъ Всемилостивѣйшее намѣреніе въ уваженье ихъ оказать милосердіе на ихъ дѣтяхъ родившихся въ Сибири. Что Комитетъ, Которому Всемилостивѣйше повѣлено было изыскать средство привесть въ исполненіе благодѣтельную волю Госу: Им: собравъ потребныя свѣдѣнія положилъ по достиженіи дѣтьми узаконенныхъ лѣтъ принять ихъ для воспитанія въ казенныя заведенія для дворянскаго Сословія учрежденныя, если отцы и матери ихъ на то согласны будутъ; при выпускѣ же возвратить имъ права утраченныя ихъ отцами, когда они поведеніемъ своимъ и успѣхами въ наукахъ окажутся того достойными, но

*) Рукою М. И. Муравьева-Апостола.

**) Орографія и пунктуація подлинниковъ.

вмѣстѣ съ тѣмъ лишить ихъ фамильнаго имени ихъ отцовъ, приказавъ именоватся по отчеству.

До глубины души исполненный чувствами живѣйшей признательности къ вниманію Всемилостивѣйше обращенному на женъ и дѣтей нашихъ, смѣю уповать что Государь Императоръ по милосердію своему не допуститъ положить на чело матерей не заслуженнаго ими пятна, и лишивъ дѣтей фамильнаго имени отцовъ, причислить къ незаконнорожденнымъ.

Касательно согласія моего на помѣщеніе дѣтей монхъ въ казенное заведеніе, я въ положеніи моемъ не дерзаю взять на себя рѣшеніе ихъ судьбы, но не долженъ скрыть что разлука на вѣкъ дочерей съ ихъ матерью будетъ для смертельнымъ ударомъ.

Никиты

Отъ А. М. Муравьева.

Имѣю честь представить В: В: отзывъ требуемый отъ меня Е: С: Графомъ Бенкендорфомъ.

Е: И: В: Государь Цесаревичъ Наслѣдникъ при торжествованіи своего брака, обратилъ умиленныя взоры на участь дѣтей нашихъ, и пожелалъ чтобы пламенныя молитвы матерей, отцевъ и сиротъ вознеслись за него къ престолу Божію, Государь Императоръ поручилъ комитету изыскать средства къ осуществленію великодушной мысли Цесаревича, но члены онаго не были одушевлены христіанскимъ чувствомъ юной души.

Отнятіе у дочери моей фамильнаго имени поражаетъ существо невинное, и бросаетъ тѣнь на священную память матери и супруги.

Отдача дочери моей въ чуждыя руки довершила бы ее сиротство. Въ 1799 году раздираемый жестокими болезнями моей дочери, я просилъ чтобы мнѣ позволено было соединить ее съ единокровными. Поручая ее моей матери я желалъ хотя отчасти замѣнить ей неж-

ность отца, но при разстроенномъ ея здоровьѣ я бы нарушилъ священную обязанность, которая лежитъ на мнѣ, отдавъ ее въ общественное заведеніе мнѣ остается просить чтобы не лишили меня моего единственнаго блага. Какія житейскія выгоды въ зрѣлыхъ лѣтахъ замѣнятъ моей дочери сознаніе что они исполнили долгъ свой, и служили утѣшеніемъ и подпорой отцу своему?

Отъ С. Г. Волконскаго.

Частыя и сильныя болѣзни сына моего, совершенно разстроили его здоровье. Въ положеніи семъ нетолько предназначеніе къ военной службѣ, но самое путешествіе изъ Сибири въ Россію будетъ для него пагубнымъ; дочь моя еще ребенокъ, и что можетъ замѣнить ей заботливое попеченіе матери.

Существованіе жены моей такъ совершенно слито съ благополучіемъ и жизнію ея дѣтей, что одна мысль о возможности разлуки уже здѣлалась для нихъ мученьемъ. Должны ли дѣти мои вступить въ свѣтъ съ горькою увѣренностію, что отецъ ихъ купилъ имъ житейскія выгоды новыми страданіями и самою смертію ихъ матери.

На сердце уже полное любви и добродѣтели Государя Цесаревича и Наслѣдника возлагаю и нераздѣльную судьбу жены и дѣтей моихъ, и чрезъ сердобольное ходатайство Его испрашиваю милости не лишать дѣтей моихъ имени переданнаго имъ святостью брака— имени котораго изгладить въ ихъ памяти можно только съ уничтоженіемъ сыновней въ нихъ любви.

Отъ А. Е. Розена.

Изъ мирнаго моего уединенія по приказанію граж. губернатора повѣлено было мнѣ и женѣ моей явиться

къ нему въ Ревель 16 Апреля. Жена моя не могла ѣхать по болезни, а я больной отправился. Тамъ объявили мнѣ что Государь Императоръ по всеподданѣйшему докладу Генерала Графа Бенкендорфа всемилостивѣйше повелеть соизволилъ, чтобы всѣхъ младшихъ сыновей моихъ, буде пожелаютъ сего Розенъ и жена его, помѣстить въ казенныя учебныя заведенья, съ тѣмъ чтобы они утверждаемы были въ правахъ дворянства, только по выпускѣ изъ заведеній если заслужатъ сей милости нравственнымъ поведеніемъ, хорошими правилами и успѣхами въ наукахъ, и чтобы имъ не дозволять носить фамилью отца ихъ, но именоваться по отчеству.

Чувствуя въ полной мѣрѣ благодѣяніе Царя удостоившаго внимательною милостью дѣтей моихъ, не могу я добровольно согласиться на отверженье имени, единственнаго моего наслѣдства отъ святочтимыхъ предковъ моихъ; свѣрхъ того это имя записано въ Рускихъ Лѣтописяхъ со времени Царя Іоанна Васильевича.

Что я охотно отдаю дѣтей моихъ въ казенныя учебныя заведенія, это я доказалъ старшимъ сыномъ. Просилъ Государя чрезъ Графа Бенкендорфа, чтобы сыновья мои могли сохранить свою фамилью, и чтобы дозволѣно было имъ оставаться при родителяхъ до 14 лѣтняго возраста.

Письмо княгини Волконской къ отцу Константина Густавовича Игельстрома.

Константину
Густавовичу
Игельстрому.

Le 14 Mai 1828 г.
Читинской Острогъ.

C'est avec un plaisir bien réel, Monsieur, que je m'empreses de Vous donner des nouvelles de Monsieur Votre fils, qui d'après ce que je tiens de mon mari, son camarade d'infortune,

se porte bien et soutient son sort avec une résignation parfaite, ce qui doit apporter à Votre coeur paternel un véritable soulagement. J'ai apris de même, qu'il a été tout heureux de recevoir une lettre de Vous du 2 Mars: la continuation de Votre tendresse pour lui, Votre sollicitude pour Mademoiselle Cornelie, le pénètrent de la plus vraie reconnaissance. Quelque terrible que soit sa position ici, il ne souffre que des peines qu'il Vous a causées et d'avoir fait participe à son malheur celle qui veut se dévouer si généreusement à lui.

Combien je voudrais avoir la certitude, Monsieur, que ma lettre à Madame Votre Epouse du 18 Février lui soit parvenue, que je voudrais Vous savoir plus tranquille.

Veuillez croire, Monsieur, que je me ferais toujours un devoir bien doux de Vous donner des nouvelles de Votre infortuné fils et agréez l'assurance de la haute considération que Vous porte

Votre devouée
Marie Wolkonsky.

P. S. Comme je suppose encore Mademoiselle Roukievitz auprès de Vous, je prends la liberté de lui écrire sur la page suivante afin que ma lettre lui parvienne avec plus de sureté.

(Переводъ).

14 мая 1828 г. Читинскій острогъ.

Съ истиннымъ удовольствіемъ спѣшу передать Вамъ извѣстія о Вашемъ сынѣ, который, согласно извѣстіямъ, полученнымъ мною отъ моего мужа, сотоварища его по несчастію,—здоровъ и свою участь переноситъ съ полною покорностію судьбѣ, что Вашему отцовскому сердцу должно доставить извѣстное облегченіе. Я узнала также, что онъ былъ очень счастливъ, получивъ Ваше письмо отъ 2-го марта. Неизмѣнность привязанности Вашей къ нему и Ваша нѣжная заботливость о m-lle Корнеліи возбуждаетъ въ немъ чувство искренней благодарности. Какъ ни страшно его положеніе

здѣсь, тѣмъ не менѣе онъ страдаетъ только отъ сознанія, что причиняетъ столько горя Вамъ и заставляетъ дѣлить свое несчастіе ту, которая для него рѣшается пожертвовать собою такъ великодушно!

Какъ желала бы я знать наверно, получила ли Ваша супруга мое письмо отъ 18 февраля, и видѣть Васъ болѣе спокойнымъ!

Повѣрьте, что я сочту всегда своимъ пріятнымъ долгомъ присылать Вамъ извѣстія о Вашемъ несчастномъ сынѣ, и примите увѣреніе въ моемъ высокомъ уваженіи.

Преданная Вамъ

Марія Волконская.

P. S. Предполагая, что m-lle Рукевичъ еще находится у Васъ, я позволяю себѣ писать ей на слѣдующій страницѣ, въ надеждѣ, что такимъ образомъ письмо дойдетъ до нея вѣрнѣе.

Получено 7-го августа.

Константину Густавовичу Игельстрому.

Mon Père!

Voilà bien un siècle que je suis privé de vos nouvelles et je me perds en conjectures en recherchant la cause de ce long silence. Serait-il possible que je m'aie attiré votre mécontentement? Mon Père, vous connaissez ma pasition, vous savez ce que c'est la condition d'un soldat, et surtout ici; voudrez vous donc par un total oubli aggraver les maux que j'endure par suite de ma position?

Le Baron Вревскій, aide de camp du Ministre de la guerre, a assuré que j'étais avancé sous-officier; si c'est vrai, j'ai un faible espoir d'être officier encore cette année-ci, puisque Sa

Majesté va passer en revue notre détachement à Guélendgik; C'est le 22 Septembre que nous allons être honorés de l'Auguste visite et il se peut bien qu'il y aura des grâces répandues sur les dégradés. Si mon espoir se réalisait, j'aurai encore le bonheur d'embrasser vos genoux et de vous dire de vive voix que je vous aime au delà de toute expression. Mon Dieu! avec quelle impatience j'attends ce moment fortuné!

Notre détachement est parti pour l'expédition au mois d'Avril et moi je dus rester à Екатеринодаръ à cause d'une fièvre, qui paraissait m'avoir quitté, et qui cependant vient de me visiter de rechef cette nuit-ci. Cependant malgré cette maudite fièvre je me rends après-demain à l'expédition, et, si je devais tomber raide mort, je ne manquerai pas d'être à la revue de Sa Majesté. Le général Baron Rosen a passé par ici, Son Excellence est resté deux jours chez nous, mais il m'était impossible de me presenter à lui parce que mon uniforme a été envoyé avec celles de toute la compagnie directement à Guilendgik.

Les généraux Comte Zucatto et Гастомиловъ m'ont chargés de vous présenter leurs respects. Le dernier m'a parlé de vous avec beaucoup d'interét et de reconnaissance, et n'a pas oublié la manière noble dont vous avez agi ervers lui pendant la campagne de Pologne. Il a été chez moi et nous avons joué quelques parties d'echecs. Il m'avait proposé d'aller ensemble rejoindee le détachement, mais à cause de quelques commissions dont m'a chargé mon Colonel j'ai du me priver de ce plaisir. Je ne vous ai encore parlé de mon chef, le Lieutenant Colonel Kamensky. La conduite de ce brave et excellent homme envers moi est telle qu'elle me fait souvent oublier ma position. Il est mon ancien compagnon d'armes et ses manières envers moi sont encore plus délicates et plus prévenantes aujourd'hiu qu'elles ne l'étaient autre fois. Pourquoi les autres officiers ne lui ressemblent-ils pas?!.

Je vous prie, mon Père, de présenter mes hommages les plus respectueux à Maman et de l'assurer de mon sincère attachement

J'embrasse de tout mon coeur mes petits frères et soeurs et vous prie, mon Perè, de croire aux sentiments les plus distingués de votre.

très devoué et effectionné fils

Konstantin Iguelstrom.

Екатеринодаръ.
Le 9 juillet 1837.

(Переводъ).

Получено 7-го августа.

Батюшка!

Вотъ уже цѣлую вѣчность я лишенъ извѣстій о Васъ и теряюсь въ догадкахъ, отыскивая причину такого долгаго молчанія. Возможно-ли, чтобы я навлекъ на себя Ваше неудовольствіе?!

Отецъ мой, Вы знаете мое положеніе, Вы понимаете, въ какихъ условіяхъ находится солдатъ вообще, а здѣсь въ особенности; неужели же полнымъ забвеніемъ Вы желаете увеличить мои страданія, которыя я переношу уже въ силу одного моего положенія!?

Баронъ Вревскій, адъютантъ военнаго министра, увѣрялъ, что я произведенъ въ унтеръ-офицеры. Если это вѣрно, то имѣю слабую надежду быть офицеромъ еще въ текущемъ году, такъ какъ его величество намѣренъ сдѣлать смотръ нашему отряду въ Геленджикѣ. 22-го сентября мы имѣли быть удостоены высочайшаго посѣщенія, и возможно, что будутъ тогда помилованіе для разжалованныхъ.

Если мои надежды сбудутся, то я буду имѣть счастье обнять Ваши стопы и уже не на бумагѣ повторить Вамъ, что нѣтъ словъ для выраженія моей любви! Боже мой, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я этой радостной минуты!

Нашъ отрядъ вышелъ въ походъ въ апрѣлѣ, но я долженъ былъ остаться въ Екатеринодарѣ по причинѣ лихорадки, которая, казалось, меня бросила, но затѣмъ

навѣстила вновь въ эту ночь. Несмотря однако на эту злосчастную лихорадку, я отправляюсь послѣ завтра въ походъ и предпочитаю умереть, чѣмъ отсутствовать на смотру его величества.

Генералъ баронъ Розенъ былъ проѣздомъ здѣсь; его превосходительство пробылъ у насъ два дня, но я не могъ представиться ему, такъ какъ мой мундиръ отправленъ былъ прямо въ Геленджикъ вмѣстѣ съ вещами всей роты.

Генералы графъ Цукато и Гастомиловъ поручили мнѣ передать Вамъ свое почтеніе. Послѣдній изъ нихъ говорилъ мнѣ о Васъ съ большимъ вниманіемъ и признательностью; онъ не забылъ Вашего благороднаго отношенія къ нему во время польской кампаніи. Онъ былъ у меня, и мы съ нимъ сыграли нѣсколько партій въ шахматы. Онъ мнѣ предлагалъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ догонку отряда, но, въ виду нѣкоторыхъ порученій, данныхъ мнѣ полковникомъ нашимъ, я лишился этого удовольствія.

Я Вамъ еще ничего не сказалъ о моемъ начальникѣ, подполковникѣ Каменскомъ. Отношеніе ко мнѣ этого дѣльнаго и прекраснаго человѣка таково, что заставляетъ часто забывать мое положеніе. Онъ мой давній товарищъ по оружію, но обращеніе его со мною теперь еще мягче и предупредительнѣе, чѣмъ было прежде. Почему же другіе гг. офицеры на него не похожи?

Прошу Васъ, отецъ мой, передать мамашѣ мое глубочайшее почтеніе и увѣрить въ моей искренней привязанности.

Цѣлую отъ всего сердца моихъ братьевъ и сестричекъ, а Васъ, мой отецъ, прошу вѣрить въ искреннѣйшія чувства преданнаго и любящаго сына

Константина Игельстрома.

Екатеринодаръ.
9 іюля 1837 г.

Comp Militaire près de Tzenress. Le 28 Octobre 1838.

Константину Густавовичу Игельштрому.

Mon Père

Mille et mille obligations pour votre souvenir ainsi que pour celui de ma chère Maman et de Sophie! Je ne suis pas fautif du long silence; d'abord, je n'ai pas reçu les 2 lettres dont Maman fait mention, ensuite les circonstances m'ont privé du seul plaisir qui me reste: c'est de vous écrire!

Depuis le 15 août je suis officier aux sapeurs du Caucase; et au moment que je vous écris le chef de ma compagnie s'en va à cause de maladie et moi, le seul officier dans la compagnie, je dois la commander et par conséquent je dois la recevoir.

Pardon donc mon Père! Pardon le plus chers de Pères de la briéveté de ma lettre et veuillez m'excuser devant Maman et Sophie.

Si j'arrange mes finances et si je reçois la permission de Sa Majesté,j e ne manquerai pas de voler embrasser vos genoux.

Alexsandr Weguelin est près de moi et vient d'être avancé sous-officier; il vous présente ses hommages et vous remercie ainsi que Sophie de votre souvenir.

Je suis très bien auprès du Général Rayevsky et suis presenté trois fois pour cette expédition. Dans une des presentation le Général a dit достоинъ Всемилостивѣйшаго всепрощенія. Дай Богъ чтобы его устами медъ пить; mais j'en ai peu d'éspoir.

Pardon encore une fois, mon bon, mon chèr Père, je dois quitter la plume parce que le devoir m'appele d'Екатеринодаръ; j'aurai le plaisir de vous passer en detail tout ce qui me concerne; pour le moment ça m'est empossible.

J'embrasse mille et mille fois les mains de Maman, je presse Sophie contre mon coeur et vous prie, mon Père, de croire aux sentiments les plus sincères de votre

affectionné fils

Constantin Iguelstrom.

Le capitaine Popandopulo m'a beaucoup parlé de vous et m'a chargé de vous présenter ses respects.

Le fils du ci-devant Gouverneur d'Irkoutsk, le jeune Цейдлеръ, est ici à l'expedition et sans vous connaître il m'a chargé de vous dire les choses les plus obligeantes.

(Переводъ).

Лагерь близъ Ценресъ. 28 октября 1838 г.

Батюшка!

Тысячу и тысячу признательностей за память Вамъ, дорогой моей мамѣ и Софіи! Я не виновенъ въ долгомъ молчаніи, потому что прежде всего я не получилъ тѣхъ двухъ писемъ, о которыхъ упоминаетъ мама, а затѣмъ были такія обстоятельства, которыя лишили меня единственнаго оставшагося для меня удовольствія—писать Вамъ!

Съ 15 августа я офицеромъ въ кавказкихъ саперахъ; въ минуту, когда я Вамъ пишу, нашъ ротный командиръ уходитъ по болѣзни, и я, какъ единственный офицеръ въ ротѣ, долженъ ею командовать, а слѣдовательно, я долженъ ее и получить.

Извините поэтому, мой отецъ! Извините, дорогой мой отецъ, за краткость моего письма и извинитесь за меня передъ мамой и Софіею.

Если устрою мои финансы и если получу отпускъ отъ его величества, не премину полетѣть обнять Ваши колѣни.

Александръ Вегелинъ при мнѣ и будетъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Онъ свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе и благодаритъ Васъ и Софію за память о немъ.

Я на хорошемъ счету у генерала Раевскаго и былъ представляемъ три раза по случаю сего похода. При одномъ изъ представленій генералъ сказалъ: „достоинъ

всемилостивѣйшаго всепрощенія". Дай Богъ, чтобы его устами мёдъ пить! Но я мало надѣюсь на это.

Извините еще разъ, дорогой мой отецъ, но я долженъ бросить перо: служба меня зоветъ. Изъ Екатеринодара я Вамъ съ удовольствіемъ сообщу всѣ подробности относительно меня, но въ настоящую минуту нѣтъ возможности.

Цѣлую тысячу и тысячу разъ руки мамы, прижимаю къ моему сердцу Софію, а Васъ, дорогой отецъ, прошу вѣрить въ искреннѣйшія чувства любящаго сына

Константина Игельстрома.

Капитанъ Попандопуло говорилъ мнѣ много о Васъ и поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать свое почтеніе.

Сынъ бывшаго иркутскаго губернатора, молодой Цейдлеръ, здѣсь, въ походѣ; хотя онъ Вамъ и незнакомъ, но все-таки просилъ меня передать Вамъ нѣсколько самыхъ привѣтливыхъ словъ.

Екатеринодаръ le 21 Mars 1839.

Константину Густавовичу Игельштрому.

Mon Père

Je viens d'arriver de chez Alexandre et, sans pouvoir vous exprimer mes sentiments au moment où je me suis jeté dans ses bras, dans les bras de ce cher frère que j'aime tant et que j'avais perdu l'espoir de revoir un jour, je dois vous annoncer qu'Alexandre a captivé tous les coeurs de Stavropol. Le Général Grabbé rien que pour l'avoir vu a conçu la meilleure opinion de lui et après l'avoir vu deux fois, il lui a confié le poste le plus honorable et en même temps le plus dangereux de toute la ligne du Caucase. Il lui a confié le commandement Хоперскаго казачьяго полка, lequel quoique cantonné à 100 verstes de Stavropol est justement l'endroit par où les

Circassiens font leurs incursions et peuvent être dangereux à ceux qui se rendent aux eaux. Alexandre n'a pas osé refuser ce poste puisqu'on lui a dit qu'il était dangereux; mais ça ne l'arrange pas trop. D'abord ce regiment a été 3 ans sans chef; ensuite on a voulu le nommer дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ отрядъ генерала Раевскаго, alors nous serions ensemble, et puis il aurait pu beaucoup gagner, vû que Раевскій serait enchanté d'avoir auprès de lui un homme comme Alexandre et d'autant plus que Раевскій s'attache facilement à des gens comme mon frère. Toutefois je crois que Граббе ne manquera pas de la première occasion pour lui procurer une récompense.

Pardonnez, mon Père, de la brièvete de ma lettre, je ne pourrais manquer l'occasion de vous passer des nouvelles d'Alexandre et puisque je suis retourné chez moi justement le jour de poste, je profite du moment.

J'embrasse vos genoux, mon Père, en vous priant de dire mille choses les plus aimables à Maman et de vouloir m'exuser devant elle de ne pas lui écrire, je baise un million de fois ses mains.

Je presse contre mon coeur mes frères et soeurs et vous prie, mon Père de croire aux sentiments d'un sincère attachement de votre tout devoué

et affectionné fils

Constantin Iguelstrom.

29 марта я выступаю въ походъ на восточный берегъ Чернаго моря. Экспедиція продолжится до 8-ми мѣсяцевъ.

(Переводъ).

Екатеринодаръ, 21 марта 1839 г.

Батюшка!

Я только что возвратился отъ Александра и не въ силахъ Вамъ передать моего чувства въ ту минуту,

когда я бросился въ его объятія, въ обьятія моего дорогого брата, котораго такъ люблю и котораго когда-либо увидѣть я потерялъ всякую надежду. Я долженъ Вамъ сообщить, что Александръ плѣнилъ всѣ сердца въ Ставрополѣ. На генерала Граббе онъ сразу произвелъ прекрасное впечатлѣніе, а послѣ второй съ нимъ встрѣчи генералъ поручилъ ему самый почетный, но въ то же время и самый опасный постъ на всей кавказской линіи: командованіе хоперскимъ казачьимъ полкомъ, который хотя и расквартированъ всего въ ста верстахъ отъ Ставрополя, но находится именно въ такомъ мѣстѣ, черезъ которое черкесы дѣлаютъ постоянно свои набѣги и могутъ быть весьма опасными для ѣдущихъ на воды. Александръ не посмѣлъ отказаться отъ этого поста, именно потому, что ему сказали о связанной съ нимъ опасности, но ему это назначеніе не подходитъ. Прежде всего въ этомъ полку уже три года не было командира; затѣмъ Александра имѣли въ виду назначить дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ отрядъ генерала Раевскаго, а слѣдовательно мы были бы вмѣстѣ, и, наконецъ, онъ отъ этого могъ бы много выиграть, ибо Раевскій былъ бы несомнѣнно весьма радъ такому человѣку, какъ Александръ, тѣмъ болѣе, что Раевскій легко привязывается къ людямъ такого типа, какъ мой братъ. Однако я полагаю, что и Граббе не упуститъ перваго удобнаго случая, чтобы его чѣмъ-нибудь вознаградить.

Простите, мой отецъ, за краткость моего письма, но, возвратившись сегодня какъ разъ въ день отсылки почты, я пользуясь моментомъ и пишу Вамъ, не желая оставить Васъ безъ извѣстій объ Александрѣ.

Обнимаю Ваши колѣни, отецъ мой, прося передать тысячу привѣтствій мамѣ и извиниться передъ нею, что не пишу ей теперь. Цѣлую ея руки милліонъ разъ.

Прижимаю къ моему сердцу братьевъ и сестеръ, а Васъ, отецъ мой, прошу вѣрить въ чувства искренней

привязанности Вашего всецѣло преданнаго и любящаго сына

Константина Нгельстрома.

29 марта я выступаю въ походъ на восточный берегъ Чернаго моря. Экспедиція продолжится до 8-ми мѣсяцевъ.

Письмо гр. Бенкендорфа М. К. Юшневской.

Милостивая Государыня

Марья Казиміровна!

Содержаніе письма Вашего, въ которомъ Вамъ угодно было предложить мнѣ нѣсколько вопросовъ касательно рѣшенія Вашего раздѣлить участь Вашего мужа, я докладывалъ Государю Императору, и Его Величество, съ благосклоннымъ участіемъ войдя въ положеніе Ваше и Вашей дочери, повелѣть мнѣ изволилъ представить Вамъ, Милостивая Государыня, всю жестокость затрудненія, которымъ Ваша дочь неминуемо подвергнется, если пребудетъ при намѣреніи послѣдовать за Вами въ Сибирь. Вы, Милостивая Государыня, совершая подвигъ добродѣтельный, возлагаемый на Васъ священными обязанностями супружества и человѣчества, за всѣ принесенныя Вами пожертвованія и лишенія, конечно обрѣтете возмездіе въ собственномъ Вашемъ убѣжденіи; но Ваша дочь не соединена съ мужемъ Вашимъ столь тѣсными узами; и по симъ разсужденіямъ Его Величество нашелъ себя не въ правѣ дѣлать изъятіе изъ общихъ постановленій, основанныхъ на коренныхъ постановленіяхъ государства, подаетъ ей совѣтъ, не заключать себя *тамъ*, откуда она, можетъ быть, *тщетно* пожелаетъ возвратиться.

Вы имѣете полное право распорядиться передъ отъѣздомъ Вашимъ имѣніемъ, но, достигнувъ цѣли Ва-

шего путешествія, Вы поступите въ зависимость коменданта и подвергнетесь слову инструкціи, въ силу коихъ даны ему точныя безусловныя наставленія, обязывающія его пещись о Васъ и доставлять Вамъ *все*, что *онымии воспрещается*. Съ совершеннымъ почтеніемъ преданности, честь имѣю быть, Милостивая Государыня, покорный слуга Бенкендорфъ.

№ 488. 1827 года марта 17.

Списокъ съ повелѣнія Его Императорскаго Высочества Цесаревича. Г-ну Подольскому Губернатору отъ 4 января 1829 года. № 3-й.

Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ отъ 19 минувшаго декабря увѣдомилъ меня о Высочайшей Е. И. В. волѣ, по представленію моему касательно желанія отправиться въ Иркутскую губернію Государственнаго Преступника Юшневскаго жены съ дочерью, для свиданія съ мужемъ и отцемъ, что по Высочайше утвержденнымъ по сему предмету правиламъ—жены сосланныхъ въ Сибирь Государственныхъ Преступниковъ имѣютъ право отправляться къ мужьямъ для свиданія съ ними; но, прибывъ въ Сибирь, онѣ не могутъ возвратиться въ Россію до смерти ихъ мужей. Благороднымъ же дѣтямъ Госуд. Преступниковъ—вовсе запрещается слѣдовать за ссылочными своими родителями въ Сибирь.

Предписываю В. Сіятельству, поручить кому слѣдуетъ о Высочайшемъ повелѣніи объявить женѣ Госуд. Прест. Юшневской, о коей Вы входили ко мнѣ съ рапортомъ отъ 22 прошлаго ноября за № 858—и затѣмъ—если пожелаетъ отправиться къ мужу своему сама безъ дочери, въ такомъ случаѣ, снабдивъ ее паспортомъ, немедленно донести мнѣ.

Съ подлиннымъ вѣрно: коллежскій регистраторъ Недѣльный.

Письмо енисейскаго губернатора Степанова М. К. Юшневской.

Милостивая Государыня

Марья Казиміровна.

Красноярскій почтмейстеръ, принявъ отъ В. Превосход. на почту письма и посылки, сегодня представилъ ихъ ко мнѣ при оффиціальной бумагѣ для отправленія въ Россію на основаніи извѣстныхъ правилъ сообщенныхъ чрезъ Генер.-Адъютанта Бенкендорфа.

А какъ, во-первыхъ мнѣ совершенно неизвѣстно, угодно ли В. Превосход., чтобы эта посылка и письма шли упомянутымъ путемъ, и во-вторыхъ, руководствуясь тѣми же правилами, я въ необходимости былъ распечатать ихъ, и нашелъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ упоминается обо мнѣ въ лестныхъ отзывахъ; то за лучшее почелъ два письма, адресованныя къ Г-ну Рейхелю и Г-ну Симонову, вмѣстѣ съ посылками къ В. Превосход. чрезъ Богдановича, прося Васъ покорнѣйше заставить свое признательное, благородное сердце, не *упоминать* моего имени ни въ какой перепискѣ. Другіе два письма я отправилъ партикулярно по принадлежности.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью

Губернаторъ Степановъ.

Іюня 12 дня
1830 года.

Письмо и. д. иркутскаго губернатора Зеркалѣева М. К. Юшневской.

Милостивая Государыня

Марья Казиміровна.

Сообщая Вамъ, М. Г., правила, на какомъ основаніи Вамъ дозволяется слѣдовать, по желанію, изъявленному

Вами, къ мужу, находящемуся въ Читинскомъ острогѣ.— 1) Что слѣдуя за своимъ мужемъ и продолжая супружескую съ нимъ связь, Вы естественно сдѣлались причастными его судьбѣ,—и потеряете прежнее званіе, т. е. будете признаваться не иначе, какъ женою ссыльнокаторжнаго, а дѣти, которыя приживутся въ Сибири, поступятъ въ казенные крестьяне. 2) Ни денежныхъ суммъ, ни золотыхъ и серебряныхъ и другихъ многоцѣнныхъ вещей Вамъ съ собою брать не дозволяется. 3) Въ отвращеніе всякаго недоумѣнія составится для описи вещей коммиссія изъ нѣсколькихъ чиновниковъ, которой Вы должны предъявить имѣющія при Васъ деньги, золотыя, серебряныя и другія цѣнныя вещи. Коммиссія обязана, по осмотрѣ всего, оставить Вамъ для употребленія платье, бѣлье и другія необходимыя для дороги, но не цѣнныя вещи, и то число денегъ, которое необходимо для дороги. Прочія же по описаніи лично при Васъ и по утвержденіи описи Вашей собственной подписи, имѣютъ быть сданы для храненія въ здѣшней губерніи казначейство.

Имѣю честь быть В. Превосходит. покорный слуга Иванъ Зеркалѣевъ.

Иркутскъ.
23 іюня 1830 г.

Копія.

Секрѣтно.
Получ. 24 марта 1850 г.

Предложеніе ген.-губ. Западной Сибири фонъ-деръ Бриггену.

Главное управленіе Западной Сибири.
20 марта 1850 года.
№ 34.
Г. Омскъ.

Г. Исправляющему должность Курганскаго Городничаго.

Извѣщаю достовѣрнымъ образомъ, что въ должности Курганскаго Окружнаго Суда изъ Государственныхъ

Преступниковъ Бригенъ вмѣсто того, чтобы вести себя со скромностью, приличивствующей положенію, вошелъ въ козни противъ мѣстнаго начальства, обще съ преданнымъ суду чиновникомъ Флеровскимъ; что темная связь существуетъ между ними и понынѣ; что Г. Бригенъ гласно кичится какимъ то мнимымъ покровительствомъ въ С.-Петербургѣ и безсиліемъ якобы противъ него сибирскихъ властей, что онъ явно распространяетъ дерзкія сужденья, не приличныя наипаче отъ лица, находящагося подъ надзоромъ полиціи,—предлагаю вашему Высокоблагородію объявить Бригену съ подпискою, чтобы онъ воздержался отъ подобныхъ поступковъ, если не желаетъ подвергнуться мѣрамъ укрощенія, высочайше мнѣ предоставленнымъ.

Вмѣстѣ съ симъ можете присовокупить что въ составленіи и подачи доносовъ о чемъ и кому онъ желаетъ, я его не стѣсняю; но только съ неуклонительнымъ условіемъ, чтобы содержаніе ихъ оставалось въ совершенной тайнѣ, а особенно разглашено въ видѣ угрозъ, какъ то было понынѣ.

Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ сего распоряженія и усугубленіи надзора за поведеніемъ Г. Бригена возлагаю на Вашу отвѣтственность.

Подлинное подписалъ Генералъ Губернаторъ Западной Сибири генералъ отъ инфантеріи Николай Горчаковъ.

Предписаніе это читалъ и прошу выдать мнѣ копію для опроверженія этаго ложнаго и бездоказательнаго извѣта; чтоже касается до поступковъ и рѣчей моихъ я ссылаюсь на Г. Курганскаго Городничаго. 24 Марта 1850 г. На подлинномъ подписалъ въ должности Засѣдателя Окружнаго Суда фонъ-деръ Бриггенъ.

Копія. По секрету.

«Объясненіе» фонъ-деръ Бриггена.

Его сіятельству г. Генер.-Губернатору западной Сибири, Генералу отъ инфантеріи кн. Горчакову.

изъ Государственныхъ Преступниковъ въ должности Засѣдателя Окружнаго Суда фонъ-деръ-Бриггена.

Объясненіе.

Получивъ черновую копію съ объявленнаго мнѣ предписанія В. Е. отъ 20 марта за № 34 имѣю честь объяснить вамъ слѣдующее:

1) Съ чиновникомъ Флеровскимъ я ни только ни въ какихъ связяхъ не находился, да и почти съ нимъ не былъ знакомъ. Во все время пребыванія своего въ Кургапѣ Флеровскій былъ у меня только одинъ разъ; я же видалъ его случайно у Секретаря Окружн. Суда Рихтера его родственника, у коего онъ жилъ, и съ нимъ я иногда бывалъ вынужденъ видаться по дѣламъ, а не изъ удовольствія пріятной бесѣдѣ. Дѣлъ общихъ съ Флеровскимъ не имѣлъ, въ козни же не только съ нимъ, но и ни съ кѣмъ отъ роду не вступалъ и я увѣренъ, что всякій, знающій меня, образъ моей жизни и занятій, скажетъ, что выраженіе дѣлать козни и быть въ тѣсныхъ связяхъ съ Флеровскимъ ко мнѣ вовсе нейдетъ. Если въ письмѣ, которое я имѣлъ честь отправить къ В. С. 29 Іюня прошлаго года, Флеровскій названъ мною отличнымъ полицейскимъ чиновникомъ, то это я сдѣлалъ не изъ благопріязни къ нему или для того, чтобы вамъ его рекомендовать (живши въ Сибири я до такой степени приличія не забылъ)—а единственно потому, что я его считалъ чиновникомъ, способнымъ для полицейскихъ розысковъ и котораго можно употребить съ успѣхомъ для раскрытія истины въ

дѣлѣ объ убитомъ крестьянинѣ Михайлѣ Власовѣ. Въ случаѣ же, если бы, отозвавшись такимъ образомъ о Флеровскомъ, я ошибся, что со мною часто случается, то это мнѣ простительно, принявъ въ уваженіе, что и В. С. сами ошиблись въ Флеровскомъ.

2) Кичиться покровительствомъ сильныхъ лицъ, да еще на шестомъ десяткѣ лѣтъ моей жизни, не въ моемъ характерѣ. Я никогда и ни у кого покровительства не искалъ, да и не имѣлъ надобности искать, потому что находилъ его въ самомъ себѣ добросовѣстнымъ исполненіемъ моихъ обязанностей и поведеніемъ, свойственнымъ честному и благородному человѣку. Если бъ я былъ такой искатель покровительства, каковымъ вамъ угодно меня признать, то вмѣсто того, чтобы снискивать себѣ покровителей въ отдаленномъ Петербургѣ пригоднѣе было для меня, домогаться покровительства у В. С., какъ главнаго начальника той страны, въ которую судьба меня забросила; но В. С. извѣстно, что я вашимъ покровительствомъ никогда не пользовался, никогда его не искалъ, да и теперь не ищу, а прошу васъ только всепокорнѣйше быть ко мнѣ болѣе справедливымъ, да менѣе довѣрять тѣмъ лицамъ, которыя мимо полиціи доставляютъ В. С. обо мнѣ свѣдѣнія, оказывающіяся по повѣркѣ ложными.

3) Еслибы В. С. извѣстно было въ подробности, что здѣсь дѣлается, то вы бы, конечно, отвергли взводимую на меня клевету, что будто я распространяю дерзкія сужденія касательно мѣстнаго управленія. Сужденія такія я не могу распространять потому, что, кромѣ Окружн. Суда и моей квартиры, я почти нигдѣ не бываю, мало съ кѣмъ знакомъ, да и весьма немногихъ у себя принимаю и почитаю себя счастливымъ, когда могу улучить нѣсколько досуга отъ обязанностей, чтобы посвятить его занятіямъ литературнымъ. Впрочемъ тамъ гдѣ у городничаго находятъ воровскихъ лошадей (что случалось съ бывшимъ городничимъ Соболевскимъ),

гдѣ письмоводитель полиціи Ефимъ Логиновъ обозначается названіемъ матки воровъ, гдѣ по вѣдомостямъ значится, что въ 1849 году было 27 конокрадствъ, по коимъ слѣдствіемъ открытъ одинъ виновный, гдѣ по отголоску жалобъ обывателей житья отъ воровъ нѣтъ и правосудіе нигдѣ не обрѣтается,— тамъ всякое сужденіе дѣлается излишнимъ, потому что факты за себя сами громко говорятъ, да и у всякаго есть глаза, чтобы самому видѣть, что дѣлается.

Изложивъ въ этихъ трехъ отдѣлахъ доводы, коими я опровергаю, сдѣланный на меня извѣтъ, осмѣливаюсь я для подкрѣпленія ихъ сослаться еще на слѣдующіе факты.

Во 1-хъ, на ежемѣсячныя донесенія къ государю императору въ продолженіи почти 25 лѣтъ начальниковъ губерніи о моемъ поведеніи.

Во 2-хъ, на г. курганскаго городничаго, которому поручено блюсти за мною, находящемуся подъ надзоромъ полиціи, и который мнѣ прямо объявилъ, что онъ никакихъ предосудительныхъ поступковъ и рѣчей за мною не знаетъ, что и готовъ всегда подтвердить.

Въ 3-хъ, на всѣхъ жителей Кургана, которые, я увѣренъ, подтвердятъ также слова, сказанныя г. городничимъ, и наконецъ

Въ 4-хъ, на собственную особу В. С., которая въ послѣднюю бытность вашу въ Петербургѣ превозносила меня похвалами Демьяну Васильевичу Кочубею, а это было менѣе года тому назадъ, почему и нельзя думать, чтобы я въ такое короткое время, при старости лѣтъ, могъ до того испортиться и зашалить, чтобы поставить В. С., зная мое семейство и родныхъ, въ непріятную, конечно, для вашего сердца необходимость грозить мнѣ мѣрами укрощенія съ усугубленіемъ за поведеніемъ моимъ полицейскаго надзора.

Что касается до разрѣшенія дѣлать доносы, безъ опасенія стѣсненія со стороны В. С., то это для меня вовсе

излишне, потому что я доносовъ никогда не дѣлалъ да и надѣюсь, что Богъ меня избавитъ отъ необходимости къ нимъ прибѣгать. Если я, по случаю противъ законныхъ и несправедливыхъ дѣйствій Совѣта Главнаго управленія по дѣлу о убитомъ крестьянинѣ Михайловѣ Власовѣ, просилъ законной защиты у Е. П. Леонтія Васильев. Дуббельта, то это не доносъ, а жалоба, въ коей я вынужденъ былъ, видя, что Главн. Прав. не довольствуясь тѣмъ, чтобы исказить совершенно это дѣло, еще заблагоразсудило предать меня суду за то, что я по долгу службы и присяги исполнялъ мою обязанность. Эту мою жалобу, В. С. не можете назвать доносомъ еще потому, что я въ самомъ началѣ письмомъ предупреждалъ васъ, доводя до вашего свѣдѣнія, что тутъ, сколько можно видѣть, невинный вмѣсто виновныхъ брошенъ на жертву. Но это письмо, которое по важности своего содержанія должно бы, казалось, обратить вниманіе В. С., осталось безъ всякаго дѣйствія, а только по прошествію 4-хъ мѣсяцевъ объявлено мнѣ предписаніе В. С. отъ 10 Декабря за № 751, въ коемъ сказано, что письмо мое оставлено вами безъ отвѣта по той причинѣ, что оно содержитъ неумѣстныя хвалы Флеровскому, и что вы частной переписки по предметамъ, мнѣ чуждымъ, вести со мною не желаете. Послѣ этого что же мнѣ оставалось дѣлать, какъ не искать защиты въ Петербургѣ? Молчаніе съ моей стороны значило сознаніе въ винѣ, которую Совѣту Главнаго управленія угодно было на меня взвалить, да и притомъ правота дѣла и чувство собственнаго достоинства возлагали на меня непремѣнную обязанность говорить. Если же въ извѣтѣ, сдѣланномъ В. С. на меня—сказано что я мою жалобу разглашаю въ видѣ угрозъ, то это равно какъ и весь извѣтъ—чистая ложь. До 5 марта, кромѣ меня и еще близкаго мнѣ человѣка, въ Курганѣ никто не зналъ о томъ, что я писалъ генер. Дуббельту; но Флеровскій, прибывъ въ это число, привезъ извѣ-

стіе, что на другой день отъѣзда изъ Омска долженствуетъ состояться журналъ, коимъ всѣ члены Курган. Окруж. Суда будутъ отрѣшены отъ должности и преданы суду, что на мѣсто Окружн. Судьи уже назначенъ какой то Малосапожковъ, и что словъ недостаетъ, чтобы выразить гнѣвъ В. С. на меня за жалобу, посланную мною въ Петербургъ, содержаніе коей извѣстно въ Омскѣ. Угрозы же, о коихъ упоминается въ предписаніи В. С., существуютъ только въ воображеніи виновныхъ въ улучшеніяхъ по производству слѣдствія въ дѣлѣ объ убитомъ Власовѣ. По пословицѣ на ворѣ шапка горитъ—ихъ все пугаетъ.

Поступивъ въ должность засѣдателя Ок. Суда, я принялся добросовѣстно и усердно за службу, потому что брать оклады и ничего не дѣлать, тогда какъ отъ такового бездѣйствія страдаютъ мои ближніе, по моимъ понятіямъ, есть дѣло безчестное и немногимъ лучше лихоимства. Съ самаго перваго числа поступленія въ должность я постоянно, не пропустивъ ни одного дня, присутствовалъ въ судѣ и почти всегда одинъ, потому что Окружн. Судья уже третій годъ постоянно одержимъ болѣзнію, другой засѣдатель имѣетъ слабость пить и по этой причинѣ каждый мѣсяцъ отъ двухъ до трехъ недѣль не присутствуетъ; секретарь же Рихтеръ не только чиновникъ неблагонадежный и не благонамѣренный, но и такой человѣкъ, которымъ даже въ Курганѣ всѣ гнушаются. Невзирая на такое положеніе Окруж. Суда и полагая, что В. С. будетъ хоть сколько нибудь поддерживать меня, какъ чиновника, въ коемъ вы увѣрены, что онъ никогда васъ не обманетъ и за деньги себя не продастъ, я ревностно принялся за дѣло. Но вскорѣ испыталъ, что за усердіе мое къ пользѣ службы и за правоту мою я нажилъ только враговъ да сверхъ этого еще и неблагорасположеніе В. С., а потому я и рѣшаюсь, списавшись съ моими родными и съ Дем. Васил. Кочубеемъ, перемѣнить родъ службы,

переїдя въ другое вѣдомство. Въ заключеніе осмѣлюсь замѣтить В. С., что если вамъ угодно будетъ, перемѣнивъ членовъ, поставить Кург. Окруж. Судъ на надлежащую ногу, то непремѣнно должно будетъ дать и другаго секретаря, взявъ его не изъ здѣшняго Окружн. Суда, потому что столоначальникъ Говорухинъ, который домогается этой должности притязательностію и коварствомъ, немногимъ отстаетъ отъ Рихтера.

Письма кн. Е. П. Оболенскаго М. И. Муравьеву-Апостолу.

27 января 1858 г.

„Что отвѣтить тебѣ хорошаго, дорогой и добрый „другъ, на твое письмо отъ 15 января, сообщающее съ „возможною краткостью о главномъ интересующимъ „меня въ твоемъ настоящемъ положеніи и весьма мало „о твоемъ будущемъ, которое не можетъ подлежать „сомнѣнію касательно средствъ къ существованію? Но „эти средства еще не настолько ясно обозначены, чтобъ „ты могъ оставаться ими доволенъ. Со всѣмъ тѣмъ, „дорогой Матвѣй, ты будешь доволенъ. Я въ этомъ „увѣренъ или, лучше сказать, я желалъ бы въ это вѣ„рить, какъ я вѣрю въ мою добрую сестру Наташу. „Словомъ, я желалъ бы, чтобъ ты находился въ оди„наковомъ со мною положеніи: ты поймешь, когда я „скажу тебѣ, что я поселился у своей Наташи, чув„ствую себя дома, и это дома я нахожу въ ея сердцѣ „и нигдѣ больше оно для меня существовать не мо„жетъ. Но это рѣдко встрѣчается. Я убѣжденъ, что „твой братъ Василій докажетъ тебѣ и дружбу, и нѣ„что больше того, о чемъ ты потолкуешь со мной „послѣ перваго съ нимъ свиданія.

О своемъ братѣ онъ писалъ въ слѣдующихъ письмахъ къ нему:

23 марта 1861 г.

„Другъ Матвѣй Ивановичъ! Я въ Москвѣ съ 13 мар-
„та, пріѣхалъ отдать послѣдній долгъ брату Констан-
„тину, который мирно окончилъ жизнь 11-го марта,
„14-го его фабричные мастеровые отнесли его на Ва-
„ганьковское кладбище и тамъ глубоко въ землѣ за-
„рыли бездыханное его тѣло.

„Тяжело было разставаться съ нимъ. Мы росли вмѣстѣ
„и всѣ лѣта юности и часть зрѣлыхъ лѣтъ провели
„почти подъ одной кровлей. 30 лѣтъ сибирской жизни
„разъединили насъ, но не лишили теплаго родного со-
„чувствія. Такъ мы встрѣтились въ 1856 году, такъ
„прошли и послѣдніе 4 года. Но насталъ его конецъ,
„и теперь все остается въ одномъ воспоминаніи. Но
„грустно еще то, что мнѣ приходится быть свидѣте-
„лемъ и счетчикомъ его финансовыхъ операцій, этихъ
„безчисленныхъ сплетеній долговыхъ цифръ, приводя-
„щихъ въ недоумѣніе самаго опытнаго коммерческаго
„туза, который всю жизнь провелъ въ коммерческихъ
„оборотахъ. Я же не только не могу назваться тузомъ,
„но едва ли гожусь и въ двойки. Между тѣмъ нужда,
„долгъ требуютъ заявить и тутъ свою личность и ею
„отстаивать доброе имя брата и все его достояніе за-
„щищать отъ грабительства. Но не думай, чтобъ я
„тутъ былъ лично заинтересованъ. На мою долю при-
„дется одинъ трудъ умственный и нравственный, а на-
„града за трудъ—спокойствіе совѣсти въ исполненіи
„долга. Вещественнаго тутъ нѣтъ ничего и не можетъ
„быть.

10 апрѣля 1861 г.

„Сердечное тебѣ спасибо, другъ Матвѣй Ивановичъ,
„за то, что ты откликнулся на мое семейное, горе. Я
„сижу здѣсь въ нѣкоторомъ смыслѣ съ открытыми
„глазами, какъ нѣкогда сидѣлъ Велизарій на развали-
„нахъ Карфагена“.

„Ты помнишь комфортабельную квартиру брата, „помнишь, какъ все у него было хорошо, со вкусомъ, „безъ вычурности плебеянина, но съ простотою джен- „тельмена прибрано, убрано,—и какъ во всей его до- „машней жизни видѣнъ былъ порядокъ вмѣстѣ съ до- „вольствомъ. Онъ одинъ былъ орудіемъ и дѣятелемъ „всего того, что такъ нравилось въ его обычномъ об- „разѣ жизни. Не стало его, и вся эта обстановка раз- „летѣлась, все приняло видъ разрушенія, его квартира „скоро запустѣетъ, и мебель, и портьеры, и вся обста- „новка будетъ добычей кредиторовъ. Однимъ словомъ, „исчезъ онъ—и съ нимъ вся его обстановка рушится, „не оставивъ по себѣ слѣда. Почему же имъ все это „держалось, почему же все было такъ уютно, такъ „тепло и хорошо? Не умѣю этого разгадать. Но я си- „жу, размышляю и стараюсь по возможности изъ этого „разрушенія собрать все то, что можно, дабы спасти „честь и доброе имя покойнаго. Вотъ мое призваніе въ „настоящее время. Если я успѣю совершить это бла- „гое дѣло, то поблагодарю Господа отъ всей души".

20 мая 1861 г.

„Передо мной твой листокъ отъ 12 мая, другъ Мат- „вѣй Ивановичъ, и весьма сожалѣю, что не лично бе- „сѣдую съ тобой на Малой Дмитровкѣ [1]), а письмомъ „отвѣчаю на дружескую твою бесѣду, которая никогда „не замѣнитъ живого слова. Я спѣшилъ изъ Москвы, „чтобъ встрѣтить Пасху въ своей семьѣ, и радуюсь, „что наконецъ вышелъ изъ болота векселей и долговъ, „лежащихъ на фабрикѣ, и изъ лабиринта законныхъ „формальностей, коими запутаны пріобрѣтеніе собст- „венности и даже отреченіе отъ пріобрѣтенія. Теперь „все это дѣло у меня за плечами, а я на шесть мѣся-

[1]) Бывшій домъ С. П. Бибиковой, жены племянника Муравьева-Апостола, у котораго онъ останавливался, пріѣзжая изъ Твери.

„невъ свободенъ; но по истеченіи срока долженъ буду „вновь явиться на аренѣ законности и окончательно „передамъ нить лабиринта извѣстной мнѣ Аріаднѣ, ко„торая сумѣетъ найти изъ лабиринта безпрепятствен„ный выходъ.

„Въ продолженіи моего пребыванія въ Москвѣ я не „успѣлъ прочесть ни одного журнала, не написалъ ни „одного письма, кромѣ калужскихъ, необходимыхъ „для успокоенія семьи. Но ты меня спросишь: что же „вышло изъ моей заботливости, отъ суетливости ви„димой? Результатъ слѣдующій: все наслѣдство послѣ „брата—фабрика, на фабрикѣ, т.-е. на братѣ, были „долги, превышающіе цѣнность фабрики. Я отдалъ „фабрику съ тѣмъ, чтобъ долги были уплачены. Слѣ„довательно, цѣль достигнута. Между тѣмъ ты видѣлъ „образъ жизни брата, его обстановку, прислугу и пр. „Кончилась жизнь, и это внѣшнее осталось, но безъ „внутренняго значенія, безъ капитала, котораго оно „было бы выраженіемъ. Нечѣмъ было замѣнить эту „существенную часть, эту основу внѣшней жизни, и „все отдано въ уплату долга [1]).

„Съ 22 апрѣля я вновь въ своей семьѣ, и радуюсь, „и наслаждаюсь: Ваня мой держитъ теперь переходный „экзаменъ изъ 2-го класса въ 3-ій; доселѣ экзаменъ „идетъ довольно успѣшно; надѣюсь, что онъ окончитъ „удовлетворительно. Къ августу нужно будетъ приго-

---

[1]) И въ этомъ не сродномъ ему дѣлѣ, тоже неожиданно навязанномъ ему силою обстоятельствъ, Оболенскій, сознавая свою неумѣлость взяться за него, остается вѣренъ себѣ: имѣя двухъ сыновей сибиряковъ и дочку калужанку, безгранично имъ любимыхъ, онъ все-таки не способенъ и помыслить о сдѣлкѣ со своею совѣстью ради ихъ матеріальнаго обезпеченія, но хлопоталъ только о полномъ удовлетвореніи всѣхъ кредиторовъ покойнаго брата. И послѣ продолжительныхъ мытарствъ, измучившихъ его нравственно, а слѣдовательно и физически, онъ, достигнувъ желаемаго, дѣлится своимъ счастьемъ съ Муравьевымъ-Апостоломъ. (Прим. А. П. Сазоновичъ).

„товить и Петю къ вступленію во 2-ой классъ. Все „это ступени лѣстницы, по которой нужно имъ будетъ „всходить отъ знанія къ знанію. Дай Богъ только „чтобъ вмѣстѣ съ внѣшнимъ любомудріемъ возрастала „въ нихъ и внутренняя жатва, т.-е. то духовное любо- „мудріе, которое, какъ солнце, обновляетъ все, до чего „касается [1]).

—„Гимназія и уроки дѣтскіе поглощаютъ почти все „послѣобѣденное время. Я репетиторъ уроковъ и на- „хожу, что это забота довольно многотрудная. Надежда „на отдыхъ впереди, а теперь время трудовъ и заботъ. „Такъ проходитъ наша жизнь, очутишься на послѣд- „немъ часѣ—и прошедшее представится, какъ сонъ,— „и узнаешь, что покой не на землѣ, а за гробомъ, въ „свѣтлой вѣчности. Да позволитъ и да поможетъ Го- „сподь достичь этой желанной цѣли.

„Дочь моя Ольга,—это семейная радость, утѣшеніе „наше. Ей скоро минетъ 2 года, время начала болтов- „ни, слѣдовательно развитія умственнаго, которое въ „высшей степени привлекательно [2]).

Не ученіе, а воспитаніе сыновей сокрушало Евгенія Петровича, что однажды и выразилось у него въ слѣ- дующихъ сѣтованіяхъ (А. С.):—„Гимназисты мои имѣютъ „хорошія и дурныя стороны. По мѣрѣ возраста они же-

[1]) Примѣрный отецъ пристально занимался воспитаніемъ и ученіемъ своихъ гимназистовъ, и ихъ обоюдные труды не про- пали даромъ: мальчики получали хорошія отмѣтки и легко пе- реходили изъ класса въ классъ. Но усложнявшіеся труды ста- рика-отца становились для него тяжелѣе съ каждымъ годомъ тѣмъ болѣе, что на немъ, кромѣ того, какъ на мужчинѣ, главѣ дома, лежали обязанности наблюденія за тульскимъ имѣніемъ Натальи Петровны и всего прочаго, что сдѣлалось уже не подъ силу престарѣлой и болѣющей его сестрѣ. (Прим. А. П. Созоновичъ).

[2]) Дѣвочка находилась на исключительномъ попеченіи своей тетки и вмѣстѣ съ тѣмъ крестной матери Натальи Петровны и была ея любимицей. (Прим. А. П. Созоновичъ).

„лаютъ независимости, но не могутъ ею пользоваться „потому, что умокъ ихъ еще ребяческій. Борьба съ „этимъ направленіемъ,—вотъ ежедневная забота. Въ „гимназіи большинство учениковъ званія мѣщанскаго „или чиновническаго, которые далеки отъ класса об- „разованнаго, и постоянное сообщеніе съ ними имѣетъ „вредное вліяніе на дѣтей. Мои гимназисты начинаютъ „не стыдиться того, чего бы стыдились, еслибъ нахо- „лились всегда въ порядочной средѣ. Признаюсь, это „меня и огорчаетъ, и оскорбляетъ. Но помочь горю не- „чѣмъ, поэтому терплю зло неизбѣжное".

Гимназисты достигнувъ высшихъ классовъ утѣшали отца успѣхами и въ латинскомъ языкѣ. По этому поводу онъ сочувственно отнесся къ М. Н. Каткову отъ 15 ноября 1864 г. (А. С.).

„Теперь", писалъ Оболенскій, „видимо первенствуетъ „латинскій классъ, который даетъ усиленную работу „юнымъ головамъ. Видно, что приготовляются серь- „езно къ предстоящей перемѣнѣ прежняго реальнаго „на будущее классическое образованіе. Нельзя этому „не порадоваться и нельзя не сказать мысленно боль- „шое спасибо Каткову за его борьбу за классицизмъ. „Но чтобъ осуществить эту прекрасную мысль, нужно „приготовить хорошихъ классиковъ-профессоровъ, а „для этого нужно время. И наши семинаріи, и акаде- „міи наши давно забыли классиковъ, въ особенности „греческихъ. Пока этотъ дефицитъ пополняется, наши „дѣти успѣютъ возмужать и, можетъ быть, даже по- „лучить не одинъ чинъ; а съ чиномъ они примутъ чи- „нопочитаніе, но не классикопочитаніе; второму я бы „порадовался болѣе, нежели первому. Но видно до „этой радости мнѣ не дожить и не дождаться" [1]).

[1]) Съ лѣтами недостатки дѣтей, огорчавшіе отца, сглаживались. Въ ихъ отроческомъ возрастѣ, онъ еще не находилъ ничего опредѣленнаго, но въ общемъ усматривалъ, что есть надежда на дальнѣйшее развитіе ихъ хорошихъ сторонъ, и благодарилъ за нихъ Бога. (Прим. А. П. Созоновичъ).

13 января 1861 г.

„Вотъ и Новый годъ наступилъ, любезный другъ „Матвѣй Ивановичъ!

„Обнимемъ другъ друга съ старой дружбой и по„желаемъ новому поколѣнію того счастья, котораго мы „желали себѣ, т.-е. осуществленія въ полной мѣрѣ того, „что нынѣ будетъ положено въ основаніе нашей бу„дущей гражданской жизни. Между тѣмъ сколько еще „вопросовъ хозяйственныхъ, въ высшей степени суще„ственныхъ для общественнаго благоденствія, наводятъ „на мрачныя мысли о будущемъ! Напримѣръ, ежегодно „здѣсь и по всей Россіи отъ чумы погибаютъ десятки „тысячъ рогатаго скота, необходимаго для удобренія „оскудѣвшей почвы и доставляющаго неоцѣненную по„мощь въ скудной крестьянской пищѣ. При этомъ „оставшійся скотъ уменьшается и въ числѣ, и въ коли„чествѣ (?). Далѣе, разсмотри общественное здравіе—и „ты увидишь цѣлыя деревни, пораженныя сифилисомъ, „вошедшимъ въ плоть и кровь цѣлаго населенія. Эта „язва развивалась отъ квартированія войскъ и отъ „многихъ другихъ причинъ. Сколько подобныхъ обще„ственныхъ недуговъ, на которыхъ общество смотритъ „съ тупымъ равнодушіемъ; и если чей-нибудь голосъ „раздается въ пользу мѣръ, которыя оно могло бы „предпринять для предупрежденія зла, то этотъ голосъ „раздается въ пустынѣ, никто не сочувствуетъ ему.

„Итакъ пожелаемъ, чтобъ нынѣшній годъ былъ „счастливѣе прежняго и принесъ бы плодъ, дѣятельно „полезный на пользу общую и частную. Между тѣмъ „голосъ свободы земли русской скоро раздастся на „всю ея ширину и долготу, и этотъ сладкій звукъ на „время заставитъ замолкнуть голосъ страдательный „многихъ и многихъ.

„Много ранъ нужно уврачевать, много зла укоре„нившагося вѣками должно съ корнемъ вырвать! И все

„это сдѣлается не безъ боли, не безъ сопротивленія „со стороны тѣхъ, которые будутъ предметомъ лѣче„нія. И все негодованіе, и всю невзгоду примутъ „гласу свободы. Много найдется людей, которые будутъ „укорять ее и взваливать на нее всѣ бѣдствія, даже „физическія, въ которыхъ она не могла быть виновата.

„Итакъ, другъ Матвѣй Ивановичъ, будемъ ждать „того вожделѣннаго дня, когда будетъ возвѣщена сво„бода земли русской. Но не будемъ льстить себя на„деждой, что вѣками накопленное зло при имени сво„боды разсыпалось (бы), какъ прахъ отъ вѣтра. И то хо„рошо, если этотъ звукъ выведетъ насъ изъ апатіи и „жизненнымъ силамъ дастъ пищу и дѣятельность. Те„перь больше, нежели когда-нибудь нужны дѣятели „добросовѣстные. Будемъ молиться, чтобъ Господь „воздвигъ ихъ и одушевилъ ревностью къ общей пользѣ".

10 мая 1861 г.

„Новаго у насъ нѣтъ ничего рѣзкаго-замѣчатель„наго. Свобода идетъ своимъ порядкомъ и безпоряд„комъ—старое не хочетъ умереть, а новое еще не „окрѣпло и не можетъ еще пересилить старое. Это „время переходное, которое окончательно устроится „только въ то время, когда обѣ стороны, нынѣ разъе„диненныя, найдутъ полезнымъ тѣснѣйшее единеніе и „поведутъ жизнь дружно рука съ рукой. Но до того „времени много еще будетъ столкновеній неизбѣжныхъ „при безграмотности одной стороны и отчасти притя„зательности другой. § Однимъ словомъ, образованная „сторона не можетъ еще признать равноправности дру„гой, другая же, принявъ принципы свободы въ бук„вальномъ смыслѣ, не признаетъ надъ собой никакихъ „правъ и никакихъ обязанностей.

„Свобода доселѣ находилась только въ буквѣ за„кона, но не вступила въ права жизни; но постепенно

„этотъ младенецъ выростетъ, окрѣпнетъ и будетъ „мужемъ".

20 мая 1861 г.

„Что тебѣ сказать о нашей губерніи, о способѣ ко„имъ водворяется у насъ свобода: нашъ губернаторъ „(В. А. Арцимовичъ) честный и благомыслящій чело„вѣкъ, который гуманно смотритъ на исполненіе цар„ской воли. Доселѣ только въ одномъ случаѣ упо„треблены принудительныя мѣры для принужденія „крестьянъ къ повиновенію закону; въ остальныхъ слу„чаяхъ словеснаго убѣжденія было достаточно для вод„воренія порядка. Нельзя не сочувствовать этому об„разу дѣйствій. Но нельзя и не сказать при этомъ, что „вообще положеніе помѣщиковъ вполнѣ страдательное: „они не имѣютъ защиты въ своихъ правахъ. Обнаро„дованное урочное положеніе есть миѳъ. Оно никѣмъ „не исполняется потому, что нѣтъ возможности или, „лучше сказать, нѣтъ законной силы, которая бы за„ставила исполнять эту обязанность, кромѣ доброй „воли самихъ крестьянъ.

„Впрочемъ, нынѣ время переходное, въ которомъ обѣ „стороны воспитываются въ пользованіи своими зако„ными правами и въ исполненіи своихъ законныхъ обя„зательствъ; когда опытъ научитъ тѣхъ и другихъ, а „жизнь вступитъ въ свои права, оба сословія увидятъ „необходимость во взаимномъ сближеніи, и тогда все „устроится само собой, безъ насилія и безъ чуждаго „вмѣшательства. Но доселѣ у насъ царствуетъ бюро„кратія, т.-е. центральная власть заступила мѣсто вла„сти отдѣльныхъ помѣщиковъ и, отстраняя ихъ, сдѣ„лалась полнымъ судьей и распорядителемъ всего на„селенія и отчасти всего достоянія помѣщиковъ, кото„рые должны довольствоваться тѣмъ, что имъ дадутъ „на милость, но не по праву собственности. Если это

„страдательное положеніе не унизитъ значенія дворянства „въ глазахъ народа, то она не возвыситъ его; въ этомъ „я сомнѣваться не могу и сожалѣю о томъ, что классъ „землевладѣльцевъ,—или классъ средній, на которомъ „одномъ можетъ прочно устроиться наша будущая „гражданская самостоятельность,—потеряетъ ту силу, „которую она должна сохранить для общаго блага.

„Теперь одна надежда на мировыхъ посредниковъ. „Если эти избранники будутъ умѣть сохранять свой „независимый характеръ, а не будутъ слѣпыми орудіями власти, но истинными блюстителями закона, тогда „постепенно мы дойдемъ до самоуправленія, которое „намъ необходимо, какъ ступень къ гражданской самостоятельности и къ гражданской свободѣ.

„Нашъ Петръ Николаевичъ [1]) дѣйствуетъ на славу. „Но въ томъ духѣ, который я тебѣ описалъ, т.-е. въ „томъ, который во всякомъ помѣщикѣ видитъ подсудимаго, и гдѣ чиновникъ изъ присутствія, даже губернскаго, становится истцемъ, всей силой власти, подавляющей силу отдѣльной личности помѣщика".

„Можетъ быть, это полезно въ настоящее время для „уничтоженія даже памяти крѣпостного состоянія, остающагося въ нравахъ, привычкахъ и даже въ крови. „Но развѣ весь нашъ чиновничій міръ, весь бюрократическій составъ нашего правительства не тѣ же ли „помѣщики, зараженные тѣмъ же духомъ крѣпостного „права, которые управляютъ и управляются въ томъ „же крѣпостномъ духѣ? Развѣ они не тѣшатся теперь „своею властью надъ тѣми же дворянами, которыми „еще въ недавнее время отчасти сокрушалась ихъ „власть?

„Все это показываетъ, другъ Матвѣй Ивановичъ, что „у насъ не существуетъ уваженія къ личности и къ „правамъ личнымъ.

[1]) Свистуновъ.

„По буквѣ закона свобода водворена; но она не въ „жизни, она едва видна на бумагѣ, откуда ее хотя не „вычеркнутъ, но исказятъ ея смыслъ".

„Вотъ тебѣ все, что высказалось теперь. Можетъ „быть, я увлекаюсь сочувствіемъ сторонѣ, повидимому, „нынѣ обидимой и угнетенной, но сочувствую не какъ „угнетатель, а какъ сторонній наблюдатель, кото- „рому дорого будущее, намъ предстоящее.

„У насъ чистая демократія не мыслима безъ чистаго „деспотизма. Вотъ мысль, которая заставляетъ меня „сожалѣть и сочувствовать тому классу, который со- „временемъ составитъ нашъ средній классъ, то посред- „ствующее звено, которое должно быть разумнымъ „представителемъ классовъ земледѣльческаго и земле- „владѣльческаго и собою должно представить твердую „опорную точку для будущаго гражданскаго устрой- „ства того громаднаго общества, которое нынѣ обле- „чено названіемъ великой въ будущности нашей ма- „тушки Россіи, самобытно и стройно выплывающей „нынѣ изъ окружающаго ее мрака невѣжества и раб- „ства—въ среду свѣтлую свободы и свѣта. Да не за- „темнится нынѣ заря ея новой жизни чуждыми ея духу „элементами, вносящими въ ея жизнь начала смерто- „носныя; да не заразится она ими—сѣменами вражды „и антагонизма, но да отвергнетъ ихъ,—и въ союзѣ „мира и любви да восторжествуетъ надъ всѣмъ тѣмъ, „что чуждо духу православному!"

15 ноября 1861 г.

„Я былъ почти два мѣсяца въ отлучкѣ изъ нашей „славной Калуги. Мое дѣло было составить уставную „грамоту и привести нашъ православный народъ къ „миролюбивому соглашенію въ отношеніи земли, кото- „рую мы должны полюбовно раздѣлить между собой. „Пока мы только бесѣдовали съ нашими тульскими му- „жичками и дѣлили наше добро, т.-е. ходили въ поле

„съ цѣпью, мѣряли и измѣряли,—мы были во всемъ „согласны,—никакого спора не предвидѣлось,—даже „согласіе полное сохранилось и при чтеніи черновой „уставной грамоты. Но когда ту же грамоту перепи- „сали, и должно было утвердить своею подписью—пра- „вославные наши рѣшили не подписывать. Словомъ, я „былъ въ сладкой надеждѣ на благодарность за многія „уступки, за полный надѣлъ и за добродушное, миро- „любивое и полное уваженія обращеніе съ гражданами „самостоятельными—и вполнѣ былъ разочарованъ. Они „еще дѣти—и дѣти капризныя—съ небольшимъ уро- „сомъ [1]), по сибирскому выраженію.

„Возвратясь домой я, нашелъ наше общество въ пол- „номъ разладѣ. И здѣсь повторяется то же явленіе, но „въ другомъ видѣ: на словахъ всѣ согласны, что сво- „бода весьма прекрасная идея, но когда нужно примѣ- „нить ее къ жизни, то одна сторона—правительству- „ющая даетъ ей смыслъ безусловной покорности къ „своей мудрости и толкованію, а другая находитъ, что „свобода въ примѣненіи къ жизни лишаетъ ее того „вещественнаго и нравственнаго капитала, безъ кото- „раго слово свобода улетучиваетъ ея существованіе.

„Но гдѣ найти средину между этихъ двухъ направ- „леній! Обѣ стороны найдутъ ее, когда почва будетъ „удобрена юридическими началами суда и правды, ко- „торые только что изготовляются въ петербургской ла- „бораторіи: если это будетъ не искусственное удобре- „ніе, не приспособленное къ нашей почвѣ, но такое, ко- „торое способно возбудить наши жизненныя силы, то „почва наша измѣнится и будетъ готова принять и вы- „растить благія сѣмена свободы, брошенныя въ нее „нынѣ, но еще не пустившія корни.

„Вотъ тебѣ приблизительно вѣрная картина того, „что здѣсь у насъ происходитъ:

[1]) Капризомъ.

„Сенаторъ нашъ олицетворяетъ собою идею суда и „правды, которая должна стать въ средину двухъ сто- „ронъ. Его личность въ этомъ отношеніи безукориз- „ненна. Но эта личность есть временное явленіе, соз- „данное для временнаго пребыванія; она не можетъ за- „мѣнить собою учрежденія вѣковыя, которыя измѣняютъ „весь основной бытъ народа. Итакъ, до того блажен- „наго времени, когда у насъ эти учрежденія осущест- „вятся, мы будемъ находиться въ состояніи переход- „номъ, колеблющемся—и долго, долго волненіе, въ ко- „торомъ нынѣ мы находимся, не утихнетъ и не дастъ „надежнаго и благополучнаго хода кораблю свободы, „который нынѣ съ трудомъ прокладываетъ себѣ путь.

„Много грустнаго, много щемящаго сердце происхо- „дитъ и внѣ нашего города. Событія московскія и „петербургскія [1]) не могутъ не возбуждать грустнаго со- „чувствія и навести на грустныя думы. И на западѣ „трескъ и грохотъ отъ фальшъ-фейеровъ, которыми за- „бавляются наши польскіе либералы. Но когда поду- „маешь, что за этой декораціей можетъ изготовляться „нѣчто болѣе существенное, то мысль о будущемъ „страшитъ. Какъ и чѣмъ разрѣшится готовящаяся буря „или, лучше сказать, что выйдетъ изъ всеобщаго бро- „женія? Дай Богъ только, чтобъ вышло нѣчто цѣлое, „полное,—какъ возрожденная Италія.

„Но,—и многократно придется сказать это много зна- „чущее но,—когда оно примѣнимо къ такимъ разно- „роднымъ стихіямъ, изъ коихъ сплочены нынѣ многіе „народы подъ названіемъ общимъ: Австрія, Германія и „т. п. Но пусть будущее совершится. Высшій Промы- „слъ зиждетъ царства и народы. Подъ его Всесиль- „ной Десницей и малое дѣлается великимъ, а великое „дѣлается славнымъ.

„Не знаю, что будетъ впередъ съ нашимъ земледѣ- „ліемъ; но въ первые годы не думаю, чтобъ наша

[1]) Безпорядки въ университетахъ.

„производительность достигла $^2/_3$ того количества, ко-„торое мы получали въ старые былые годы. Страхъ „беретъ, когда подумаешь, что можетъ случиться неу-„рожай, и тогда что съ нами будетъ: магазины наши „пусты, запасовъ нѣтъ, $^1/_3$ полей совсѣмъ не засѣяна, „а остальныя обработаны безъ старанья! Можно ли „ожидать добрыхъ всходовъ? Одинъ Господь можетъ „помочь нашему горю; когда Онъ пошлетъ дождь ран-„ній и поздній, тогда все поправится, и мы вздохнемъ „свободно.

„Не знаю, что готовится въ Москвѣ, на выборахъ. „Но много говорятъ о разныхъ проектахъ; какого они „рода,—еще покрыто мракомъ неизвѣстности; но, вѣ-„роятно, безвыходное положеніе землевладѣльцевъ за-„ставитъ придумать мѣры для возстановленія своего „хозяйства. Вотъ все, что мы доселѣ знаемъ. Вѣрно, „въ Твери знаютъ болѣе и подробнѣе.

„Въ Тулѣ также готовятся поговорить, пошумѣть и, „можетъ быть, прочесть что нибудь дѣльное.

„Странно, а между тѣмъ у насъ на Руси самыя ли-„беральныя учрежденія принимаютъ характеръ прави-„тельственный, т. е. чиновный.

„Наши посредники, что можетъ быть лучше этого „учрежденья? Но и они приняли характеръ чиновни-„ческій. Они сознаютъ въ себѣ власть и эту власть „являютъ во всей силѣ тамъ, гдѣ можетъ быть тѣнь „оппозиціи. Не говорю, что ихъ дѣйствія были вредны; „но они не составляютъ того мирового начала, кото-„рымъ такъ справедливо гордится Англія, которая со-„вершенно независима и самостоятельна. У насъ по-„средники постепенно обращаются въ чиновниковъ, а „губернскіе въ автократовъ въ маленькомъ видѣ.

12 января 1862 г.

„Сегодня годовщина Московскаго университета, и „устраивается обѣдъ, на который я получилъ пригла-

„шеніе, но отказался по случаю различныхъ манифе-
„стацій, имѣющихъ непріятныя послѣдствія, которыхъ
„я былъ свидѣтелемъ въ прошломъ году по случаю
„подобнаго праздника; вѣроятно, въ нынѣшнемъ году
„это не повторится. Но вообще я полагаю, что мнѣ
„приличнѣе оставаться въ сторонѣ отъ всякихъ публи-
„чныхъ манифестацій, ничего не выражающихъ, кромѣ
„фразъ, иногда громкихъ и хорошо звучащихъ, но
„исчезающихъ въ воздухѣ подобно гулу колокола или,
„лучше сказать, звону почтоваго колокольчика. Послѣ
„перваго, по крайней мѣрѣ, начинается служба и нѣчто
„серіозное, а послѣднее исчезаетъ безъ слѣда.

„Итакъ, минуло 1000 лѣтъ нашего существованія,
„какъ отдѣльнаго русскаго племени, и невольно возно-
„сится благодарственная молитва къ Высшему Промы-
„слителю о насъ. Онъ провелъ насъ черезъ горнило
„тяжкихъ испытаній и не попустилъ насъ разъединить-
„ся, но укрѣпилъ насъ въ родовомъ нашемъ бытѣ, не
„далъ насъ подъ власть никакого чужеземнаго влады-
„чества и сохранилъ цѣлость нашей вѣры, чуждой вся-
„каго посторонняго вліянія. Вопреки сердечной боли при
„видѣ нашей гражданской неурядицы, я думаю и вѣрю,
„что зло излѣчимо и исправимо. Видимо растетъ у
„насъ общественная нравственность: что почиталось
„почти законнымъ года два-три тому назадъ, то почи-
„тается нынѣ беззаконнымъ. Мысль о правдѣ и судѣ
„видимо осуществляется мировыми нашими учрежденія-
„ми и волостными самоуправленіями. Хотя дворянское
„сословіе находится нынѣ въ какомъ-то неопредѣлен-
„номъ раздражительномъ состояніи, но и оно посте-
„пенно приходитъ къ сознанію своего политическаго
„положенія и заявляетъ нѣкоторыя разумныя желанія,
„которыя современемъ могутъ принести хорошіе плоды.

„Итакъ, другъ Матвѣй Ивановичъ, мы можемъ встрѣ-
„тить новый 1862 г. съ надеждою на лучшее. Дай Богъ
„только, чтобъ разумныя начала получили болѣе и

„болѣе развитія и обуздывали страсти, которыя при „малѣйшей возможности готовы вспыхнуть и изъ бро„шенной искры составить пожаръ. Хотѣлось бы на за„катѣ дней видѣть нашу Русь святую окрѣпшею на „началахъ гражданской свободы и нравственно, ра„зумно идущею по пути политической самостоятель„ности, не по подражанію иноземному, но своеобыч„нымъ, намъ свойственнымъ развитіемъ, которое бу„детъ указано тѣми самостоятельными стихіями, кото„рыя будутъ приготовлены и выступятъ на первый „планъ.

28 января 1862 г.

„Ты напрасно думаешь, что мы, калужане, пользу„емся особеннымъ вниманіемъ. Петръ Николаевичъ, „какъ членъ присутствія, не можетъ не обращать на „себя общаго вниманія. Гаврило Степановичъ Батенковъ „пользуется сочувствіемъ по личному его характеру, „уму чисто русскому и несомнѣннымъ достоинствамъ. „Но твой покорный слуга стоитъ наравнѣ со всѣми, пе„реживавшими много горя, но не заявлявшими себя ни„чѣмъ, ни какой-либо полезной дѣятельностью, черезъ „которую личность получаетъ характеръ обществен„наго. Меня знаютъ въ Калугѣ такъ же точно, какъ тебя „въ Твери, гдѣ каждый извощикъ привезетъ прямо „въ домъ Бутягина. Здѣсь тоже привезутъ за Камен„ный мостъ.

„Вообще надобно сказать, другъ Матвѣй Ивановичъ, „мы представляемъ знамя, и оно служитъ только для „того, чтобъ не выразить словомъ того, что на душѣ „у каждаго лежитъ, но не заявляется гласно. Но и „тутъ надобно сказать, что молодое поколѣніе опере„дило насъ, и должно опередить. Но въ нынѣшнее пе„реходное время всѣ стихіи будущаго находятся въ „хаотическомъ состояніи и, какъ въ мірозданіи, отдѣля„ются другъ отъ друга, чтобъ занять опредѣленныя имъ

„мѣста, когда свѣтъ истины проникнетъ чрезъ всѣ „ихъ слои и освѣтитъ всѣ ихъ темныя стороны, ко„торыя тогда примутъ тотъ характеръ истины, кото„рый имъ доселѣ недостаетъ.

„Такъ, милый другъ, и стремленіе дворянства полу„чаетъ самостоятельное значеніе въ нынѣшнемъ видѣ „предъявленія сословныхъ правъ. Права неоспоримы,— „стремленіе дворянства составить отдѣльное сомкнутое „сословіе, въ родѣ венеціанской аристократіи, немы„слимо; вотъ тутъ темная сторона ихъ предъявленій, „которая должна наконецъ исчезнуть при свѣтѣ истины; „оно покажетъ имъ несостоятельность ихъ притязаній „и укажетъ на тѣ границы, за которыя имъ не позво„лено будетъ перейти, и въ предѣлахъ которыхъ ихъ „историческое право существованія сохранится для ихъ „блага собственнаго и для блага общаго. Съ другой „стороны, если обратить вниманіе на крайнюю демо„кратическую партію, которая стремится къ общему „уровню, то найдемъ ея крайнее выраженіе въ соціа„лизмѣ. Однимъ словомъ, у насъ въ ходу всѣ воз„можныя крайности, но разумной средины еще нѣтъ „или она не высказалась.

18 февраля 1862 г.

„Что скажу тебѣ о вашихъ тверскихъ посредникахъ „и вообще о той роли, которую этотъ институтъ игра„етъ въ нашемъ гражданскомъ обществѣ? Они состав„ляютъ нашу передовую фалангу, которая ратуетъ „противъ цѣлаго сонма дворянства и, крѣпкая юными „силами, побиваетъ своихъ противниковъ, для кото„рыхъ отступленіе невозможно. Мы свидѣтели этой „борьбы. Она продлится еще нѣкоторое время, пока „уставныя грамоты не будутъ введены въ дѣйствитель„ную жизнь, и новыя права не войдутъ въ плоть и „кровь народную. Тогда и фаланга сойдетъ со сцены, „а дворянство примкнетъ къ крестьянству. Между ними

„стоялъ институтъ посредниковъ — тогда этой среды „не будетъ, и два сословія увидятъ, что лучше имъ „соединиться, и что даже худой миръ лучше доброй „брани. Когда это совершится, тогда настанетъ время „примиренія всей земли русской, и сила ея утроится, „какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ „отношеніи.

„Но довольно о мировыхъ посредникахъ. Много меж„ду ними прекрасныхъ личностей, которыя готовятъ „себя для лучшей будущей дѣятельности. И дай Богъ, „чтобъ они осуществили тѣ надежды, которыя внуша„ютъ.

„Но вообще, любезный другъ, нельзя не радоваться „новому пути, проложенному нашимъ славнымъ импе„раторомъ Александромъ II-мъ, нельзя не сочувство„вать вполнѣ создаваемому имъ благу, которое должно „оживить цѣлые милліоны мыслящихъ существъ. Нель„зя не видѣть тѣхъ усилій, которыми постепенно устран„ваются всѣ отрасли управленія, чтобъ стать въ уро„вень новымъ потребностямъ и новымъ идеямъ. Бла„годаря Бога, мы переживаемъ чудную эпоху возрож„денья къ гражданской жизни не только тѣхъ, которые „доселѣ не пользовались правами, но и насъ всѣхъ, ко„торые не только пользовались, но и злоупотребляли „ими. Въ какой формѣ выльется наше новое граждан„ское устройство, еще неизвѣстно; но вѣрю, что фор„ма тогда только будетъ благотворна, когда она будетъ „самобытна.

28 февраля 1862 г.

„Хорошо, что ты въ Москвѣ, и что событія тверскія „не коснулись тебя. А между тѣмъ событія грустныя, „которыя заставляютъ задуматься и искать причины „ненормальнаго явленія. Я слышалъ отзывъ о нѣкото„рыхъ личностяхъ, которыя нынѣ находятся подъ су„домъ, и не могу не пожалѣть о томъ, что ихъ по„стигла такая участь.

„Газетное объясненіе о непормальномъ ихъ протe-
„стѣ [1]) не согласно съ ихъ характеромъ, и потому
„трудно ему повѣрить.

„Я понимаю ихъ дѣйствія въ томъ смыслѣ, что они
„желали сложить съ себя званіе мировыхъ посредни-
„ковъ и тѣмъ избавиться отъ исполненія обязанностей,
„которыя не согласны съ ихъ собственнымъ воззрѣ-
„ніемъ. Въ такомъ случаѣ я не вижу причины преда-
„нія ихъ суду. Впрочемъ, нельзя произнести никакого
„сужденія до того времени, когда все дѣло будетъ от-
„крыто и разъяснено. Сдѣлай одолженіе, сообщи все,
„что тебѣ дѣлается извѣстнымъ,—оно близко касается
„насъ всѣхъ и должно быть принимаемо къ сердцу
„каждаго, любящаго родину и въ общественныхъ явле-
„ніяхъ не ищущаго одного праздная любопытства, но
„того сердечнаго участія, которое возбуждено, и удов-
„летвореніе котораго составляетъ жизненную потреб-
„ность.

„Много ненормальнаго является теперь въ нашемъ
„общественномъ бытѣ. Можно утвердительно сказать,
„что причина находится въ томъ, что сняты съ ногъ
„оковы, которыми люди были связаны въ своихъ дви-
„женіяхъ. Оковъ теперь нѣтъ, но тѣ, которые привык-
„ли къ нимъ, не умѣютъ еще справляться со свободны-
„ми движеніями. Неужели имъ можно ставить въ вину
„естественную неловкость? она скоро пройдетъ, и люди
„научатся правильнымъ движеніямъ безъ всякой помо-
„щи, однимъ опытомъ жизни свободной. Такъ думаю,

[1]) Они заявили, что не подчинятся новому законоположенію 19 февраля. Любезничая съ народомъ и потворствуя ему, они полагали, что народъ возмутится при арестѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но народъ своеобразно истолковалъ какъ бы естественность ихъ ареста: „эти самые господа“, говорилъ онъ, „недавно тянули съ насъ, что называется съ живаго и мертваго, а теперь подольщались, замышляя недоброе противъ нашего батюшки—царя, по злобѣ за нашу волю“. И народъ радовался ихъ аресту·

„другъ Матвѣй Ивановичъ, и сердечно бы желалъ, „чтобъ такъ смотрѣли тѣ, которые будутъ ихъ су- „дить".

25 марта 1862 г.

„Пишу тебѣ, любезный другъ Матвѣй Ивановичъ, на „старое твое пепелище—Тверь, издревлеизвѣстную по „своему соперничеству съ Москвой, а нынѣ заявившую „также нѣчто самостоятельное, но непонятное. На- „дѣюсь, что ты мнѣ разъяснишь загадочное заявленіе „мировыхъ посредниковъ. Никто не мѣшалъ имъ вы- „ходить въ отставку и дѣйствовать, какъ частнымъ „лицамъ, по собственному усмотрѣнію. Однимъ словомъ, „нынѣ время историческое, и Тверь не будетъ забыта „въ этомъ общемъ движеніи умственномъ, которое „проявляется нормально и ненормально. Пусть оно бу- „детъ даже не нормально. Но и то хорошо, что люди „пробудились отъ сна, и жизнь начинаетъ проявлять- „ся".

13 мая 1862 г.

„Какъ давно, любезный другъ Матвѣй Ивановичъ, „нѣтъ отъ тебя дружескаго листка! Вѣрю, что твое „здоровье, благодаря гомеопатіи, возстановилось, а по- „тому никакихъ причинъ не могу придумать твоему „молчанію, исключая отсутствія изъ Твери и поѣздки „въ дальнюю губернію для уставной грамоты, которая „въ настоящее время составляетъ conditio sine qua non „нашей будущности. И мнѣ, можетъ быть, придется „съѣздить въ Тульскую губернію для личнаго присут- „ствія при повѣркѣ уставной грамоты, поданной еще „въ прошломъ году.

„Не знаю почему, но при взглядѣ на будущность, „поневолѣ вздохнешь и задумаешься: заняться агроно- „міей, дѣломъ для меня незнакомымъ, и начать это дѣло „въ мои лѣта въ высшей степени стѣснительно, и при „семейныхъ обязанностяхъ въ отношеніи воспитанія

„двухъ моихъ гимназистовъ, выходящихъ изъ отроче-
„скихъ лѣтъ и требующихъ бдительнаго нравственна-
„го надзора, почти невозможно. А между тѣмъ земля
„требуетъ хозяина бдительнаго, трудолюбиваго, кото-
„рый бы съ любовью занялся ея воздѣлываніемъ и,
„доставляя ей нужное питаніе, доставилъ бы ей воз-
„можность вознаграждать за труды и издержки.

„Но какъ согласить исполненіе нравственныхъ семей-
„ныхъ обязанностей съ исполненіемъ столь же важ-
„ныхъ матеріальныхъ обязанностей, которыя также
„важны для обезпеченья необходимаго существованія?

„Рѣши эту дилемму, любезный другъ, и ты меня обя-
„жешь въ высшей степени.

„Что сказать тебѣ новаго изъ нашей Калуги, полу-
„чившей громкую извѣстность по ходу крестьянскаго
„дѣла, по разладу между администраціей и нашимъ мѣ-
„стнымъ дворянствомъ? Администрація продолжаетъ
„свое дѣло съ твердостью и успѣхомъ реформы въ
„отношеніи порядка и, въ особенности, въ отношеніи
„составленія грамотъ оправдываетъ свои дѣйствія.

„Оппозиція постепенно утихаетъ и заявляется только
„въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстностяхъ, откуда эхо не
„доноситъ ее до насъ.

„Итакъ, у насъ спокойно. Много новаго ожидаемъ
„отъ нынѣшняго года—и много началъ лучшей будущ-
„ности приготовляется въ высшихъ правительствен-
„ныхъ сферахъ. Все это отрадно, любезный другъ, но
„думаю, что это будетъ заодно съ акклиматизаціею
„чуждыхъ намъ растеній и животныхъ. Но общество
„акклиматизаціи сначала дѣлаетъ опыты, а когда уви-
„дитъ, что опытъ удаченъ, тогда предлагаетъ обществу
„ввести растеніе въ общее употребленіе.

„Что будетъ съ опытами гражданскаго устройства,—
„еще не испытано; но идея лучшаго будетъ внесена и
„она постепенно разовьется, а плодами будутъ пользо-
„ваться наши дѣти и внуки“.

15 іюля 1862 г.

„Давно и очень давно я не бесѣдовалъ съ тобой, „любезный другъ Матвѣй Ивановичъ; причина понят„ная и не понятная—я былъ вызванъ въ деревню, въ „Тульскую губернію, по нашимъ крестьянскимъ дѣламъ, „и пробылъ тамъ цѣлый мѣсяцъ. Все это время скуч„ныя пренія съ нашими крестьянами, касающіяся лич„ныхъ интересовъ, отнимали всякую охоту къ свобод„ному слову: то прогулка въ поле съ цѣпью и шеста„ми, то бесѣда на сходкахъ, то различныя хлопоты, „въ хозяйственномъ отношеніи, то мысль устроить „собственное вольнонаемное хозяйство, то различныя „препятствія и затрудненія въ исполненіи положили „предѣлъ благимъ мечтамъ. Въ это время видимаго „досуга было довольно, но настоящаго досуга не было. „Я былъ поставленъ въ безвыходное положеніе чело„вѣка, котораго окружили со всѣхъ сторонъ и гово„рятъ ему: выходи, ты никѣмъ не связанъ, а между „тѣмъ, съ каждымъ шагомъ впередъ тѣснѣе сжимался „кругъ и труднѣе было пробиваться черезъ поставлен„ныя преграды. Такимъ образомъ, я былъ вынужденъ „сдѣлать невыгодную сдѣлку съ крестьянами и раз„сталея съ ними. Здѣсь отдохнулъ я отъ тревогъ ду„шевной и опять принялся за свои обычныя занятія. „Трудно думать о хозяйственномъ новомъ занятіи, ко„торому должно начать учиться въ 66-ть лѣтъ.

„Сколько разъ мы дѣлали съ покойнымъ Иваномъ „Дмитріевичемъ (Якушкинымъ) предположеніе объ „устройствѣ образцовой фермы подъ Ялуторовскомъ, съ „правильными сѣвооборотами, съ плугомъ по новому „устройству, съ удобреніемъ и прочими улучшеніями— „и всѣ наши планы оставались мечтой по недостатку „необходимаго, т. е. первоначальнаго и оборотнаго ка„питала. Безъ этаго орудія все остальное будетъ пу„стой мечтой. Итакъ, оставимъ мечты и скажемъ имъ „прости.

„Бывшіе петербургскіе пожары не принадлежатъ къ „мечтамъ. Они страшно всполошили всѣхъ и своимъ „заревомъ освѣтили всю Россію, освѣтивъ темныя сто„роны ея внутренней, сокровенной жизни. Они помог„ли намъ всмотрѣться ближе въ плоды того матеріа„лизма, который давно уже проповѣдуется съ кафедры „нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній и заражаетъ „нашу юную учащуюся молодежь. Плоды этого уче„нія — разрушеніе, плоды вѣры христіанской — созі„даніе. Одно обращаетъ все въ ничтожество, другое „возводитъ все на степень вѣчнаго бытія, вѣчной „жизни. Первое невозможно и недостижимо потому, „что въ природѣ нѣтъ нигдѣ полнаго уничтоженія. „Второе не только возможно, но и необходимо, какъ „необходимо и неопровержимо отношеніе или связь „явленія съ причиной, относительнаго къ самобытному, „несовершеннаго къ совершенному, творенія къ Тво„рящему, временнаго къ вѣчному.

„Одно что утѣшаетъ при видѣ этого печальнаго на„правленія, это непреложная аксіома, что все неразум„ное никогда и нигдѣ утвердиться не можетъ, но ис„чезнетъ при свѣтѣ разума, который обличитъ нера„зумное явленіе и обратитъ его въ ту, тьму откуда оно „проявилось“.

29 іюля 1862 г.

„Ты сомнѣваешься въ причинахъ поджоговъ. Но раз„вѣ ты не прочелъ въ газетахъ о поджигательствѣ въ „г. Лугѣ уѣзднаго училища однимъ изъ учителей? Те„перь въ Тулѣ уже нѣсколько пожаровъ свидѣтель„ствуютъ также о поджогахъ. Есть факты, которые „несомнѣнно объ этомъ свидѣтельствуютъ. Вотъ одинъ „изъ нихъ: хозяйка одного дома, вставъ поутру, и „смотря въ окошко, увидѣла подъ однимъ изъ оконъ „землю протоптанную; она послала дѣвушку посмот-

„рѣть, какіе тутъ слѣды. Дѣвушка пошла, и видитъ, „что земля дымится,—разрыла землю и нашла нѣсколь„ко коробокъ спичекъ и паклю, загорѣвшуюся.

„Какая причина поджоговъ? Кто знаетъ! Но всѣмъ „извѣстно, что прокламаціи самаго революціоннаго „характера стараются разсѣевать въ народѣ. Не„ужели и эти воззванія составляютъ невинную игру? „Неужели нѣтъ связи между огнемъ, вещественнымъ, „который истребляетъ собственность, и огнемъ рево„люціоннымъ, коимъ стараются поджечь основанія граж„данскаго быта?

„Но ты, который живешь въ Твери, на самомъ жар„комъ коммуникаціонномъ пунктѣ, какъ же тебѣ не „чувствовать этого броженія, какъ не ощущать его? „Но довольно. Ты, я вижу, при чтеніи этихъ строчекъ „задумался и началъ перебирать собственныя ощущенья „и, вѣроятно, нашелъ, что, дѣйствительно, ты находился „въ заблужденіи.

„Итакъ приступаю къ другой сторонѣ жизни, болѣе „свѣтлой. Что же радостнаго, свѣтлаго сообщить тебѣ, „старому и искреннему другу? Это радость семейная: „дѣти растутъ, дочка хороша и мила, въ душѣ миръ „и тишина. Еще мѣсяцъ-другой и жду еще кого-ни„будь, кого Господь пошлетъ для большей полноты „семейнаго счастья.

„А твои дѣвицы, развѣ онѣ не доставляютъ тебѣ „семейной радости? Ты ихъ усвоилъ себѣ своею лю„бовью. И эта чистая любовь получитъ полное воз„мездіе. Благословеніе свыше есть основаніе, на кото„ромъ одномъ зиждется радость вѣчная“.

26 августа 1862 г.

„Спасибо тебѣ, другъ Матвѣй Ивановичъ, и сто„кратъ спасибо за то, что на дружескій отголосокъ

„ты отвѣчаешь тѣмъ-же и не заставляешь долго то-„миться въ ожиданіи отъ тебя вѣсточки.

„Сегодня день, великій для насъ всѣхъ, сегодня мы „получили права гражданскія и возвращены на родину. „Это отрадное воспоминаніе сливается съ манифестомъ „19 февраля — и рядъ свѣтлыхъ годовъ рисуется впе-„реди, какъ отрадные лучи того солнца правды и сво-„боды, которые нынѣ свѣтятъ намъ и будутъ постоянно „освѣщать жизненный путь нашей тысячелѣтней Россіи.

„Сегодня же я написалъ сердечный привѣтъ Наталіи „Дмитріевнѣ Фонъ-Визинъ, которой имя совпадаетъ съ „этимъ славнымъ днемъ.

„Ты вспомнишь также и день Бородинской славной „битвы. И все это радостно отзовется въ твоей душѣ, „и вознесетъ ее молитвеннымъ славословіемъ къ По-„дателю всѣхъ благъ и Хранителю всѣхъ нашихъ луч-„шихъ стремленій и желаній. Въ Его рукахъ они при-„мутъ лучшее и совершеннѣйшее исполненіе, Ему вѣ-„римъ ихъ. Они осуществятся, и мы или дѣти наши „увидятъ плоды ихъ.

„Наконецъ, въ газетахъ явилось извѣстіе о нашихъ „мировыхъ посредникахъ и заставило всѣхъ порадо-„ваться за нихъ. И ихъ заявленія были ненормальны „потому, что новый порядокъ вдругъ не можетъ про-„явить всю свою силу и всю свою законность. Но бу-„демъ надѣяться на лучшее будущее: тогда и настоя-„щее покажется свѣтлѣе, нежели какимъ оно кажется „нынѣ".

31 октября 1862 г.

„Я радовался составленію комитетовъ, радовался ихъ „трудамъ, радовался жизненной дѣятельности, прони-„кавшей всюду, оживленной рѣчи, слышанной всюду. „Но настала реформа, она осуществилась, радостный „день 19 февраля прошелъ — и все измѣнилось: апатія „постепенно заступила мѣсто борьбы, и теперь она,

„какъ будто, вопарилась и безмолвно царствуетъ надъ „обществомъ.

„Неужели судебной реформѣ предстоитъ та же участь? „Неужели насъ занимала реформа, какъ новая игрушка, „брошенная на забаву, и которая стала противна по„тому, что дорого обошлась? Неужели и при гласности „суда никто не будетъ проникнутъ желаніемъ личнымъ „присутствіемъ заявить свое гражданское сочувствіе „къ ближнему, котораго вся будущность будетъ стоять „на вѣсахъ суда? Неужели это великое дѣло займетъ „у насъ только нѣсколько дней или недѣль, пока оно „будетъ еще ново?

„Давно ли мы возвратились, а сколько явленій об„щественной жизни отжило свой короткій вѣкъ? Гдѣ „воскресныя школы, о которыхъ была такая громкая „рѣчь во всѣхъ устахъ? А едва ли осталось воспоми„наніе объ этомъ эфемерномъ явленіи. Теперь у насъ „въ ходу устройство волостей, на нихъ обращено осо„бенное вниманіе всѣхъ начальственныхъ властей. „Устройство ихъ хорошо, и старшины вообще хорошо „выбраны. Но боюсь, что и это учрежденіе впадетъ въ „рутинное производство, и тотъ же старшина окажется „несостоятельнымъ для полнаго осуществленія благихъ „началъ.

„Одинъ въ полѣ не воинъ, говоритъ наша русская „пословица. Такъ и тутъ при дружномъ содѣйствіи „всего общества и несовершенное усовершенствуется, „а хорошее будетъ поддержано—и все будетъ ладно.

„Петръ Николаевичъ (Свистуновъ) благополучно со„вершаетъ свой служебный путь по губернскому при„сутствію. Недавно онъ ѣздилъ по уѣздамъ для реви„зіи мировыхъ учрежденій. Его присутствіе внушало „страхъ, его рѣчь возбуждала восторгъ. Ты мнѣ про„стишь эту шутку. Но, по правдѣ сказать, эта ревизія „членовъ присутствія не была по вкусу мировыхъ вла„стей, которыя находили се чѣмъ-то въ родѣ пятаго

„колеса въ каретѣ. Это весьма естественно, потому что „мировыя учрежденія должны дѣйствовать самостоя„тельно и внушать собою довѣріе въ народѣ. Контроль „надъ ними опредѣленъ закономъ. Но личный контроль „и ревизія подводитъ ихъ въ уровень земскихъ учре„жденій, полицейскихъ. Но пусть все идетъ по пути „ему указанному—современемъ все уладится".

15 ноября 1862 г.

„Благодарю за сообщеніе рѣчи, сказанной графу „Павлу Трофимовичу Баранову (губернатору) при про„щаніи. Хотя оффиціальныя рѣчи теперь въ модѣ и мало „что доказываютъ, но при всемъ томъ онѣ составляютъ „нѣчто среднее между полной истиной и истиной офи„ціальной. Отрадно то, что начинаютъ у насъ говорить.

„Вообще надо отдать справедливость тверитянамъ, „что они стоятъ впереди; многія личности тамъ замѣ„чательны; но мнѣ кажется, что они не уяснили себѣ „вполнѣ настоящее значеніе дворянства въ нынѣшней „реформѣ и будущность, которая предстоитъ сословію, „которое нынѣ находится на первомъ планѣ умствен„наго развитія, но которому недостаетъ той нравствен„ной высоты, безъ которой и умственное развитіе те„ряетъ свою цѣну. Это я отношу вообще ко всему „нашему дворянству, не отдѣляя тверитянъ отъ осталь„ныхъ. Вообще можно и должно сказать, что крѣ„постное право насъ деморализировало. Вѣрю, что „свобода поправитъ многое, но для этого нужно лич„ное содѣйствіе и личное сознаніе каждаго".

28 ноября 1862 г.

„Недавно я получилъ карточку и письмо отъ нашего „славнаго Розена, который выбранъ мировымъ посред„никомъ харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда. Онъ

„миротворствуетъ съ начала мировыхъ учрежденій и, „исполняя добросовѣстно свои обязанности, пишетъ „мнѣ въ послѣднемъ своемъ письмѣ: „я особенное вни- „маніе обращаю на волостные суды—и мое торжество „состоитъ въ томъ, когда помѣщики и крестьяне обра- „щаются къ волостнымъ судамъ предпочтительно пе- „редъ уѣздными, что не рѣдко случается"... Это замѣ- „чательное явленіе доказываетъ возможность правди- „ваго суда, основаннаго не на юридической наукѣ, а „на простой сердечной правдѣ, присущей каждому „доброму христіанину".

1 января 1863 г.

„Вотъ и новый годъ наступаетъ, другъ Матвѣй „Ивановичъ, и надобно другъ друга привѣтствовать, „нужно сказать другъ другу доброе слово. Пусть мое „слово къ тебѣ будетъ чистое желаніе, чтобъ то чув- „ство, которое насъ соединило, все крѣпче и крѣпче „насъ соединяло, пусть оно ростетъ и очищается отъ „всякой ложной примѣси и будетъ истинно. Многое, „мой другъ, мы пережили и многое переживаемъ нынѣ. „Но мы люди прежняго поколѣнія; мы представители „былого и не можемъ вступать въ число дѣятелей на- „стоящаго; но останемся вѣрны прошедшему — хоро- „шему; по милости Божіей, оно въ насъ очищено и „очищается ежедневно; пусть оно явится въ свѣтѣ „истины, и жизнь наша не потеряетъ своего значенія. „Пусть юное поколѣніе дѣйствуетъ, но пусть оно ви- „дитъ въ насъ цѣнителей добра и всегдашнихъ про- „тивниковъ зла, въ какомъ бы обманчивомъ свѣтѣ оно „ни представлялось. Въ этомъ наше призваніе.

„Трудно бываетъ отдѣлить злое отъ добраго — они „вездѣ смѣшаны. Но есть несомнѣнное мѣрило и того „и другого — одно истино — другое ложно: истина въ „любви, тамъ мы ее найдемъ.

„Ты изъ „Москов. Вѣдом.“ узналъ о возвышеніи на„шего губернатора и его удаленіи. Много ты, вѣроятно „передумалъ объ этой перемѣнѣ. Жаль и очень жаль, „что ему не удалось довести реформу до послѣдняго „ея развитія и привести въ исполненіе всѣ предстоя„щія реформы, какъ судебныя, такъ административныя. „Но мира между нимъ и цѣлымъ сословіемъ не было и „не могло быть. Водворится ли миръ и при новомъ „лицѣ, занявшемъ его мѣсто, еще неизвѣстно. Послѣд„ствія укажутъ, на чьей сторонѣ была, правда. Лично „жаль съ нимъ разстаться; съ нимъ было легко жить.

„Между тѣмъ прощальные обѣды были даны. Я былъ „на вечерѣ и на одномъ обѣдѣ. Вечеръ былъ по слу„чаю съѣзда мировыхъ посредниковъ, которые желали „провести съ нимъ, отъѣзжающимъ, нѣсколько друже„скихъ часовъ. И по истинѣ вечеръ былъ вполнѣ дру„жескій. Шампанское заиграло, и тосты провозглаша„лись, потомъ бесѣда дружеская и, наконецъ, послѣ „ужина хоръ запѣлъ русскую пѣсню. Не думай, что „хоръ состоялъ изъ наемныхъ пѣвцовъ. Тѣ же посред„ники грянули хоровыя пѣсни. И такъ продолжалось „далеко за полночь. На другой день былъ обѣдъ по „подпискѣ для желающихъ, въ которомъ участвовало „150 человѣкъ. Тутъ были рѣчи, которыя ты прочтешь „въ „Москов. Вѣдом.“, если цензура не сдѣлаетъ пре„пятствія ихъ напечатать. И Петръ Николаевичъ ска„залъ свое слово. Общее настроеніе было весьма едино„душно и оживлено истиннымъ чувствомъ. Въ заклю„ченіе граждане города давали ему особенный обѣдъ „и просили министра дозволить имъ поставить портретъ „его въ залѣ городской думы. Нынѣ же, т. е. 1-го ян„варя, послѣ обѣда депутація отъ купечества и мѣ„щанства поднесла ему адресъ съ подписью 140 че„ловѣкъ.

„Все это отрадно, какъ заявленіе нѣкотораго обще„ственнаго мнѣнія, которое въ прежнее время не за-

„являлось такъ рѣзко. Но довольно объ этомъ событіи, „важномъ для Калуги, но для тебя не интереснома.

„Теперь у насъ на очереди выборы—и тутъ выска„жется многое, что затаено въ разныхъ уголкахъ на„шей губерніи. Не обойдется и тутъ безъ шума и даже „безъ скандала. Наши дворяне еще дики и не умѣютъ „уважать мнѣній другихъ. Они желаютъ всѣхъ поста„вить въ одинъ уровень. Не могу не сказать, что твер„ское дворянство стоитъ немного впереди".

27 января 1863 г.

„Я не отвѣчалъ еще тебѣ, другъ Матвѣй Ивановичъ „на твое послѣднее письмо изъ Твери, послѣ отъѣзда „твоего изъ Москвы, которое послѣдовало наканунѣ „кончины нашего милаго Михаила Михайловича Нарыш„кина. Его смерть меня поразила неожиданностью. Еще за „недѣлю до этого грустнаго событія моя сестра Варвара „Петровна сообщила мнѣ, что онъ былъ у нея и хло„поталъ о возможности опредѣлить сиротъ Давыдо„выхъ въ заведеніе, которымъ она завѣдываетъ [1]). Это „посѣщеніе на Гороховое поле давало мнѣ полное право „думать о здравіи и долгоденствіи Нарышкина. Въ слѣдъ „затѣмъ ты мнѣ писалъ, что воспитанница Нарышкина „вышла изъ опасности и что, вѣроятно, онъ скоро воз„вратится въ Тулу. Въ слѣдъ за этимъ извѣстіемъ по„лучилъ я письмо отъ Гаврилы Степановича съ увѣ„домленіемъ о его кончинѣ. Слава Богу, что его кон„чина была истино христіанская. Наталья Дмитріевна „пишетъ мнѣ, что послѣднее его причащеніе св. Таинъ „было такъ назидательно, что подѣйствовало на всѣхъ „присутствовавшихъ. Подъ вліяніемъ перваго груст-

[1]) Сиротское отдѣленіе Николаев. Института для малолѣтнихъ, въ которомъ Прончищева 30 лѣтъ была начальницей. Лѣто она часто проводила у сестры въ Калугѣ, что и называлъ Оболенскій полнымъ семейнымъ счастьемъ. (Прим. А. П. Созоновичъ).

„наго впечатлѣнія я написалъ нѣсколько словъ въ па-
„мять его и послалъ ихъ къ П. С. Аксакову, въ на-
„деждѣ, что онъ ихъ помѣститъ въ своемъ журналѣ.
„Надежда исполнилась, и ты прочтешь мое слово въ
„3-мъ № газеты „День“; и, вѣроятно, ты не найдешь
„ни одного преувеличеннаго слова въ описаніи харак-
„тера Михаила Михайловича. Я не сомнѣваюсь, что и
„Ѳедоръ Николаевичъ (Глинка) прочтетъ ихъ съ пол-
„нымъ сочувствіемъ. Ты сообщаешь, что причиною
„смерти была жаба сердца. Признаюсь, я никогда не
„слыхалъ о болѣзни такого рода; но, видно, она суще-
„ствуетъ и неизлѣчима. Такъ, другъ Матвѣй Ивано-
„вичъ, все тѣснѣе и тѣснѣе становится нашъ кругъ.
„Но на смѣну нашу явилось новое поколѣніе. Ему
„предстоитъ богатое поле дѣятельности, ничѣмъ не
„стѣсняемое, оно можетъ свободно дѣйствовать и рас-
„полагать своими умственными и нравственными си-
„лами.

„Надобно отдать справедливость Тверской губерніи
„и ея достойному представителю, Алексѣю Михайлови-
„чу Унковскому, что видно изъ единодушнаго согла-
„сія многочисленнаго общества. Но тутъ можно видѣть
„счастливую случайность; вообще же надобно сказать,
„что наше дворянство не въ весьма выгодномъ свѣтѣ
„показываетъ себя. Наши калужскіе выборы кончились
„и оставили грустное впечатлѣніе: людей достойныхъ
„отстранили, выбрали недостойныхъ, и это все дѣ-
„лалось безъ малѣйшаго стыда. Какъ же можно ожи-
„дать что нибудь лучшее при выборѣ мировыхъ судей,
„которые поступятъ въ исправленіе своихъ должно-
„стей въ концѣ нынѣшняго года? А между тѣмъ отъ
„нихъ будетъ отчасти зависѣть введеніе въ жизнь за-
„кона не въ буквѣ мертвой, но въ гражданской
„жизни.

„А тутъ же и польскія дѣла, которыя также тяжело
„ложатся на душу. Не вѣрю ни мужеству, ни доблести

„гражданской, ни силѣ характера тѣхъ, которые рѣ-
„шаются на Варѳоломеевы ночи и сожигаютъ живыхъ
„людей. Это звѣри — не люди. Даже въ смыслѣ поль-
„ской народности—они позорятъ ее".

6 февраля 1863 г.

„Письмо твое, другъ Матвѣй Ивановичъ, нѣсколько
„меня смутило: ты говоришь, что ты нѣсколько дней
„не сходилъ съ дивана по случаю сильнаго дѣйствія,
„произведеннаго надъ тобой двухъ-мѣсячнымъ водолѣ-
„ченіемъ. Для меня странно, что благодѣтельныя слѣд-
„ствія водолѣченія могли тебя обречь на болѣзненный
„одръ. Объясни ты мнѣ эту загадку. Надѣюсь, что
„первое твое письмо дастъ мнѣ добрую вѣсть о тво-
„емъ выздоровленіи, и что временное дѣйствіе чистой
„воды, превратится въ постоянное здоровье, котораго
„желаю тебѣ отъ души.

„Я тебѣ описывалъ наши проводы нашего В. А.
„Арцымовича. Это было въ декабрѣ. И съ тѣхъ поръ
„описаніе обѣда и всего, что было сказано на немъ
„задушевнаго, давно было послано въ „Петерб. Газету",
„и не напечатано. Между тѣмъ проводы другихъ лицъ
„въ Нижнемъ: Стремоухова и прочихъ начальствую-
„щихъ были обнародованы безпрепятственно. Причину
„этого различія или отличія трудно понять.

„Грустны дѣла польскія, особенно при нынѣшнемъ
„настроеніи многихъ и многихъ. Борьба идетъ ожесто-
„ченная. Мы можемъ подавить возстаніе; но его эле-
„ментъ неуловимъ; онъ исчезнетъ тогда только, когда
„шляхетство, которое не есть аристократія, исчезнетъ,
„слившись съ народомъ. Начало сдѣлано—народъ воз-
„вышенъ на уровень гражданства; но надо ему выро-
„сти и окрѣпнуть, чтобъ заявить о своей самоправно-
„сти и самодѣятельности. Вообще, это печальное явле-
„ніе напоминаетъ самыя худшія времена революціи".

2 марта 1863 г.

„Много говорятъ и будутъ говорить въ Европѣ о „разстрѣляныхъ нами полякахъ, взятыхъ съ оружіемъ „въ рукахъ. А между тѣмъ никто не говоритъ, что со „времени присоединенія Неаполя къ Піемонту и зна„менитой побѣды Гарибальди разстрѣляно 7000 неапо„литанцевъ-бурбонистовъ, хотя и разбойничествовав„шихъ; тѣ же разбойники явились въ Польшѣ, и по „тѣмъ же законамъ самосохраненія у насъ разстрѣля„ны десятки, и за нихъ кричитъ вся Европа. Гдѣ же „тутъ правда? Дай Богъ, чтобъ наша правда въ этомъ „дѣлѣ восторжествовала. Очень грустно, вообще другъ „Матвѣй Ивановичъ, если однимъ взоромъ окинуть и „нашу матушку Россію, то и въ ней найдется много „неутѣшительнаго".

3 апрѣля 1863 г.

„Христосъ Воскресе! другъ Матвѣй Ивановичъ и „кумушка дорогая, Марья Константиновна, и дѣвицы „красныя, Августа Павловна и Анна Матвѣевна! Всѣмъ „вамъ сердечный привѣтъ отъ родной ялуторовской „семьи, которая не можетъ васъ забыть, въ особенно„сти въ настоящіе свѣтлые дни, которые мы такъ свѣт„ло проводили въ своемъ дружескомъ кружкѣ.

„Пишу къ тебѣ въ Тверь, другъ Матвѣй Ивановичъ „въ надеждѣ, что ты возвратился бодрый и здоровый „въ свое теплое тверское гнѣздышко.

„Много хотѣлъ бы съ тобой поговорить, но разныя „лица приходили одинъ за другимъ и принуждали „оставлять перо и держать бесѣду, — вотъ почему я „принужденъ ограничиться однимъ праздничнымъ при„вѣтомъ съ сердечнымъ желаніемъ, чтобы Воскресенье „Христово усвоилось каждымъ изъ насъ, какъ на„ше достояніе. Вѣрою въ Воплотившагося мы съ нимъ „соединяемся и дѣлаемся причастными Его богочело-

„вѣческому достоинству. Высоко наше призваніе, другъ „Матвѣй Ивановичъ! Дай Богъ намъ всѣмъ явиться „съ именемъ Его святымъ, напечатленномъ на всей „нашей жизни; вотъ мое сердечное желаніе въ эти свѣт- „лые и торжественные дни.

„У насъ все обстоитъ благополучно и въ семьѣ, и „въ близкихъ намъ, Петрѣ Николаевичѣ и Гаврилѣ „Степановичѣ — все идетъ своимъ обычнымъ поряд- „комъ.

„Татьяна Александровна (жена Свистунова) хвораетъ „понемногу и надѣется на одно водолѣченіе для окон- „чательнаго исцѣленія. Еще недѣли двѣ — и мы раз- „станемся (съ Свистуновыми) надолго. Ихъ переѣздъ „въ Москву окончательно насъ разъединитъ. Странно, „но правду надобно молвить, что наши ялуторовскія „сердечныя отношенія нигдѣ не повторяются и не по- „вторятся. Съ тобой мы вмѣстѣ не живемъ, но я увѣ- „ренъ, что ты желаешь моей бесѣды письменной, что „она тебѣ нужна, какъ нужно дружеское сердечное „слово. Петръ Николаевичъ уѣдетъ—и пройдутъ мѣ- „сяцы и годы, а отъ него не дождешся дружескаго „слова, — оно ему не нужно. Но при всемъ томъ онъ „человѣкъ очень и очень хорошій; но онъ самъ по „себѣ—и я самъ по себѣ—вся тайна въ этомъ русскомъ „словѣ.— Затѣмъ прекращу свою бесѣду, обнявъ тебя „крѣпко. Твой старый другъ

Е. Оболенскій.

11 апрѣля 1863 г.

„Это письмо застанетъ тебя еще въ Твери, другъ „мой неизмѣнный, Матвѣй Ивановичъ! Ты такъ живо „передалъ мнѣ описаніе твоей болѣзни въ послѣднемъ „твоемъ письмѣ, что я почувствовалъ вполнѣ всю тя- „жесть этаго несчастнаго накожнаго зуда, который ни „днемъ, ни ночью не даетъ тебѣ покоя. Вполнѣ со- „чувствуя гомеопатіи, я думалъ бы однако, что, кромѣ

„безконечно малыхъ, тебѣ бы необходимо употребить „еще наружное средство для возбужденія дѣйствія кожи. „Мнѣ кажется, что водолѣченіе совершенно приспособ„лено къ излѣченію такого рода болѣзней. Ты уже „испыталъ благодѣтельныя дѣйствія этаго лѣченія, и я „вѣрю, что оно окажетъ надъ тобой несомнѣнное „добро.

„Съ отъѣздомъ нашего Арцимовича новымъ духомъ „повѣяло на администрацію, и реакція начинаетъ во„дворяться и хозяйничать по своему усмотрѣнію. Не „знаю, далеко ли коснется или, лучше сказать, до ка„кого предѣла дойдетъ; но если она коснется мировыхъ „учрежденій, то всему прекрасному зданію, воздвигну„тому на этомъ славномъ фундаментѣ, грозитъ разру„шеніе.

„Воля хороша, но она требуетъ порядка, требуетъ „того умиротворяющаго начала, которое совершается „въ механизмѣ часовъ маятникомъ, а въ реформѣ кре„стьянской совершилось и нынѣ совершается мировыми „учрежденіями. Посмотримъ, что будетъ далѣе. Но „есть намѣреніе коснуться и мировыхъ нашихъ посред„никовъ. Мнѣ кажется, что благоразуміе требуетъ спа„сать принципъ неприкосновенности мировыхъ властей „и независимость ихъ личную, кромѣ законнаго взы„сканія. Если петербургская власть сохранитъ этотъ „принципъ, то благо ей, если уничтожитъ, то унич„тожитъ вмѣстѣ съ тѣмъ все благо дарованной сво„боды.

„О польскомъ вопросѣ ты имѣешь возможность бли„же и вѣрнѣе узнать все то, что дѣлается и затѣвает„ся въ этомъ подземномъ мірѣ разныхъ крамолъ, ко„торыхъ начало и цѣль — униженіе нашей народности „и желаніе отодвинуть насъ отъ запада такъ далеко, „чтобъ наша сила не была имъ страшна. Но наша сила „заключается не только въ обширности нашей страны, „но и въ силѣ нашего единодушія, которое намъ помогло и

„въ 1812 году и нынѣ намъ поможетъ отстоять свою „самостоятельность и держаться на той высотѣ, на ко„торой мы стоимъ“.

1 мая 1863 г.

„Наши калужскія новости не интересны: съ новымъ „губернаторомъ явились и новыя лица. Все это весьма „обыкновенно и никого не удивляетъ.

„Польскій вопросъ удалилъ крестьянскій на второй „планъ.

„Остальныя преобразованія также не обращаютъ на „себя исключительнаго вниманія; все это препятствуетъ „къ преобразованію къ лучшему нашего гражданскаго „общества. И всему виною поляки. Положимъ, они от„стаиваютъ дорогое для каждаго отечество; но они „забываютъ, что будущность ихъ была бы самостоя„тельнѣе, еслибъ они сердцемъ слились съ нами въ „одну братскую семью. Но увы, этой мечтѣ не осуще„ствиться.

„Скажи, отчего же такъ дѣлается — о чемъ ни заго„говоришь—поляки непремѣнно подвернутся — и рѣчь „до нихъ коснется по неволѣ“.

22 мая 1863 г.

„Все, что ты сообщаешь о западныхъ нашихъ дѣ„лахъ, и все, что мы читаемъ въ газетахъ, далеко не „утѣшительно и не успокоительно. Но я не постигаю, „какія мѣры принимаются у насъ для огражденія на„паденія. Я не говорю о военной организаціи нашей и „о томъ, что касается до образа войны въ томъ краѣ: „эти дѣла ведутся отлично и съ полнымъ самоотвер„женіемъ. Но вотъ фактъ, который сообщаю тебѣ: „Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, получивъ назначеніе „начальника надъ шестью западными губерніями, сооб„щилъ циркулярно всѣмъ губернаторамъ вызовъ на служ„бу, по всѣмъ шести губерніямъ, десяти чиновникамъ, пре-

„имущественно изъ военныхъ, для занятія различныхъ „должностей по всѣмъ отраслямъ управленія. Его же„ланіе состояло въ томъ, чтобы окружить себя чинов„никами добросовѣстными, на которыхъ онъ бы могъ „вполнѣ положиться. Циркуляръ полученъ, но въ „слѣдъ за нимъ послѣдовалъ министерскій приказъ, „повелѣвшій назначить этихъ чиновниковъ благона„дежныхъ безъ всякаго вопроса о ихъ желаніи или „нежеланіи—и въ случаѣ отказа—съ исключеніемъ изъ „службы, съ тѣмъ, чтобъ впредь ихъ не принимать на „службу. Однимъ словомъ, какъ поляки насильно вер„буютъ въ повстанцы, такъ и у насъ террором за„ставляютъ идти на службу въ Западный край. Губер„наторъ пользуется случаемъ и удаляетъ отъ управ„ленія лучшихъ нашихъ дѣятелей.

„Я не знаю, въ какой мѣрѣ все то, что я тебѣ со„общаю, исторически вѣрно. Но я знаю достовѣрно о „назначеніи противъ желанія одного достойнаго чинов„ника, рыцарски добросовѣстнаго и честнаго, имѣю„щаго семейство, бѣднаго, но благороднаго, пользую„щагося общимъ уваженіемъ, которому сдѣлано пред„ложеніе, а по случаю отказа, угрожали исключеніемъ „изъ службы, единственнаго источника его пропитанія.

„Я знаю также, что другой молодой человѣкъ и хо„лостой, назначенный такимъ же образомъ, подалъ „жалобу въ сенатъ на насильственное распоряженіе „его службой. Я понимаю, что въ томъ краѣ нужны „русскіе люди, и сердечно бы желалъ, чтобъ туда от„правлялись люди усердные и добросовѣстные. Госу„дарь получилъ столько адресовъ со всевозможными „увѣреніями въ готовности жертвовать всѣмъ для блага „отечества, что я не могу усомниться въ томъ, что на „вызовъ царя явятся люди. На этотъ вызовъ царскій „вызоветъ на службу царскую.

„Тебѣ отдастъ это письмо Татьяна Александровна, „которая окончательно переѣзжаетъ въ Москву. Мало

„по малу лучшіе люди покидаютъ насъ, — и жаль ихъ „сердечно. Дѣятельность Петра Николаевича была и „полезна и благодѣтельна: онъ преподавалъ въ гимна„зіи французскій языкъ и занимался съ дѣвицами съ „любовью. Здѣсь присутствіе его было ощутительно. „Въ Москвѣ, кромѣ близкихъ и знакомыхъ никто не „позаботится о его существованіи".

9 іюня 1863 г.

„Спасибо тебѣ, добрый другъ Матвѣй Ивановичъ, „за добрыя вѣсти въ послѣднемъ листкѣ отъ 31-го „мая, т. е. за миролюбивое настроеніе, которое выска„зывается враждебными намъ державами — Англіей и „Франціей. Не постигаю, какимъ образомъ могутъ два „образованныхъ народа, какъ англичане и французы, „сочувствовать терроризму польскаго тайнаго прави„тельства и не отвергнуть съ отвращеніемъ всякую „попытку сближенія съ этими варварами. Но теперь „такое время, въ которое трудно постигнуть настоя„щее общественное мнѣніе.

„Всѣ рукоплескали Гарибальди, благородному воину, „честно и открыто дѣйствовавшему и обязанному ус„пѣхомъ не террору, но сочувствію народному, вполнѣ „заслуженному. Образъ дѣйствія противоположный: „замышляемая сицилійская вечерня—убійство денное и „ночное всѣми средствами, какія только выдуманы для „уничтоженія людей, вызываютъ въ тѣхъ же людяхъ „жалкія одобренія и полное сочувствіе.

„Какъ понять людей, которые не различаютъ вели„кодушія отъ противоположнаго? Но довольно о груст„ныхъ фактахъ, слишкомъ рѣзкихъ, чтобъ долго на „нихъ останавливать вниманіе, вызывающее самыя тя„желыя мысли.

„Я привѣтствовалъ радостно отличное дѣйствіе tinct. „sulphuris, которое ты мнѣ описалъ, и ожидаю отъ него

„самыя благодѣтельныя послѣдствія для возстановленія „твоего здоровья.

„Письмо твое прочитано было и сестрой, которая „видимо склоняется къ полезному дѣйствію гомеопатіи „Не забудь съ первой же почтой дать адресъ твоего „врача Ведринскаго, которому нельзя не вѣрить послѣ „опыта его искусства, такъ ясно на тебѣ показан- „наго".

6 августа 1863 г.

„О польскихъ дѣлахъ можно только сказать, что „горе наше прибавляется. Всегда Польша была намъ „преградою для государственнаго устройства. Неужели „это не послѣдняя наша борьба съ нею—или предсто- „итъ еще другая? Во всякомъ случаѣ теперь должно „рѣшить этотъ вопросъ: если они не захотятъ слиться „съ нами въ одну нераздѣльную семью, то мы должны „поглотить ихъ національность и силою, и нашею чи- „сленностью. Горько это слово, но оно вынуждено край- „ностью нашего положенія. Но объ этомъ столько те- „перь говорится и печатается, что новаго тутъ ничего „не придется сказать".

5 октября 1863 г.

„Въ половинѣ сентября я выѣхалъ въ Тульскую гу- „бернію, въ имѣніе сестры, чтобъ тамъ совершить вы- „купную операцію съ крестьянами и сдѣлать ихъ пол- „ноправными собственниками своего поземельнаго уча- „стка. Къ сожалѣнію, мое желаніе не исполнилось. Му- „жички потолковали и рѣшили, что имъ выгоднѣе пла- „тить 9 рублей оброка, нежели временно, т. е. въ про- „долженіи семи первыхъ лѣтъ, на которые я имъ раз- „срочивалъ платежъ дополнительныхъ платежей,—пла- „тить оброкъ возвышенный, а потомъ поступить въ „число землевладѣльцевъ съ уменьшеннымъ оброкомъ „до 7 руб. 20 к. съ души. Видимая и ощутительная

„выгода сдѣлки не прельстила ихъ: тѣ, которые были „поразумнѣе, охотно соглашались на условія, мень- „шинство не захотѣло приложить еще болѣе труда на „нѣсколько лѣтъ, а потомъ успокоиться отъ трудовъ „и рѣшило отрицательно. Жаль мнѣ было разстаться „съ моей мечтой, чтобъ сдѣлать моихъ мужичковъ „полноправными гражданами; но я возвратился 1-го „октября, не совершивъ этого добраго дѣла.

„Недавно я прочелъ въ газетахъ о кончинѣ супру- „ги нашего ветерана-литератора. Страшно мнѣ стало „за Ѳеодора Николаевича (Глинка). Этотъ тяжелый „ударъ проходитъ не даромъ въ наши лѣта, онъ по- „трясаетъ весь организмъ. Да подкрѣпитъ его Гос- „подь и поможетъ ему перенести испытаніе съ твер- „достью христіанина!

„Наша ежедневная сердечная забота сосредоточена „теперь на нашемъ Гаврилѣ Степановичѣ, котораго я „оставилъ почти въ безнадежномъ положеніи, когда „уѣзжалъ отсюда; я съ нимъ простился, какъ съ уми- „рающимъ, принялъ его благословеніе и далъ ему отъ „души свое. Пріѣзжаю назадъ и нахожу нашего уми- „рающаго подающимъ надежду на полное выздоро- „вленіе“.

26 октября 1863 г.

„Мы, другъ Матвѣй Ивановичъ, все менѣе и менѣе „имѣемъ надежду на сохраненіе нашего славнаго Гав- „рилы Степановича. Вчера онъ пріобщился св. таинъ „и приготовился къ переселенію въ лучшій міръ. Я „его оставилъ въ трудномъ, но не безнадежномъ по- „ложеніи.

„О нашей калужской жизни: пока общественной „жизни нѣтъ,—совершенно безцвѣтно является обще- „ство, которое идетъ прежней колеей безъ живитель- „наго начала, которое бы способствовало развитію. „Впрочемъ, сѣмена лучшаго посѣяны и теперь невиди- „мо растутъ и пускаютъ корни въ землѣ, невидимо

„для нашихъ глазъ, но не менѣе плодотворно для бу-
„дущаго растенія, которое должно твердо держаться
„корнемъ. Я думаю, что и у васъ въ Твери происхо-
„дитъ то же явленіе. Но у васъ что-то проявляется и
„дѣлается видимымъ: такъ, напримѣръ, описаніе обѣда
„съ кубкомъ и со старшинами, даннаго вашему посред-
„нику Головину — есть выраженіе довольно знамена-
„тельное въ наше время, если оно, дѣйствительно, вы-
„ражаетъ тѣсное сближеніе двухъ сословій земледѣль-
„ческихъ—крупныхъ и мелкихъ. Но это начало со-
„ставляетъ едва-ли не первый опытъ, довольно эффект-
„ный, который Тверская губернія предлагаетъ публикѣ,
„выражая тѣмъ свое передовое направленіе, давно уже
„заявленное.

„Но личность Головина такъ хорошо выражена, что
„я думаю, она должна тебѣ быть извѣстна. Сообщи
„о ней то, что ты знаешь!.

„У насъ здѣсь есть также довольно оригинальныя
„личности. Напримѣръ, у насъ есть посредникъ, кото-
„рый съ крестьянами не иначе говоритъ, какъ на вы.
„Но тутъ же выражается такъ:—„вы, милостивый го-
„сударь, мошенникъ,—вамъ нельзя вѣрить". Онъ да-
„валъ обѣдъ старшинамъ своего участка и угощалъ
„ихъ европейской стряпней, отъ которой наши мужич-
„ки отплевывались по неразвитости своего вкуса. Меж-
„ду тѣмъ по ревизіи оказалось, что его участокъ одинъ
„изъ самыхъ отсталыхъ, какъ по волостнымъ правле-
„ніямъ, такъ и по знанію старшинами своихъ обязан-
„ностей. Много странностей въ нашемъ гражданскомъ
„бытѣ, но отрадно и то, что нѣтъ уже стараго, отжив-
„шаго свой вѣкъ.

„Дѣла польскія возмущаютъ мнѣ душу. Не легко
„будетъ намъ разрѣшить польскій вопросъ; сила одна
„тутъ не подѣйствуетъ. Одинъ Господь можетъ усми-
„рить и покорить тотъ духъ, который нынѣ возсталъ
„и выставилъ свою безобразную голову".

10 ноября 1863 г.

„Грустную вѣсть сообщаю тебѣ, другъ Матвѣй Ива-
„новичъ: нашего Гаврилы Степановича нѣтъ уже ме-
„жду нами: 29-го октября, вечеромъ, въ 9 часовъ,
„его не стало—онъ переселился въ небесныя обители
„Отца нашего небеснаго, гдѣ нѣтъ печали, ни возды-
„ханія, но жизнь безконечная: такъ совершилъ онъ
„свой путь житейскій на 71-мъ году отъ рожденія, со-
„вершилъ его, сохранивъ до конца вѣру и украсивъ
„жизнь дѣлами любви и жизнью по вѣрѣ. Грустно
„было разставаться съ нимъ. Какое-то чувство безот-
„четное, но тяжелое наполняло сердце, когда тѣло его
„бездыханное лежало на столѣ, такъ еще недавно пол-
„ное жизни и отвѣчавшее слову любви словомъ взаим-
„нымъ. И теперь впечатлѣніе смерти осталось еще,
„хотя не въ прежней силѣ—и воспоминаніе о немъ еще
„долго не изгладится. Его симпатичная натура пріоб-
„рѣла ему много друзей, которыхъ онъ умѣлъ сохра-
„нить до конца своей жизни. Многое онъ дѣлалъ и для
„нихъ. Не далѣе, какъ два года тому, онъ ѣздилъ въ
„Царство Польское навѣстить своего пріятеля Пого-
„дина, съ которымъ онъ сблизился еще во время служ-
„бы при Аракчеевѣ. Не говорю уже о частыхъ его
„поѣздкахъ въ Петербургъ и въ Москву, которыя онъ
„считалъ прогулками.

„Онъ завѣщалъ похоронить себя въ имѣніи Елагиных—въ Петрищевѣ, и въ послѣднемъ письмѣ имъ
„написанномъ, сдѣлалъ распоряженіе о чинѣ своего
„погребенія и опредѣлилъ всѣ мелочныя подробности
„похоронъ. Письмо написано за два мѣсяца до смерти
„и указываетъ ясно, что онъ понималъ свое состояніе
„при самомъ началѣ болѣзни и съ бодрымъ духомъ
„смотрѣлъ на смерть. Исполняя его послѣднюю волю,
„чинъ погребенія его совершился 2-го ноября, а 4-го
„повезли его тѣло въ Петрищево, откуда уже было

„получено отъ Елагиныхъ извѣщеніе объ ожиданіи и „принятіи его въ усыпальницу свою. Тѣло его прово- „дилъ Александръ Николаевичъ Цуриковъ, который „живетъ въ его домѣ и былъ при немъ почти безот- „лучно въ послѣдніе дни его болѣзни.

„Вотъ событіе, которое отвлекло всѣ мысли наши и „чувства и остается доселѣ предметомъ и думъ, и бе- „сѣдъ нашихъ. Всѣ бывшіе въ городѣ его знакомые „были ежедневно на его панихидахъ и присутствовали „при погребеніи. Но насъ радостно удивило прибытіе „ко дню похоронъ Татьяны Александровны Свистуно- „вой съ милымъ юношей, княземъ Иваномъ Трубец- „кимъ. Они пріѣхали, чтобы проститься съ нимъ, на- „дѣясь застать его еще въ живыхъ, но прибыли въ „самый день погребенія.

„Отрадно было ихъ видѣть между нами. Оба испол- „нили святой долгъ дружбы. Но въ Татьянѣ Алексан- „дровнѣ, при ея болѣзненномъ состояніи, этотъ под- „вигъ былъ актомъ самоотверженія, которому нельзя „было не сочувствовать.

„Что тебѣ сказать о нашемъ житьѣ-бытьѣ: все идетъ „обычнымъ порядкомъ. Съ отъѣзда Арцимовича стала „замѣтна убыль въ нашемъ обществѣ тѣхъ лицъ, съ „которыми мы были въ сочувственныхъ отношеніяхъ, „но административный порядокъ остался не нарушимъ.

„О польскихъ дѣлахъ теперь говорить нечего: На- „полеонъ сыгралъ мастерскую штуку — европейскую. „Увидимъ, что изъ нея выйдетъ. Но, кажется, безъ „войны не обойдется. За что будетъ проливаться кровь „и за что проливается она теперь? Все это сокрыто во „мракѣ тьмы, а тьма эта есть плодъ тьмы, которая въ „мрачномъ народномъ фонѣ облеклась въ образъ не- „видимый, но въ сущности ощутительной силы вражь- „ей, для которой не существуетъ нравственнаго закона. „Будемъ вѣрить, что сила правды нашей побѣдитъ эту „темную силу“.

19 января 1864 г.

„Много и много думъ навѣяло начало нынѣшняго „года. Неужели начало нашей борьбы съ западомъ раз- „разится въ борьбу на жизнь или смерть? Неужели мы „будемъ вынуждены отстаивать свою самобытность? „Страшно объ этомъ подумать. Но Богъ поможетъ и „въ правомъ дѣлѣ не дастъ побѣды неправому. Такъ „вѣрю, и вѣрю, что такъ будетъ.

„Я началъ годъ сильнымъ катарромъ, т. е. catarrhe „suffocant, который не давалъ покоя ни днемъ, ни ночью, „кашель, прерывающій дыханіе, сильно меня тревожилъ. „Но, слава Богу, теперь какъ будто стало легче.

„Я пишу тебѣ эти строчки, а почта привезла изъ „деревни худыя вѣсти, которыя тяжело легли на душу: „нашъ довѣренный крестьянинъ, бывшій бурмистръ, „нынѣ эмансипированный, промоталъ часть нашихъ „доходовъ, и сверхъ того сгорѣла наша изба, т. е. един- „ственное строеніе, которое необходимо было для по- „мѣщенія единственныхъ охранителей нашей усадеб- „ной осѣдлости. Теперь необходимо покрыть этотъ де- „фицитъ,—но чѣмъ и какъ — остается нерѣшимой за- „дачей. Въ этихъ неотрадныхъ думахъ проходятъ часы „за часами, но положеніе отъ этого не улучшается: „придется вычеркнуть довольно крупную сумму изъ „бюджета и въ немъ открыть дефицитъ. Но какъ у „насъ нѣтъ палаты, которая разрѣшила бы заемъ на „покрытіе дефицита, то приходится придумать самому „все, что нужно для такой операціи. Вотъ пока наша „забота,—она мелочна; но куда дѣнешься отъ мелочей „въ здѣшней жизни?

9 февраля 1864 г.

„Вновь замедлилъ я отвѣтомъ на твой дружескій „листокъ, другъ Матвѣй Ивановичъ, но замедленіе

„произошло не отъ лѣни или нерадѣнія, а отъ недуга: „съ января меня посѣтилъ катарръ—или гриппъ,—какъ „хочешь его назови. Но болѣзнь меня утомила, и до- „селѣ я еще не могу придти въ свое нормальное по- „ложеніе, которое само по себѣ не нормально, потому, „что мнѣ 68 лѣтъ. Старость не маловажная. Но теперь „я, по крайней мѣрѣ—начинаю двигаться и ходить сво- „имъ обычнымъ пѣшеходствомъ, а для меня эта по- „требность физическая, движеніе и воздухъ мнѣ необ- „ходимы. Думаю, что тѣ же нужды чувствуешь и ты и „удовлетворяешь имъ по возможности.

„Теперь ты, вѣроятно, находишся на бардяныхъ ван- „нахъ у гостепріимнаго Николая Николаевича (Тол- „стого), съ которымъ мы вмѣстѣ были адъютантами у „покойнаго достойнаго Якова Алексѣевича. Мы съ „нимъ разстались въ Дерптѣ—въ 1821 г., и съ тѣхъ „поръ не видались. Хотя наша общая служба была „довольно коротка, но я думаю, что Николай Никола- „евичъ ея не забылъ, а при ней вспоминаетъ и меня. „Напомни ему, какъ принимали Якова Алексѣевича „въ Дерптскомъ университетѣ, какъ ввели въ лабора- „торію, и профессоръ нѣмецъ представилъ высокому „гостю ухо, и какъ Яковъ Алексѣевичъ обратился ко „мнѣ и по французски спросилъ въ полголоса: „que „me veux cet imbécile“? Я ему въ полголоса же коротко „объяснилъ смыслъ рѣчи—и нашъ Яковъ Алексѣевичъ „встрепенулся, и отвѣчалъ такъ, какъ будто все по- „нялъ, что сказано было на чужомъ языкѣ. Онъ не „могъ забыть также и лекціи физики Паррота и обсер- „ваторію Струве—и его Долландовъ телескопъ и, на- „конецъ, обѣдъ, данный Потемкинымъ ученому дерпт- „скому сословію—и въ заключеніе то знаменитое утро, „когда фельдъегерь привезъ роковое письмо о назна- „ченіи Якова Алексѣевича начальникомъ 14 пѣхотной „дивизіи. Думаю, что и у тебя много отрадныхъ вос- „поминаній по старому семеновскому полку.

„Что тебѣ сказать отраднаго: въ нынѣшнее время мало „отраднаго вообще, и не знаю, какъ назвать наше об- „щественное положеніе: апатія—не апатія, но тяжелое „равнодушіе ко всему общественному и заботливое по- „печеніе о личныхъ и имущественныхъ интересахъ, ко- „торые сильно потрясены и требуютъ усиленной дѣя- „тельности для восполненія убытковъ. Если бы сочув- „ствіе было обращено на Польшу и ея событія, то я „бы не сказалъ ничего: это сочувствіе вызвало бы „энергическихъ дѣятелей, которые бы рѣшились ѣхать „туда и честною дѣятельностью заставили бы умолк- „нуть полонизмъ, но этаго настроенія не видно.

„Теперь вводятся земскія учрежденія: прочли въ га- „зетахъ Новое Положеніе, и никто даже не заявилъ „своего сочувствія, своего желанія содѣйствовать успѣху „этого новаго и благодѣтельнаго учрежденья.

„Что скажутъ тверитяне? Они были передовыми — „пусть будутъ передовыми. Худо ли — хорошо ли, но „нужно заявить дѣятельность гражданскую. И я вѣрю, „что всякое заявленіе, даже неудачное, лучше безмол- „вія и мертвящаго бездѣйствія. Вѣроятно, всѣ ждутъ „инціативы отъ тверского дворянства по случаю но- „выхъ земскихъ учрежденій. Оно и въ крестьянскомъ „вопросѣ, и въ мировыхъ учрежденіяхъ показало себя „чѣмъ-то самостоятельнымъ, хотя и не во всемъ это „заявленіе показалось нормальнымъ.

„Не знаю, когда мнѣ придется видѣться съ вами, мои „друзья. Съ кончиной брата ничего особеннаго не ма- „нитъ меня въ Москву. Но можетъ случиться, что мы „совсѣмъ переселимся въ Москву, если сестрѣ удастся „продать нашъ калужскій домъ; но охотниковъ-поку- „пателей еще не отыскалось, и это перемѣщеніе отда- „лено въ неизвѣстную будущность. А хорошо бы вновь „намъ сойтись на ялуторовскій ладъ. Но едва ли это „будетъ возможно при нынѣшней нашей обстановкѣ. „Но при всемъ томъ приношу вамъ мою ялуторовскую

„сердечную преданность и сочувствіе. — Да хранитъ „васъ Господь".

Любящій Е. Оболенскій.

3 іюня 1864 г.

„Принимаюсь наконецъ за перо, другъ Матвѣй Ива„новичъ, чтобъ сообщить тебѣ о дѣйствіи Распальева „лѣченія камфорой: я употреблялъ ее малыми пріемами, „наконецъ по чайной ложкѣ три раза въ день, по „твоему предписанію; но видимаго благодѣтельнаго „дѣйствія не находилъ до того времени, когда теплая „погода установилась, и мой упорный кашель сталъ „постепенно утихать. Но и теперь онъ продолжается „и обыкновенно усиливается утромъ, послѣ сна и от„части ночью при пробужденіи. Вѣрю, что это упор„ный катарральный кашель по многимъ признакамъ, и „потому прошу тебя мнѣ сообщить, въ чемъ состоитъ „специфическое лѣченіе Распаля, и не могу ли изба„виться отъ этого изнурительнаго состоянія, которое „не совсѣмъ пріятно.

„Мои гимназисты потрудились крѣпко почти весь „прошедшій мѣсяцъ, а съ ними потрудился и я. Но, „слава Богу, экзамены проходятъ отчасти хорошо: „меньшой долженъ перейти въ 4-ый классъ, а старшій, „можетъ быть, останется въ 5-мъ еще на годъ, если „ему не дадутъ переэкзаменовки. Но оставаться ему „не бѣда: недавно ему минуло 14 лѣтъ; онъ можетъ „еще посидѣть въ одномъ классѣ безобидно... Вотъ „крупный фактъ нашей семейной жизни; другой со„стоитъ въ томъ, что сестра переѣзжаетъ на лѣто въ „деревенскій воздухъ—версты за 4 отъ насъ. Сосновая „роща, въ которой она можетъ сидѣть цѣлые дни, и „которой испаренія ей нужны для ея больной груди, „принуждаютъ ее на это лѣтнее переселеніе. Мы должны „разлучиться на время, хотя бы и не хотѣлось. Съ нею „ѣдетъ наша Оленька, съ которой сестра не хочетъ

„разстаться, и которая будетъ ее развлекать въ уеди-
„неніи".

17 іюля 1864 г.

„Ты мнѣ какъ-то написалъ о бѣдности твоихъ дохо-
„довъ съ твоего имѣнія. Спрошу тебя, отчего же у
„тебя такъ непроизводительна эта часть? Я помню
„описаніе твое о первомъ посѣщеніи твоемъ, какъ
„крестьяне принимали тебя радушно, и какъ ты былъ
„ими доволенъ и хвалилъ ихъ благосостояніе. Неужели
„указъ 19 февраля или, лучше сказать, уставная гра-
„мота измѣнила ихъ бытъ? Впрочемъ, тутъ много усло-
„вій, которыхъ нельзя предвидѣть, и которыя препят-
„ствуютъ исполненію самыхъ законныхъ требованій и
„ожиданій. Сообщи по дружбѣ о своихъ финансовыхъ
„дѣлахъ и обрадуй чѣмъ-нибудь хорошимъ. И наши
„финансы страдаютъ въ нынѣшнемъ году,—но что же
„дѣлать,—мы всѣ болѣе или менѣе должны перенести
„на себѣ переходное экономическое время. Свобода
„многихъ легла на меньшинство. Но со временемъ мы
„будемъ вознаграждены: цѣны за землю должны воз-
„выситься при увеличенномъ спросѣ на эту жизненную
„потребность; тогда наши доходы будутъ постепенно
„возрастать.

„Скоро я долженъ отправиться въ наше тульское
„имѣніе и тамъ хозяйничать, т. е. торговаться съ кресть-
„янами о наймѣ земли. Срокъ 3-хъ годичный найма
„ихъ кончается — и теперь приходится дѣлать новыя
„условія. Вообще, другъ Матвѣй Ивановичъ, наше по-
„ложеніе безвыходное: капиталовъ нѣтъ, — откуда ихъ
„взять, чтобъ завести необходимый скотъ — и вообще
„все, что нужно для привольнаго и выгоднаго хозяй-
„ства. Вотъ забота моя, которая скребетъ на сердцѣ,
„когда подумаешь о будущности дѣтей, которымъ хо-
„тѣлось бы оставить что-нибудь для всей ихъ будущ-
„ности".

5 сентября 1864 года.

„Негодованіе твое на Каткова [1]) я вполнѣ раздѣляю, „тѣмъ болѣе, что онъ ту-же клевету повторилъ и въ „послѣднемъ № „Русскаго Вѣст.". Я не имѣю данныхъ „положительныхъ, чтобъ опровергнуть его злое слово, „и потому не писалъ ему ничего; но твой документъ „Варшавскаго комитета такъ ясенъ и такъ положите„ленъ, что ему должно бы посовѣститься повторять „свою клевету въ своемъ журналѣ. Но онъ, какъ пу„блицистъ, не взираетъ на истину, но извлекаетъ изъ „всего ту идею, которую преслѣдуетъ. Въ этомъ от„ношеніи я ему прощаю, — желаніе честное и чистое „отдѣлить или, лучше сказать, освободить нашъ рус„скій край отъ полонизма, покрываетъ множество его „грѣховъ.

„Недавно получили мы письма изъ Кіева, которыя „заставили меня содрогнуться отъ негодованія: военныя „команды снуютъ по губерніи, вынуждая крестьянъ къ „уплатѣ оброковъ своимъ измѣнникамъ-панамъ. Цѣлыя „деревни разбѣжались въ лѣса отъ военной экзекуціи. „Вотъ какъ поступаетъ благодѣтельное начальство съ „людьми, которые доказали свою вѣрность своему царю „и отечеству! Что же можно ожидать послѣ такихъ „мѣръ, и можно ли надѣяться найти въ этихъ русскихъ „душахъ сочувствіе къ намъ? Въ справедливости того, „что намъ сообщено, ручается лицо, передавшее грус„ный фактъ; это лицо есть главный повѣренный ком„миссіи по кіевской губерніи, за добросовѣстность ко„тораго я ручаюсь. Вообще, другъ Матвѣй Ивановичъ, „мы теперь отплачиваемся за грѣхи нашего великоду„шія къ польскимъ магнатамъ, которые воспользова„лись имъ, чтобъ глубоко пустить свои корни въ нашу „русскую землю. Этотъ чуждый элементъ заглушилъ „лучшіе проявленія нашего русскаго племени, который

[1]) Москов. Вѣд. 9 числа № 151.

„былъ подавленъ чужимъ наростомъ. Грустно и очень „грустно видѣть плоды этого угнетенія и теперь на- „чинать то, что должно было начать за сто лѣтъ.

„Спасибо тебѣ за добрую вѣсть о Николаѣ Ивано- „вичѣ Тургеневѣ. Я всегда вспоминаю съ удовольстві- „емъ о томъ времени, когда я былъ съ нимъ въ сно- „шеніяхъ по дѣламъ Т. О., въ которомъ онъ принималъ „живое и дѣятельное участіе. Если онъ не захотѣлъ „возвратиться изъ Парижа, чтобъ подчиниться той же „участи, которой мы всѣ подверглись,—но чтобъ это „исполнить, надобно было ему быть Регуломъ, — но „этого никто не могъ отъ него ожидать, ни даже же- „лать. Вообще же отдать должно ему дань полной „справедливости: онъ всегда былъ и будетъ челове- „комъ благонамѣреннымъ. Что же касается до его „оправдательной брошюры, то въ ней видна политиче- „ская уловка, послѣ которой онъ получилъ позволеніе „безпрепятственнаго въѣзда въ Россію. Скажи мнѣ, „какъ онъ объясняется по-русски: живя 40 лѣтъ въ „Парижѣ, или Лондонѣ — не трудно забыть свой род- „ной языкъ?

„О своемъ здоровіи скажу только, что мой кашель „лѣтомъ исчезаетъ, но съ началомъ зимы усиливается. „Теперь чувствую себя довольно хорошо; но по време- „намъ бываетъ одышка, которая сильно безпокоитъ. „Грустно подумать, что мы, можетъ быть, не увидимся „болѣе на этомъ свѣтѣ.

„Вѣрю, что вы и въ Твери нашли пріятное обще- „ство; но трудно замѣнить намъ ялуторовскій кружокъ, „который всегда останется въ сердечной памяти“.

14 октября 1864 г.

„Давно съ тобой не бесѣдовалъ, другъ Матвѣй Ива- „новичъ, и удивляюсь самъ причинѣ моего долгаго „молчанія; ни физическихъ, ни нравственныхъ причинъ „не нахожу, и потому думаю, что первая и главная

„причина — старость, которая иногда ощутительна по „желанію совершеннаго покоя, такъ что и письмо пи„шется съ нѣкоторымъ трудомъ. А между тѣмъ сердце „понимаетъ, что старому другу должно отвѣчать бе„сѣдой за бесѣду. Твое слово, что мы оба, какъ ста„рые корабли, стоимъ на мертвомъ якорѣ, совершенно „оправдывается моимъ положеніемъ, изъ котораго ни„какого исхода я не предвижу и не желаю предвидѣть. „Пусть будетъ оно такъ, какъ свыше опредѣлено; оно „будетъ мнѣ въ пользу и даже отраду. Недавно мнѣ „минуло 68 лѣтъ, а я доселѣ былъ и остаюсь беззе„мельный и безкапитальный. Но при всемъ томъ доселѣ „жилъ и живу не въ нуждѣ, но въ нѣкоторомъ отно„сительномъ и нравственно не стѣснительномъ доволь„ствѣ Слава и благодареніе Богу за его храненіе и „помощь. — Какъ не вспомнить и ту [1]), которая съ „1837 года,—со дня кончины отца, была постоянно моимъ „ангеломъ-попечителемъ? Но объ этомъ ты давно знаешь „и, безъ сомнѣнія, умѣешь оцѣнить сердце способное, „много и крѣпко любить.

„Благодарю тебя за твой отвѣтъ о Николаѣ Ивано„вичѣ. Грустно то, что онъ, повидимому, измѣнилъ „православію,—и если не самъ, то окатоличилъ своихъ „дѣтей и отчуждилъ ихъ отъ родного очага. Мы по„теряли въ немъ гражданина честнаго и полезнаго, а „онъ потерялъ ничѣмъ не замѣнимую родину. При „случаѣ спроси у него о братѣ его, Яковѣ Ивановичѣ, „живущемъ также въ Парижѣ съ 1825 года: холостъ „онъ, или женатъ. Однимъ словомъ, мнѣ желательно „узнать о судьбѣ его. Мы живемъ благополучно и, „благодаря Бога, вопреки зловѣщимъ угрозамъ, наша „Калуга пощажена отъ пожаровъ, которые надѣлали „столько бѣдъ и разорили столькихъ людей. Эти явле„нія въ высшей степени возмутительныя и отвратитель-

---

[1]) Сестра его, княгиня Н. П. Оболенская.

„ныя; если они обнаруживаютъ месть поляковъ, то „ставятъ ихъ ступеней ниже дикихъ прокезовъ. Все „глубже и глубже эти бѣдные люди роютъ яму, кото„рая насъ раздѣляетъ; и страшно подумать о будущ„ности. Неужели они должны исчезнуть съ лица земли „русской, — по весьма простой причинѣ, — потому что „мы не можемъ въ мирѣ жить съ ними? И всему ви„ною не народъ, а шляхетство. Что же дѣлать, другъ „Матвѣй Ивановичъ, самозащита есть одна изъ пер„выхъ обязанностей всякаго человѣка и гражданина".

„Извѣстія изъ Кіева также въ высшей степени воз„мутительны. Печать бездарности лежитъ, какъ ка„жется, на главномъ начальникѣ, которому ввѣренъ „край, а край богатый и кровно русскій, въ которомъ „однако польскій элементъ получилъ сильное разви„тіе. Много грустныхъ фактовъ сообщаютъ оттуда „наши калужскіе лучшіе люди, которые изъ здѣшнихъ „мировыхъ учрежденій переѣхали туда съ честнымъ „желаніемъ принести свой честный трудъ на пользу „края. Вѣроятно, и тебѣ не безызвѣстно то, что тамъ „дѣлается".

15 ноября 1864 г.

„Какъ не вспомнить дорогого именинника въ день „свѣтлый 16-го ноября, который былъ намъ свѣтлымъ „въ продолженіи многихъ и многихъ лѣтъ? По старой „памяти крѣпко обнимемся, другъ Матвѣй Ивановичъ, „и хотя тебѣ за семьдесятъ, а мнѣ подъ семьдесятъ, „но мы не престанемъ питать другъ къ другу теплое „чувство, пока сердце не остыло и еще бьется. Эти „строки, можетъ быть, дойдутъ до тебя въ самый раз„гаръ вечерняго празднества и замѣнятъ личное мое „присутствіе, которое должно бы умножить число тво„ихъ дорогихъ гостей. Не много будетъ у тебя ста„рыхъ, вѣрныхъ друзей; не много ихъ осталось, а „изъ ялуторовскихъ — мы только двое еще можемъ

„вспоминать былое доброе время. Если что-нибудь не „воспрепятствуетъ, то, вѣроятно, твой Михаилъ Ла„ріоновичъ посѣтитъ тебя, воспользуясь чугункой. Если „онъ на лицо, то спроси его объ Ольгѣ Ивановнѣ Ба„саргиной. Онъ ея довѣритель, и потому долженъ знать, „гдѣ она и что съ ней дѣлается.

„О Павлѣ Сергѣевичѣ (Бобрищевѣ-Пушкинѣ) знаю, „что Боянусъ не нашелъ еще специфическаго средства „отъ его болѣзни и напрасно пробовалъ многія сред„ства. Но теперь не знаю, что съ бѣднымъ больнымъ „дѣлается. Можетъ быть, онъ вернулся въ свое село „Коростино и оставилъ мысль о излѣченіи своего не„дуга. Вообще много грустнаго въ этомъ мірѣ, другъ „Матвѣй Ивановичъ, и отрадна вѣра въ свѣтлую бу„дущность, которая открывается намъ въ домѣ Отца „нашего небеснаго. Немногимъ мы отдалены отъ этой „свѣтлой надежды, которая можетъ скоро осуществиться, и къ которой мы должны приготовиться. На„сто и очень часто приходитъ мнѣ эта мысль среди „попеченій и заботъ житейскихъ и вливаетъ въ душу „то таинственное чувство, которое колеблется между „страхомъ и надеждой; но всесовершающая любовь „вѣчная даетъ надеждѣ ту силу, которая возноситъ „душу къ подножію Того, Кто душу свою положилъ „для искупленія нашего и насъ прiобщилъ къ своей „божественной сущности. Другъ Матвѣй Ивановичъ, „держись крѣпко за этотъ единственный якорь спасе„нія,—и свѣтла предстанетъ тебѣ жизнь во всей ея „полнотѣ и небесномъ величіи.

Затѣмъ Евгеній Петровичъ переходитъ къ своимъ семейнымъ дѣламъ, пишетъ объ общихъ съ нимъ трудахъ и успѣхахъ своихъ гимназистовъ, при этомъ вспоминаетъ добрымъ словомъ Каткова за упроченіе классицизма, о чемъ уже упомянуто нами раньше; но, по обыкновенію кончаетъ письмо жгучими политическими вопросами.

„Въ обществѣ нашемъ застой и мысли и дѣла. Ка-
„лужской губерніи приказано готовиться ко введенію
„земскихъ учрежденій, но Калужская губернія глуха
„къ возванію: первое собраніе приготовительное бы-
„ло сдѣлано, — ожидали какой-нибудь плодотворной
„мысли отъ котораго-нибудь изъ членовъ. Но у всѣхъ
„языкъ прилипъ къ гортани, и поклонившись другъ
„другу — всѣ члены разошлись, не размѣнявшись ни
„словомъ, ни дѣломъ. Не знаю, что будетъ далѣе, но-
„пока апатія полная царствуетъ, и многіе желали бы,
„для личнаго спокойствія, чтобъ старыя времена бла-
„женной безпечности возвратились. Но это невозмож-
„но, а потому всѣ молчатъ и думаютъ думу крѣпкую,
„какъ бы обойтись безъ обременительныхъ для лич-
„наго спокойствія „земскихъ учрежденій“, которыя на-
„лагаютъ на каждаго избраннаго члена большую от-
„вѣтственность. Вотъ все, что можно замѣтить въ на-
„шемъ гражданскомъ обществѣ. Ваша Тверская губер-
„нія, какъ передовая, вѣроятно, явитъ собою примѣръ
„самодѣятельности. Сообщи, что тебѣ извѣстно о тво-
„ей прославленной губерніи“.

30 декабря 1864 г.

Евгеній Петровичъ сначала извѣщаетъ о серіозной болѣзни своего старшаго сына Ивана, продолжающейся третью недѣлю. Но и семейное горе не отвлекло его вниманія отъ общественныхъ дѣлъ:

„Сейчасъ видѣлъ племянника, офицера путей сооб-
„щенія, въ нынѣшнемъ году кончившаго курсъ съ зо-
„лотой медалью, и назначеннаго для производства ра-
„ботъ по южной желѣзной дорогѣ, которую въ 1865 г.
„поведутъ отъ Серпухова на Тулу и Орелъ. Изъ но-
„ваго внутренняго займа ассигновано 10 мил.; вѣроят-
„но, прибавятъ еще столько же, если работы будутъ
„успѣшны. Вообще они разсчитываютъ стоимость каж-
„дой версты въ 60,000 руб. Слѣдовательно, на 10 мил.

„можно соорудить до 165 верстъ. Вѣроятно, въ 3 года „путь будетъ доведенъ до Кіева—и въ это же время „поспѣетъ дорога отъ Одессы до Кіева. Еслибъ это „осуществилось, то можно положительно утверждать, „что никто не перетянетъ отъ насъ ни одну изъ юго-„западныхъ губерній.

„Мы получаемъ изрѣдка вѣсти изъ Кіева; оттуда „пишутъ съ полною добросовѣстностью, что если слу-„чаи взяточничества можно встрѣтить въ великорос-„сійскихъ губерніяхъ, то беззастѣнчивость въ этомъ „отношеніи Юго-западнаго края превосходитъ всякое „вѣроятіе. Вотъ чему научилась интеллигенція края, „которая составляла его администрацію! Я писалъ „въ Варшаву и просилъ увѣдомленія о нашихъ чест-„ныхъ труженикахъ и дѣятеляхъ тулякахъ, съ которыми „успѣлъ немного познакомиться во время моихъ тул-„скихъ посѣщеній, но отвѣта еще не получалъ; и вѣ-„рю, что письмо мое могло быть истреблено какимъ „нибудь недоброжелателемъ. По оффиціальнымъ извѣ-„стіямъ всѣ наши подвизаются честно и добросовѣ-„стно, и пользуются довѣренностью народа, и неволь-„нымъ уваженіемъ шляхетскаго класса. Мнѣ хотѣлось „узнать частнымъ образомъ, насколько справедливо это „оффиціальное свѣдѣніе.

„О нашихъ калужскихъ земскихъ учрежденіяхъ мы „еще ничего не слышимъ. Но начало сдѣлано, слѣдо-„вательно, будетъ и продолженіе, и конецъ—всему дѣ-„лу вѣнецъ. Когда губернская управа войдетъ въ силу „и заявитъ свое существованіе какими нибудь полез-„ными нововведеніями; но едва начнетъ дѣйствія зем-„ство, какъ наступитъ пора дѣятельности мировыхъ „судей и всей судебной реформы. И это все будетъ „совершаться въ присутствіи нашемъ, т.-е. тѣхъ, кото-„рые давно и очень давно чувствовали всю тяжесть „того нравственнаго зла, которое лежало тяжелымъ „гнетомъ на всемъ народѣ нашемъ.

„Итакъ, да благословитъ Господь благое начало бла-
„гого дѣла, которымъ да прославится Господь, какъ
„начало и совершитель всякаго добра!—Затѣмъ обни-
„му тебя крѣпко. Твой старый другъ“

Е. Оболенскій.

13 января 1865 г.

„Вотъ наступилъ 1865 годъ, другъ Матвѣй Ивано-
„вичъ, и мы съ тобой еще не обмѣнялись дружескимъ
„привѣтомъ, какъ слѣдуетъ такимъ старымъ и преста-
„рымъ знакомымъ и товарищамъ, каковы мы съ тобой.
„А между тѣмъ время летитъ—съ нынѣшнимъ годомъ
„я вступаю въ свой 69 годъ, а ты, другъ Матвѣй Ива-
„новичъ, въ свой 72 годъ. Почтенны наши лѣта. Но
„благодареніе Богу, хотя чувствуется гнетъ долгихъ
„годовъ жизни, но они сносны и не слишкомъ тяго-
„тятъ. Не знаю, какъ ты себя чувствуешь, но я ви-
„димо ощущаю слабѣющую память, которая измѣня-
„етъ, когда коснется тѣхъ событій, которыя соверша-
„лись въ недавнее время, но не измѣняетъ въ той
„части жизни, когда мы съ тобой были еще въ цвѣ-
„тѣ лѣтъ.

„Довольно грустно проводилъ я конецъ истекшаго
„года и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ встрѣтилъ но-
„вый. Мой старшій сынокъ, Ваня, крѣпко заболѣлъ,
„какой-то странною болѣзнью, которую докторъ на-
„звалъ ревматизмомъ; но она сопровождалась сильнымъ
„жаромъ, бредомъ и даже обморокомъ; горячечное со-
„стояніе продолжалось почти двѣ недѣли и наконецъ
„перешло въ боль постоянную, которая поразила пра-
„вый бокъ и подреберную кость. Теперь осталась боль,
„которая не дозволяетъ ступить на ногу. Вотъ уже
„второй мѣсяцъ наступилъ, а болѣзнь не проходитъ.
„Терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе—вотъ къ чему прихо-
„дится прибѣгнуть. Это дѣло мое частное, которому
„подвергается каждый, живущій на землѣ. Но все ча-

„стное должно умолкнуть, когда вспомнишь о громад-
„ныхъ реформахъ, которыя уже обнародованы и долж-
„ны пересоздать Россію на новый ладъ — съ началами
„суда и правды, и самоуправленія.

„Всѣ увѣряютъ, что мы не готовы еще, чтобы всту-
„пить на это блестящее поприще. Но если спросить
„большинство рѣшающихъ такъ безотрадно нашу не-
„готовность принять хорошее, когда настанетъ это бла-
„женное время, въ которое мы окажемся достойными
„принять реформы,—то они же по совѣсти скажутъ—
„никогда, потому что при старыхъ порядкахъ при-
„вольное было житье различнымъ личностямъ, которыя
„не любятъ свѣтъ Божій и бѣгутъ отъ свѣта правды.
„Славу Богу, что эти жизненные вопросы теперь рѣ-
„шены и составляютъ эпоху въ нашей народной жизни.

„Нашъ покойный Александръ I-ый всѣмъ сердцемъ
„желалъ ввести въ жизнь все то, что нынѣ уже совер-
„шено и что совершается; но онъ не могъ преодолѣть
„той силы, которая препятствовала исполненію его бла-
„гихъ намѣреній. Слава Александру II-му за славный
„подвигъ—и да благословитъ Господь всѣ его доб-
„рыя дѣла!

„Я тебя спрашивалъ и вновь спрашиваю: какъ идутъ
„въ вашей губерніи земскія учрежденія? У насъ здѣсь
„они еще не осуществились, а потому не могу даже
„приблизительно сказать, что здѣсь выйдетъ изъ этого
„прекраснаго дѣла. Изъ Москвы также не слышно ни-
„чего, — но тамъ оно должно немедленно придти въ
„исполненіе".

30 января 1865 г.

„Давно и очень давно не бесѣдовалъ съ тобой, другъ
„Матвѣй Ивановичъ. Но въ это время скорбь посѣти-
„ла насъ: мой старшій сынокъ заболѣлъ опасно, и те-
„перь едва-едва, по милости Божіей, началъ поправ-
„ляться. Вотъ седьмая недѣля, какъ болѣзнь продол-

„жается, но полное выздоровленіе еще ожидается. Съ „этой заботой и кручиной начиналъ я новый годъ, „другъ Матвѣй Ивановичъ, но помолился и надеждой „укрѣпился. Теперь, хотя сынокъ еще не выходитъ, „но на душѣ легко, потому и бесѣда сдѣлалась легка.

„Въ твоемъ письмѣ отъ 6 января читаю не безъ „удовольствія, что и вы, тверитяне, пользовались тою „же температурой, какой и мы, т.-е. полною оттепелью „съ дождемъ и вскрытіемъ нашей Оки, которая нѣ„сколько дней оставалась вскрытой и позволяла паро„му перевозить черезъ себя; такого явленія не запомню „въ продолженіи долголѣтней моей жизни; слѣдова„тельно, вездѣ одно и то же повторилось. Но въ замѣнъ „снѣга, растаявшаго и исчезнувшаго, у насъ появились „снѣжные бураны, которые сопровождались трое су„токъ сряду и покрыли землю такимъ толстымъ сло„емъ снѣга, что образовались снѣжныя горы и ухабы, „которыхъ мы не видали и съ начала зимы. Словомъ, „у насъ вновь настала зима съ ея законными аттри„бутами.

„Съ нынѣшней почтой получилъ письмо отъ На„тальи Дмитріевны съ доброй вѣстью, какъ о возста„новленномъ ея здравіи, такъ и о началѣ улучшенія „въ состояніи болѣзненномъ нашего Павла Сергѣеви„ча. Если Господь по милосердію своему исцѣлитъ „нашего дорогого Павла, то по истинѣ совершится „чудо, за которое нельзя будетъ не порадоваться [1]).

„Ты, ближайшій сосѣдъ Москвы, вѣроятно, прокатилъ „ло Бѣлокаменной, чтобъ быть свидѣтелемъ москов„скихъ выборныхъ собраній, которыя въ нынѣшнемъ „году были такъ шумны и такъ любопытны по та„лантливымъ личностямъ, которыя выступили на об„щественную арену и, вѣроятно, заявили много дѣль„наго.

---

[1]) П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ скончался 13 февраля 1865 года.

„Мы слышали много похвалъ о сказанныхъ рѣчахъ „отъ пріѣзжихъ изъ Москвы. Я вѣрю, что наше граж- „данское образованіе подвинулось довольно сильно въ „эти годы нашего освобожденья отъ крѣпостной зави- „мости.

„Я тебя спрашивалъ о томъ, какъ идутъ дѣла „въ Тверской губерніи по земству. Но, видно, у васъ, „также какъ и у насъ, все дѣло еще въ началѣ, а на- „стоящаго собранія еще не было.

„Любопытно будетъ посмотрѣть, какъ будутъ рас- „поряжаться весьма серіозными дѣлами наши выборные, „которымъ придется завѣдывать всѣми внутренними „финансовыми дѣлами губерніи, надъ которыми многіе „и многіе чиновники, по русскому выраженію, зубы „съѣли. Сколько затѣмъ чиновниковъ остается безъ „мѣста, сколько прибавится пролетаріевъ, — страшно „подумать, если прибавить къ ихъ списку ихъ женъ „и дѣтей.

„Многіе уже заранѣе ищутъ замѣнить нынѣшнія „упраздняемыя мѣста на мѣста, болѣе прочныя. Но „рѣдкому эти попытки удаются, потому что всѣ твердо „держатся своихъ мѣстъ, уже насиженныхъ, а слѣдо- „вательно тепленькихъ. Впрочемъ, то, что мы въ шут- „ку здѣсь называемъ теплымъ мѣстечкомъ, оказывает- „ся въ дѣйствительности дѣтской игрушкой въ сравне- „ніи съ тѣмъ, что творится въ юго-западныхъ губер- „ніяхъ.

„Такимъ образомъ, другъ Матвѣй Ивановичъ, все „хорошее, нами ожидаемое, все еще впереди, а худое у „насъ на глазахъ и, какъ нарочно, выставляется нару- „жу и колетъ глаза.

„Затѣмъ прощусь съ тобой и спрошу вновь: когда „же твои дѣвицы примутъ болѣе почетное званіе рус- „скихъ гражданокъ—не малолѣтнихъ, какими онѣ нынѣ „подъ опекой твоей и Марьи Константиновны, но са- „стоятельныхъ, — подъ покровомъ гражданъ мужей? „Пора, и давно пора“.

„Всѣмъ вамъ сердечный привѣтъ приноситъ старый „другъ [1])“.

Е. Оболенскій.

Изъ воспоминаній А. П. Созоновичъ.

Е. П. Оболенскій.

„Въ противоположность Якушкину, Оболенскій радовался всякой свадьбѣ. Влюбленные молодые люди искали его ходатайства въ сватовствѣ за воспитан-

[1]) Этимъ письмомъ заключилась переписка Евгенья Петровича съ его родственникомъ и другомъ.

Мучительная тревога, въ которой онъ находился во время опасной и продолжительной болѣзни своего старшаго сына, губительно подѣйствовала на его уже слабѣющее здоровье, а затѣмъ прибавилась простуда. Послѣ говѣнья, на другой день причастія, поутру за чаемъ онъ сталъ бредить. Воспаленіе легкихъ его свернуло въ четыре дня, и на пятый онъ скончался въ Калугѣ, 26 февраля 1865 г., окруженный нѣжнымъ попеченіемъ любящей сестры, Натальи Петровны, и своей семьи, которую онъ спокойно оставлялъ подъ кровомъ этой сестры, своего безцѣннаго ангела хранителя. Наталья Петровна сейчасъ же обезпечила его вдову 10 тысячами.

У покойнаго было многочисленное потомство, но большая часть его дѣтей поумирали въ Сибири и Россіи грудными младенцами. Послѣ него осталось двое сыновей, Иванъ и Петръ, выходящихъ изъ отрочества, и калужанка, дочь Ольга, 4 лѣтъ, любимица Натальи Петровны.

Впослѣдствіи племянница замѣнила тетушкѣ Евгенья Петровича и въ хозяйствахъ домашнемъ и сельскомъ, такъ какъ Наталья Петровна послѣ его кончины прожила слишкомъ 20 лѣтъ и умерла въ глубокой старости, тоже спокойно, въ семьѣ своего брата, съ которымъ не разставалась. Вполнѣ довѣряя Ольгѣ Евгеньевнѣ, она предоставила все свое состояніе ея попеченію и усмотрѣнію.

Сыновья Евгенья Петровича окончили курсъ въ Московскомъ университетѣ, старшій по медицинскому факультету, а меньшой по юридическому. Они служили и скончались одинъ за другимъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Послѣ старшаго осталась вдова съ двумя малолѣтними сыновьями (эти внуки со своею матерью получили послѣ бабушки Натальи Петровны 15 тысячъ), а меньшой покинулъ жизнь, будучи женихомъ. (Прим. А. П. Созоновичъ.)

ницъ Муравьева-Апостола. Онъ особенно заботился о будущности этихъ дѣвицъ, выросшихъ на его глазахъ. Въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду не одно ихъ семейное счастье, но и общественное положеніе сиротъ, которыхъ Муравьевъ-Апостолъ желалъ удочерить съ правомъ на его наслѣдство, о чемъ и подавалъ прошеніе государю въ 1861 г. черезъ шефа жандармовъ князя Долгорукова. Эту оффиціальную бумагу Оболенскій составлялъ вмѣстѣ со Свистуновымъ. Кромѣ того, Евгеній Петровичъ со своей стороны хлопоталъ о нихъ черезъ своего родственника, чтеца императрицы. Но въ просьбѣ Матвѣю Ивановичу было отказано; взамѣнъ его воспитанницамъ даровалось личное почетное гражданство съ фамиліей Матвѣевыхъ. Тогда Оболенскій утѣшалъ своего друга тѣмъ „что съ философской точки зрѣнія фамилія Матвѣевыхъ ничуть ни хуже всякой другой; личное же почетное гражданство даетъ имъ положеніе наравнѣ съ прочими образованными классами. Cela leur donne une position и избавляетъ въ случаѣ замужества или другого случая заявленія своихъ правъ отъ всякаго заступничества посторонняго лица. Итакъ, другъ Матвѣй Ивановичъ, будемъ довольны и этимъ результатомъ, хотя онъ и не вполнѣ соотвѣтствуетъ твоему сердечному желанію".

Но на самомъ дѣлѣ такое рѣшеніе не удовлетворяло и Евгенья Петровича, поэтому онъ почти въ каждомъ письмѣ напоминалъ товарищу о необходимости торопиться замужествомъ Гутеньки и Аннеты.

Передъ отъѣздомъ изъ Сибири, по просьбѣ нѣкоего казачьяго офицера, весьма симпатичнаго молодого человѣка, Оболенскій старался представить Гутенькѣ счастливую съ нимъ семейную жизнь даже въ матеріальномъ отношеніи; коснувшись послѣдняго, онъ увлекся слишкомъ подробнымъ перечисленіемъ (со словъ будущей ея свекрови) всѣхъ безгрѣшныхъ до-

ходовъ казачьяго офицера, получаемыхъ съ татаръ, и этимъ совершенно испортилъ хорошее впечатлѣніе семейной картины. Дѣвушка сначала поморщилась, у ней даже навернулись слезы о предполагаемой ея участи; но потомъ она засмѣялась и крѣпко поцѣловала Евгенья Петровича за доброе намѣренье, такъ какъ онъ искренно желалъ ей счастья, а она не понимала, что званіе дочери ссыльнаго не давало ей права быть слишкомъ разборчивой, такъ какъ ея отецъ, уважаемый всѣми человѣкъ, какъ эскадронный командиръ, имѣлъ несчастье быть вынужденнымъ дать пощечину забывшемуся передъ нимъ полковому командиру, за что и попалъ въ Сибирь.

За все принимаясь своеобразно, Оболенскій однажды жаловался Матвѣю Ивановичу, что меньшой сынъ покойнаго Якушкина, Евгеній Ивановичъ, служившій въ Ярославлѣ управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ, чрезвычайно замкнутаго характера:— „молчитъ, какъ рыба, слова отъ него не добьешся. Я „думаю сыграть съ нимъ штуку и написать ему какое-„нибудь саркастическое письмо о его управленіи, т. е. „сколокъ съ управленія государственныхъ имуществъ „какой нибудь губерніи и сказать ему, что такъ отзы-„ваются о его собственномъ управленіи; тогда, будучи „задѣтъ за живое, онъ поневолѣ выскажется и зая-„витъ что нибудь живое и интересное“.

И дѣйствительно, такимъ способомъ онъ расшевелилъ Евгенья Ивановича, который писалъ Муравьеву-Апостолу, что получилъ письмо отъ Оболенскаго изъ Калуги, что оно наполнено похвалами ему, но такими, за которыя самое меньшее наказаніе и хвалителю и хвалимому—каторжныя работы. По его мнѣнію, Евгеній Петровичъ скучаетъ, хоть и не пишетъ объ этомъ:— „ему смерть хочется отвести душу разговоромъ, кото-„рый напомнилъ бы ялуторовскіе споры. Сначала онъ „мнѣ написалъ увѣщательное посланіе о томъ, какъ

„неприлично мнѣ не имѣть лошадей; это, какъ онъ „говоритъ, годится только въ иностранномъ государ- „ствѣ, а въ Россіи и при томъ православной, ходить „пѣшкомъ такому сановитому, какъ я, не слѣдуетъ— „и передъ людьми совѣстно, и передъ Богомъ грѣш- „но. Меня это взорвало ужасно. И я написалъ ему „въ отвѣтъ просто ругательное письмо. Руганье—видно „ему и напомнило Ялуторовскъ: онъ письмомъ остался „очень доволенъ, и съ тѣхъ поръ я получилъ отъ „него два письма, на которыя буду опять отвѣчать то- „же ругательствомъ. Такая переписка, какая завелась „съ нимъ у насъ—только и можетъ быть съ Евгеньемъ „Петровичемъ. Нельзя его никакъ не любить, но онъ „бываетъ иногда невыносимъ. Онъ, какъ зеркало пред- „ставляетъ все очень вѣрно,—но всегда на выворотъ. „Всѣ люди хотятъ казаться лучше, чѣмъ они есть, а „ему надо отдать полную справедливость: онъ старает- „ся изо всѣхъ силъ показаться хуже чѣмъ есть. Го- „воритъ онъ, чортъ знаетъ что такое, а дѣйствовать „начнетъ—совсѣмъ другой человѣкъ,—и какъ дай Богъ „всякому. Для меня это загадка".

Иванъ Ивановичъ Пущинъ.

И. И. Пущинъ не отличался особенной красотой, но это былъ очень видный мужчина. Его глубокіе, умные, сѣрые глаза вмѣстѣ съ привѣтливой улыбкой краснаго рта придавали много прелести его лицу, выкупая излишнюю ширину нижней части носа. По юношеской веселости своего нрава, онъ не могъ долго вести съ товарищами серьезный разговоръ или споръ; но въ обыденной болтовнѣ, особенно въ жен- скомъ кружкѣ, онъ былъ неподражаемъ, хотя для краснаго словца не щадилъ ни друга, ни отца.

Обыкновенно, начиная съ самого себя, онъ задѣвалъ всѣхъ забавно, мѣтко, безпрестанно острилъ и приво- дилъ общество въ пріятнѣйшее настроеніе духа. Онъ

очень нравился женщинамъ, и многія изъ нихъ преслѣдовали его своею любовью и брачными предложеніями. Но Иванъ Ивановичъ для послѣдняго былъ слишкомъ требователенъ: красавица безъ отпечатка хорошаго общества теряла въ его глазахъ всякую прелесть. Поэтому между сибирячками ему могли нравиться только дочери его товарищей. Тогда въ горькихъ шуткахъ онъ высказывалъ сожалѣніе, что его время ушло, что для нихъ онъ старъ, а онѣ слишкомъ молоды для того, чтобъ остановить на немъ свое вниманіе. Во всемъ тщательно избѣгая комическаго, онъ никогда не ухаживалъ за молодыми барышнями.

Старыя и молодыя вдовушки были существеннымъ несчастьемъ въ жизни Ивана Ивановича, такъ какъ онѣ смѣло и назойливо шли на приступъ, устраняя въ крайнемъ случаѣ не только необходимость брака, но и необходимость взаимныхъ чувствъ. Подобныя аттаки не всякому стоику могли быть подъ силу, тѣмъ менѣе Пущину, имѣвшему слабость къ женщинамъ и вину.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы князя Оболенскаго, одна изъ вдовъ, благодаря своей настойчивости, наградила его сыномъ, послѣ чего требовала, чтобъ онъ женился на ней. Иванъ Ивановичъ согласился исполнить ея желаніе, но съ твердымъ намѣреніемъ тотчасъ послѣ вѣнчанья пустить себѣ пулю въ лобъ. Молодая женщина, дорожа его жизнью и спокойствіемъ, предпочла немедленно уѣхать изъ Ялуторовска на свою родину въ Вост. Сибирь, къ родственникамъ, а сына Иванъ Ивановичъ взялъ къ себѣ.

Пребываніе въ домѣ Пущина двоихъ дѣтей, матери которыхъ обществу были неизвѣстны, давало поводъ къ превратнымъ предположеніямъ.

Пущинъ по собственному почину собралъ своихъ товарищей и откровенно исповѣдывался передъ ними, душою, страдая за свой поступокъ, изумительный для нихъ и не извинительный въ его собственныхъ глазахъ

никакою женскою назойливостью. Послѣ этого несчастнаго приключенія его здоровье значительно пошатнулось, и онъ сталъ выпивать лишнее.

Замѣтки А. П. Созоновичъ по поводу статьи „Государственные и политическіе преступники въ Ялуторовскѣ и Курганѣ" К. М. Голодовникова помѣщенной въ 12 № „Историческаго Вѣстника" 1888 г.

Почтенный авторъ въ своей статьѣ упоминаетъ о кратковременномъ пребываніи своемъ въ Ялуторовскѣ. Послѣ этого становится яснымъ, что при поверхностномъ знакомствѣ съ ялуторовскими декабристами многое должно было ускользнуть отъ наблюдательности слишкомъ въ то время юнаго г. Голодникова; поэтому ему пришлось въ своихъ воспоминаніяхъ о нихъ это многое пополнить собственными догадками и слухами.

Воспитавшись въ кругу ялуторовскихъ декабристовъ, я считаю своей обязанностью сдѣлать небольшія замѣтки по поводу статьи уважаемаго г. Голодникова и дополненія къ ней, такъ какъ у него нѣкоторые факты изъ ихъ жизни, отъ неправильнаго освѣщенія, лишаютъ настоящей характеристики эту маленькую колонію, выдѣлявшуюся изъ всѣхъ остальныхъ своеобразностью и считавшуюся между прочими образцовою.

Я повторяю общій отзывъ болѣе или менѣе выдающихся людей, пріѣзжавшихъ служить въ Сибирь Восточную и Западную, которые посѣщали ее по нѣскольку разъ, пользуясь тѣмъ, что Ялуторовскъ, ничтожный городишка Тобольской губерніи, находится на большой проѣзжей дорогѣ.

Напримѣръ, г. Голодниковъ, вѣроятно, слышалъ, что Александра Васильевна Ентальцева обладала какимъ-то

мужскимъ качествомъ. На этомъ основаніи онъ заключилъ, что она походила на мужчину.

Александра Васильевна добровольно послѣдовала въ Сибирь за Андреемъ Васильевичемъ Ентальцевымъ, своимъ вторымъ мужемъ, уже среднихъ лѣтъ женщиной. Въ молодости, говорятъ, она славилась красотой; о чемъ свидѣтельствовалъ миніатюрный портретъ на кости, доставшійся послѣ ея кончины единственной дочери отъ несчастнаго брака за игрокомъ, который разсчитывалъ обирать молодежь съ помощью юной, хорошенькой жены,—и ошибся. Александра Васильевна не вынесла нравственной муки и бѣжала отъ мужа, оставивъ ему малютку-дочь, послѣ чего она долго бѣдствовала, пока не познакомилась съ своимъ вторымъ мужемъ, подполковникомъ, командиромъ конно-артиллерійской 27 роты. Это была живая, умная, весьма начитанная женщина, какъ видно, много потрудившаяся надъ своимъ самообразованіемъ, и женщина самостоятельнаго характера, иногда довольно рѣзкая въ обращеніи и рѣчахъ, что ошибочно было принято г. Голодниковымъ за мужскіе пріемы, какъ и ея обыкновенный старческій голосъ, вовсе не отличавшійся мужскою грубостью. Многіе, дѣйствительно, называли ее складъ ума мужскимъ. Но въ ея внѣшности ничего не было мужского. Манерами и умѣньемъ просто и со вкусомъ одѣваться она долго считалась образцемъ въ ялуторовскомъ женскомъ обществѣ; молодыя дѣвушки пользовались ея особеннымъ расположеніемъ и добрыми совѣтами.

Многіе находили, что меня воспитывали мальчикомъ; поэтому Александра Васильевна не упускала случая замѣчать мнѣ, что съ успѣхами въ наукахъ не слѣдуетъ терять прелесть женственности.

Съ лучшими женскими достоинствами она соединяла слабость, свойственную многимъ хорошенькимъ женщинамъ, производившимъ въ свое время впечатлѣніе

на мужчинъ: Александра Васильевна, попавъ на свой пунктикъ, теряла самообладаніе, сбивалась съ толку и часто ставила себя въ смѣшное положеніе, не мирясь съ дѣйствительностью, что красота и молодость исчезаютъ съ годами, хотя, сравнительно съ другими женщинами, она пользовалась счастливою старостью, сохраняя физическую и умственную бодрость и свѣжесть. Она была милой и занимательной старушкой, обѣщавшей прожить еще многіе годы.

Ентальцевъ былъ осужденъ по VII разряду и первоначально сосланъ въ Читу, въ каторжную работу на годъ, куда Александра Васильевна и поспѣшила къ нему пріѣхать; затѣмъ ихъ поселили въ Березовъ, а спустя нѣсколько лѣтъ перевели въ Ялуторовскъ.

Въ Сибири у Андрея Васильевича явилось влеченіе къ медицинѣ. Многіе изъ его товарищей тоже лѣчили бѣдныхъ въ крайнихъ случаяхъ, когда не оказывалось подъ рукой доктора; но никто изъ нихъ (кромѣ еще П. Ѳ. Фохта въ Курганѣ) не предавался этому занятію исключительно и съ такою страстью, какъ Андрей Васильевичъ. Онъ обзавелся всевозможными лѣчебниками, постоянно рылся въ медицинскихъ книгахъ, лѣчилъ простыми, безвредными средствами, самъ приготовлялъ лѣкарства, никому не отказывалъ въ помощи, и, при извѣстномъ навыкѣ, изъ него выработался весьма полезный лѣкарь-самоучка.

Тогда въ Ялуторовскѣ не имѣлось аптеки. За лѣкарствами посылали въ Тюмень, а единственный окружный врачъ, хотя и жилъ въ городѣ, но большую часть года находился въ разъѣздахъ.

Андрей Васильевичъ и характеромъ больше соотвѣтствовалъ обязанностямъ врача, нежели воина: всегда ровный, со всѣми одинаково привѣтливый, онъ не только былъ добръ, но былъ и смиреннѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Между тѣмъ, приспособленный и привыкнувшій къ военной службѣ, онъ не переставалъ толковать о

своей конной батареѣ и утраченномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ себя почти невинно пострадавшимъ, такъ какъ не участвовалъ ни въ событіяхъ 14 декабря 1825 года въ С.-Петербургѣ, ни 3-го января 1826 года въ Кіевской губерніи подъ Бѣлой Церковью.

Въ 1838 г., по случаю проѣзда великаго князя Александра Николаевича чрезъ Тобольскъ, Тюмень и Ялуторовскъ, по распоряженію генералъ-губернатора, было приказано не допускать до него государственныхъ преступниковъ; поэтому мѣстное начальство извѣстило декабристовъ, чтобъ они сидѣли дома во время пребыванія наслѣдника, что они и выполнили въ точности.

Это предупрежденіе вывело ихъ изъ затруднительнаго положенія, потому что являться на глаза наслѣдника или избѣгать встрѣчи съ нимъ могло быть одинаково перетолковано въ дурномъ смыслѣ.

Черезъ шесть недѣль послѣ проѣзда великаго князя черезъ Ялуторовскъ желающимъ выслужиться вздумалось донести на Ентальцева, будто бы онъ хотѣлъ убить наслѣдника изъ пушки. Поводомъ къ обвиненію послужило подозрѣніе, что Андрей Васильевичъ передъ пріѣздомъ великаго князя, будто-бы, не даромъ заказалъ деревянные шары для украшенія своего забора и одновременно купилъ старые екатерининскіе лафеты Ширванскаго полка, выступившаго изъ Сибири въ 1805 году.

Изъ Тобольска предписано было нарядить слѣдствіе. У Ентальцевыхъ исковеркали въ домѣ полы, пересмотрѣли помадныя банки Александры Васильевны, отыскивая порохъ, котораго, разумѣется, не нашли.

Во время пребыванія декабристовъ въ Сибири доносы на нихъ дѣлались часто, особенно въ началѣ. Но отъ нихъ, за рѣдкими исключеніями, почти всегда страдали сами доносчики, такъ какъ слѣдствіе, вмѣсто вымышленныхъ преступленій обвиняемыхъ, открывали дѣйствительныя доносчиковъ.

Андрей Васильевичъ за нѣсколько лѣтъ до своей кончины сошелъ съ ума. Его болѣзнь сначала долго таилась, проявляясь нѣкоторыми странностями мирнаго свойства, ничего не доказывающими; но когда она рѣзко опредѣлилась возбужденнымъ состояніемъ больного, опаснымъ для него самого и окружающихъ, тогда Александра Васильевна, съ высочайшаго разрѣшенія, возила мужа лѣчиться въ Тобольскъ. Но медицина оказалась безсильна противъ недуга, поступательно разрушающаго организмъ.

Александра Васильевна возвратилась съ неизлѣчимобольнымъ мужемъ въ Ялуторовскъ.

Впослѣдствіи Андрей Васильевичъ совершенно ослабъ, впалъ въ дѣтство и нѣсколько лѣтъ пролежалъ въ постели. Тогда Александра Васильевна продала свой домъ купцу В. И. Сесенину, нанявъ себѣ у него небольшое, уютное помѣщеніе во флигелѣ.

Она устроила мужа въ лучшей комнатѣ, на солнечной сторонѣ, въ которой наблюдались безукоризненныя свѣжесть воздуха и теплота, и держала при немъ неотлучно находившуюся старушку-сидѣлку, съ любовью ухаживавшую за нимъ, какъ за безпомощнымъ младенцемъ съ самаго начала его болѣзни и до послѣдняго дня его жизни. Выборъ этой сердобольной былъ основательный: вполнѣ приличная женщина, Лукерья Ивановна Куликъ, была уроженкою Петербурга, вдовою служившаго въ ялуторовскомъ окружномъ казначействѣ присяжнаго унтеръ-офицера, поступившаго изъ казаковъ Полтавской губерніи въ 1807 г. въ Егерскій полкъ рядовымъ, раненаго въ голову и лѣвую ногу въ сраженіи противъ турецкихъ войскъ, имѣвшаго знаки прусскаго желѣзнаго креста, медали въ память 1812 г., за взятіе Парижа 1814 г. и за взятіе Базарчука крестъ св. Георгія, за безпорочную 20-лѣтнюю службу — св. Анны и три нашивки на мундирѣ.

Александра Васильевна безропотно покорялась тяжелому испытанію, до конца свято исполняя свой долгъ.— Андрей Васильевичъ скончался въ Ялуторовскѣ 27 января 1845 г.

Вдова Кулика получала, за уходъ за больнымъ, содержаніе отъ товарищей покойнаго, считая это за великую милость Божію, такъ какъ она не дождалась въ сей жизни просимаго ею пособія за значительныя заслуги своего мужа, поименованныя въ его послужномъ спискѣ.

Родная сестра покойнаго, Екатерина Васильевна Сикстель, не забывала своего ссыльнаго брата, постоянно переписывалась съ нимъ, посильно снабжала его вещами и деньгами, хотя сами Сикстель были не богаты и обременены многочисленнымъ семействомъ. Эта добрѣйшая женщина и послѣ смерти брата не переставала относиться съ такою же нѣжностью и къ Александрѣ Васильевнѣ, пережившей вмѣстѣ съ нимъ всѣ превратности судьбы. Послѣдней не довелось свидѣться съ дорогой родственницей, такъ какъ вдова Ентальцева не получила разрѣшенія возвратиться на родину до милостиваго манифеста Александра II-го отъ 26 августа 1856 г.

Между тѣмъ въ крымскую войну мужъ и сыновья Сикстель отправились въ походъ. Уже безъ того разстроенная здоровьемъ, сестра Андрея Васильевича въ это время окончательно изнемогла въ тревогѣ за свою семью и писала, что не надѣется пережить радостнаго свиданья съ нею.

Надо полагать, что предчувствіе больной сбылось, такъ какъ этимъ письмомъ закончились всѣ сношенія съ семьей Сикстель.

По возвращеніи въ Россію Александра Васильевна не выходила замужъ за П. П. Пущина (какъ утверждаетъ г. Голодниковъ), который, дѣйствительно, находилъ большое удовольствіе въ ея обществѣ и кичился

ея особеннымъ расположеніемъ къ нему и очень ей нравился. Поэтому сибиряки предполагали, что они въ Россіи женятся, чтобъ не разлучаться другъ съ другомъ.

Александра Васильевна поселилась въ Москвѣ, гдѣ и умерла въ 1858 г. одинокой вдовой Ентальцева, одинокой потому, что ея дочь воспитывалась людьми, не питавшими расположенія къ отсутствующей матери.

Басня о гибели вѣтромѣра, изобрѣтеннаго Иваномъ Дмитріевичемъ Якушкинымъ и устроеннаго на высокомъ столбѣ, во дворѣ его квартиры, отъ рукъ мѣщанъ, ночью тайкомъ пробравшихся въ этотъ дворъ,— пустая выдумка.

Жители маленькаго городишка у всѣхъ на перечетѣ. За такое самоуправство всякій побоялся бы наказанія отъ мѣстнаго начальства, такъ какъ всѣ отъ малаго до великаго видѣли и знали благосклонность къ декабристамъ высшихъ властей Сибири, служившую внушеніемъ не для однихъ мѣщанъ, но и для высшаго слоя общества, а кромѣ того, знали, что они умѣли и могли крѣпко постоять за себя.

Хотя Иванъ Дмитріевичъ въ самомъ дѣлѣ подозрѣвался въ чернокнижіи за собраніе растеній (онъ составлялъ гербарій растеній Тобольской губ.), постоянную письменную работу, за клейку различной величины глобусовъ изъ картона, чтеніе книгъ, сначала даже и за катанье на конькахъ въ отдаленной отъ города мѣстности по р. Имбирею, такъ какъ онъ, позднею порой, при лунномъ свѣтѣ, неожиданно вылеталъ стрѣлой изъ развалинъ водяной мельницы и исчезалъ изъ вида случайныхъ наблюдателей. При подобной обстановкѣ, въ высокой, почти остроконечной шапкѣ, въ коротенькой шубейкѣ, перетянутый кожанымъ ремешкомъ, весь въ черной одеждѣ, при его худобѣ, онъ

долженъ былъ казаться народу колдуномъ, стремительно летѣвшимъ на пиръ или на совѣтъ къ нечистой силѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ передъ нимъ благоговѣли за чистоту его безупречной жизни и безграничную любовь къ ближнему, благодѣтельно отражавшуюся на всѣхъ, кто бы ни встрѣчался на его пути. Его проницательный взглядъ быстро подмѣчалъ выдающіяся въ людяхъ способности; онъ не пропускалъ возможности развить ихъ, чтобъ приложить къ дѣлу, соотвѣтственному положенію человѣка, и считалъ себя счастливымъ, если ему удавалось ободрить кого-нибудь, убѣдивъ, что и у него есть доля способностей, надъ которыми стоитъ потрудиться, а не оставлять ихъ подъ спудомъ.

Когда Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ былъ переведенъ изъ Вилюйска, первоначальнаго мѣста его ссылки, въ Бухтарминскъ, то народъ точно также во время засухи обращался къ нему съ покорнѣйшею просьбой пустить имъ дождичекъ. Такъ какъ тогда не только въ Сибири, но и въ Россіи постоянное чтеніе книгъ и газетъ было диковинкой у большей части господъ, то простонародью казалось, что домашняя библіотека безполезна и необходима для однихъ колдуновъ. На ихъ просьбу Матвѣй Ивановичъ отвѣчалъ объясненіемъ нашего человѣческаго ничтожества въ сравненіи со всемогуществомъ Всевышняго, послѣ чего они убѣждались, что при всей доброжелательности къ нимъ, онъ дѣйствительно не въ состояніи помочь ихъ горю.

Весь кружекъ якуторовскихъ декабристовъ, всегда строго слѣдившій за собой, во всемъ чрезвычайно сдержанный, сплотившись въ единодушную семью, разумно гуманную и просвѣщенную, рѣзко выдѣлялся среди распущенной жизни чиновниковъ,—всѣмъ внушалъ невольное почтеніе, даже своимъ недоброжелателямъ. Поэтому никто не смѣлъ помыслить самовольно

касаться ихъ собственности, тѣмъ болѣе народъ, составившій о нихъ понятіе, какъ о раскаявшихся и вполнѣ искупившихъ добродѣтельною жизнью всѣ свои проступки, за что они и не оставлены царскимъ вниманіемъ черезъ высшее начальство, и полагалъ, что они, по возвращеніи на родину, будутъ самыми приближеннѣйшими людьми къ царю. Въ этомъ убѣжденіи бывшій кучеръ Муравьева-Апостола писалъ ему изъ Сибири: — „Когда отправитесь провожать государя Александра „Николаевича, попросите, благодѣтель, повелѣть по„ставить моего зятя на извѣстное мѣсто въ духовной „епархіи Тобольской губерніи; а буде ваша милость, „то заверните къ Батюшкѣ Царю нарочито".

Матвѣй Ивановичъ получилъ это письмо, гостивши въ Москвѣ у своего племянника М. П. Бибикова, и бесѣдуя въ эту минуту съ Н. Н. Муравьевымъ-Карскимъ, который отъ души смѣялся, восхищаясь оригинально-наивнымъ содержаніемъ письма, и черезъ своего брата Андрея Николаевича удовлетворилъ просьбу нашего бывшаго кучера.

Народъ былъ правъ, чутьемъ понимая истину: въ заграничныхъ запискахъ барона А. Е. Розена упоминается, что изъ членовъ Т. О. осуждены только 121 ч. Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, тогда какъ ими были биткомъ набиты Петропавловская крѣпость со всѣми ея казармами, куртинами, казематами, равелинами, всѣ петербургскія гауптвахты, крѣпостцы Финляндіи, Шлиссельбурга, Нарвы и Ревеля.

Списокъ всѣхъ членовъ Т. О. былъ извѣстенъ правительству. Къ ихъ нравственному достоинству относится то, что Николай I-ый призналъ полезнымъ оставить на службѣ бывшихъ членовъ Т. О., не осужденныхъ, помилованныхъ и безусловно прощенныхъ до приговора суда. Изъ нихъ онъ назначилъ троихъ министрами, четырехъ генералъ-губернаторами: въ Петербургъ, въ Ригу, Вильно и Кіевъ.

Изъ числа членовъ Т. О. онъ имѣлъ отличнаго корпуснаго командира и войскового атамана, трехъ передовыхъ дѣятелей въ турецко-персидской войнѣ, дежурнаго генерала, начальника собственной канцеляріи III-го отдѣленія. Наконецъ, самое важное въ государствѣ, воспитаніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ большинства юношей русскаго дворянства довѣрено было главному надзору бывшаго члена Т. О. Якову Ивановичу Ростовцеву. Не считаю дивизіонныхъ начальниковъ, губернаторовъ и бывшихъ членовъ Т. О., оставившихъ службу и посвятившихъ свое достояніе и досуги на пользу общую. Всѣ они служили вѣрою и правдою царю и отечеству.

Происхожденіе басни о неправдоподобномъ случаѣ съ вѣтромѣромъ Якушкина слѣдующее (сочинители забавной исторіи забывали о поротахъ съ крѣпкимъ запоромъ, о злыхъ дворняжкахъ, о неподкупной хозяйкѣ дома Федосьѣ Родіоновнѣ, пользовавшейся хорошей славой между мѣщанами которые, во всякомъ случаѣ, не могли тихомолкомъ, съ топорами и заступами, дѣйствовать на маленькомъ дворѣ квартиры Ивана Дмитріевича, да еще почти передъ самымъ его окномъ): въ Ялуторовскѣ былъ городничимъ всѣми уважаемый и любимый Дмитрій Григорьевичъ Скорняковъ настолько мягкій и безобидный человѣкъ, что за него, въ случаяхъ, требующихъ строгости, иногда распоряжалась его тщедушная жена Ольга Александровна, уроженка Березова, хорошая знакомая Ентальцевыхъ. Онъ изъ расположенія къ декабристамъ пріѣзжалъ предупредить Якушкина, что крестьяне и мѣщане винятъ его въ отводѣ дождя, и что по городу слухи носятся, будто они собираются убить его, приписывая сильную засуху ежедневному его колдовству на столбѣ; при этомъ онъ просилъ сдѣлать милость, до грѣха, срубить столбъ. Якушкинъ посмѣялся надъ такими мрачными сказками, заключивъ, что все это

вздоръ [1]), и на отрѣзъ отказалъ исполнить его просьбу, объясняя, что городничій обязанъ охранять государственныхъ преступниковъ, состоящихъ подъ его надзоромъ, и отвѣчать за жизнь каждаго изъ нихъ, а въ случаѣ несчастья—самъ рискуетъ лишиться мѣста. Слѣдовательно, онъ считаетъ себя въ безопасности, вполнѣ полагаясь на его бдительность и здравый смыслъ русскаго народа. Послѣ этого добрѣйшій Дмитрій Григорьевичъ чрезвычайно смутился, вѣроятно, сообразивъ, что у слабаго начальства отъ страха глаза велики.

Иванъ Дмитріевичъ предполагалъ, что Ольга Александровна, можетъ быть, сама вѣрила въ его колдовство на столбѣ, поэтому приплела къ мѣстнымъ толкамъ покушеніе на его жизнь, перепугала мужа, наладила отправиться къ нему и воздѣйствовать на него страхомъ.

Какъ бы то ни было, но послѣ вышеупомянутаго разговора со Скорняковымъ высокій столбъ, на вершинѣ котораго былъ утвержденъ механизмъ вѣтромѣра, не производившій ни особеннаго визга, ни скрипа, много лѣтъ спустя былъ снятъ со столба самимъ Якушкинымъ, когда его здоровье окончательно разстроилось, и онъ не въ состояніи былъ ежедневно лазить для метеорологическихъ наблюденій на столбъ, при тогдашнихъ его усиленныхъ хлопотахъ о приходскихъ школахъ и занятіяхъ въ мужской и женской, которыя были основаны имъ—первая въ 1842 г., вторая въ 1846 г., въ память скончавшейся въ этомъ году его жены. Подъ его руководствомъ и съ его участіемъ ученіе въ нихъ велось по краткимъ, но толково имъ же составленнымъ учебникамъ, и по методу Ланкастера.

Съ основаніемъ школъ всѣ остальныя занятія Ивана Дмитріевича отодвинулись на второй планъ. Ему по-

[1]) У Ивана Дмитріевича была привычка прибавлять, даже послѣ весьма серьезнаго разговора: —„Впрочемъ, все это вздоръ!“ и возражая, восклицать—„какой вздоръ!“

счастливилось завести ихъ, благодаря сочувствію протоіерея Срѣтенскаго собора Стефана Яковлевича Знаменскаго (переведеннаго изъ Тобольска въ 1840 г.), съ восторгомъ согласившагося взять на себя починъ благого дѣла, что представлялось главнымъ затрудненіемъ, а денежныя средства онъ считалъ второстепеннымъ.

Жертвуя не отъ большихъ излишковъ своими деньгами, трудами, здоровьемъ, Иванъ Дмитріевичъ увлекалъ своимъ примѣромъ не только ялуторовскихъ и тобольскихъ товарищей, но и постороннихъ. Напр., купецъ П. П. Медвѣдевъ [1]), имѣвшій близъ Ялуторовска, въ деревнѣ Конюль, стеклянный заводъ, сдѣлался самымъ крупнымъ изъ жертвователей. Такимъ образомъ, денегъ собрали въ достаточномъ количествѣ, а учителя были свои, безвозмездные: прот. Знаменскій, Якушкинъ, соборный дьячекъ Евгеній Флегонтовичъ Сѣдачевъ и пр.

Особенный успѣхъ имѣла женская школа. Въ то время она была единственной въ Тобольской губ. и чуть ли не единственной во всей Западной Сибири. Кромѣ общаго первоначальнаго образованія, дѣвочки еще учились рукодѣлію.

Наблюдать за рукодѣльнымъ классомъ вызвалась Фелисата Ефимовна Выкрестюкъ, умная и добрая женщина, жена новоприбывшаго исправника, жестокаго человѣка и взяточника, вымогавшаго деньги безразлично какъ съ богатыхъ, такъ и съ неимущихъ крестьянъ; послѣднимъ Фелисата Ефимовна, потихоньку отъ мужа, давала денегъ ему же на взятки и этимъ избавляла несчастныхъ отъ побоевъ.

Выкрестюкъ былъ тѣмъ болѣе невыносимъ для крестьянъ, что его предшественникъ Меньковичъ славился относительнымъ безкорыстіемъ.

---

[1]) Женатый на Ольгѣ Ивановнѣ Менделѣевой, сестрѣ нашего знаменитаго химика.

Фелисата Ефимовна пріобрѣтала много денегъ для школы: сбывала рукодѣлья ученицъ въ ближайшіе города и собирала по 25 руб. въ годъ за ученицу (ученіе къ обѣихъ школахъ было безплатное, но этотъ временный сборъ былъ удачно придуманъ Якушкинымъ при открытіи женской школы для ея упроченія и былъ въ ходу первые годы ея существованія) съ бездѣтныхъ и болѣе или менѣе состоятельныхъ людей, такъ какъ всякому лестно было имѣть въ этой школѣ свою стипендіатку.

Фелисата Ефимовна тоже была бездѣтна; увлекаясь занятіями и выгодами школы, она забывала на нѣкоторое время горечь своей семейной жизни и дорожила участіемъ Якушкина, которому безъ объясненій была понятна всякая семейная драма.

Изъ сочувствія къ Фелисатѣ Ефимовнѣ декабристы дѣлали исключеніе—изрѣдка посѣщали домъ отъявленнаго взяточника.

Нажившъ приличное состояніе, Выкрестюкъ уѣхалъ въ Петербургъ. Слухи носились, что тамъ, на первыхъ же порахъ, шулера обыграли его до-чиста, послѣ чего онъ съ горя умеръ, оставивъ жену съ самыми скудными средствами къ жизни.

Между тѣмъ для школы подросли доморощенныя попечительницы: старшая дочь купца Николая Яковлевича Балакшина, Анисья Николаевна, и ея меньшія сестры, учившіяся въ этой школѣ; послѣ замужества старшей, онѣ, по степенямъ возраста, одна за другой завѣдывали рукодѣльнымъ классомъ.

Въ случаѣ надобности ихъ замѣняла жена Муравьева-Апостола, часто навѣщавшая школу, чтобъ слѣдить за чулочнымъ отдѣленіемъ, а его старшая воспитанница была въ школѣ съ дѣтства постоянной помощницей Ивана Дмитріевича.

Въ Анисьѣ Николаевнѣ Якушкинъ пріобрѣлъ самую ревностную сотрудницу. Живая и впечатлительная дѣ-

вушка, вращаясь въ кругу декабристовъ, значительно осмыслилась, горячо сочувствовала трудамъ Ивана Дмитріевича; предложеніе заниматься въ его школѣ и родительское на это разрѣшеніе были счастливѣйшимъ и неожиданнѣйшимъ происшествіемъ въ ея жизни, какъ крупное вторженіе въ ихъ замкнутую среду, поглощенную только собственными мелочными интересами, а женщины, вдобавокъ, присоединяли къ нимъ и домашнія дрязги. Съ тѣхъ поръ началась для нея новая жизнь. Она сроднилась со школой. Крупное пожертвованіе, посѣщеніе тобольскаго губернатора Прокофьева и тобольскаго епископа, первые оффиціальные экзамены и затѣмъ раздача „свидѣтельствъ“ за подписью епископа дѣвицамъ, успѣшно кончившимъ курсъ,—все это, какъ доказательство нѣкоторой извѣстности школы и ея прочности въ будущемъ, заставляло ее плакать отъ избытка радости.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ея умилительныхъ заботъ по школѣ, Ивану Дмитріевичу вообразилось, что Анисья Николаевна, тяготясь обыденщиной, избираетъ цѣлью своей жизни быть преемницей и продолжительницей его трудовъ по женской школѣ, съ которой никогда не разстанется ради какого-нибудь злополучнаго замужества, тѣмъ больше, что онъ не признавалъ въ Ялуторовскѣ подходящихъ жениховъ для своего цвѣтничка (причисляя Анисью Николаевну къ воспитанницамъ своего друга Муравьева-Апостола). Это предположеніе Якушкина ввело въ заблужденіе П. Н. Свистунова и было пущено имъ въ печать за дѣйствительность въ „Руск. Архивѣ“ 1870 г., въ прибавленіи къ статьѣ „О 14 декабрѣ и декабристахъ“, и вмѣсто Анисьи Николаевны отнесено къ А. В. Бронниковой. Она, будто бы, какъ признательная школѣ ученица, отказалась отъ замужества, чтобъ не покидать школы, которою, помимо ея, некому было завѣдывать. Во-первыхъ, никто такихъ безполезныхъ жертвъ изъ ялуторовскихъ учи-

тельницъ приносить не могъ уже только потому, что большая часть изъ нихъ не была въ будущемъ достаточно обезпечена матеріально; да и обезпеченныя не имѣли нынѣшней свободы дѣйствій,—ихъ тогда выдавали замужъ, не спрашивая согласія; во-вторыхъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ школа дала Ялуторовску довольно грамотныхъ и достойныхъ дѣвицъ, изъ которыхъ всегда можно было выбрать учительницу или надзирательницу для школы, и въ тѣ времена за весьма ничтожное вознагражденіе.

Бронникова была симпатичной, но весьма обыкновенной дѣвушкой, не имѣвшей понятія объ отвлеченныхъ цѣляхъ въ жизни, тѣмъ болѣе, что ни ея родители, ни она сама не имѣли случая сближаться съ обществомъ декабристовъ, какъ, напримѣръ, семья Балакшиныхъ.

Отецъ Бронниковой вскорѣ скончался, а мать, еще въ нашу бытность въ Ялуторовскѣ, просватавъ свое единственное дѣтище за иногороднаго жениха, совсѣмъ уѣхала съ дочерью изъ Ялуторовска. Бронникова съ удовольствіемъ вспоминала время школьнаго ученья, поддерживала знакомство со школьными подругами; но ей, какъ и ея матери, никогда не приходило въ голову, даже на прощанье, выразить свое сочувствіе школѣ, хотя бы ничтожнымъ денежнымъ пожертвованіемъ; между тѣмъ онѣ были изъ состоятельныхъ и весьма порядочныхъ людей, но еще не дошедшихъ до потребности участія въ общественномъ дѣлѣ.

Сравненіе избраннаго общества съ пороками и грубостью окружающаго, несомнѣнно, наводило Анисью Николаевну на печальныя размышленія. Но сильнѣе всего ее угнеталъ необузданный характеръ бывшей красавицы-матери, смолоду слишкомъ избалованной уступчивымъ, добрымъ мужемъ, которая съ годами становилась для всѣхъ въ семьѣ невыносимой и наконецъ довела себя до непзлѣчимыхъ припадковъ, по

словамъ лучшихъ докторовъ, единственно потому, что своевременно не встрѣтила препятствія своему нраву. Енаѳа Филипповна, рожденная Минаева, была изъ рода донскихъ казаковъ; губительно дѣйствуя на здоровье своихъ дѣтей, она надѣлила ихъ всѣхъ сильнѣйшимъ нервнымъ разстройствомъ. При подобныхъ семейныхъ обстоятельствахъ, въ то время, замужество оставалось единственнымъ выходомъ, если не къ лучшему положенію, то все же къ перемѣнѣ, во всякомъ случаѣ не худшей. Поэтому Анисья Николаевна рѣшилась выдти за нѣкоего Прасолова, служившаго въ Тобольскѣ, хотя ихъ знакомство было мимолетное; даже можно сказать, что эта именно мимолетность знакомства и рѣшила ея судьбу. Женихъ былъ молодъ, недуренъ собой и добрякъ, веселаго характера.

Послѣ свадьбы, къ концу года ее безпокоили сильные приливы къ головѣ. Молодая чета разсудила послать за фельдшеромъ, чтобъ пустить изъ ноги кровь, такъ какъ одна изъ ихъ знакомыхъ испытала это средство на себѣ съ большею пользою. Но Анисья Николаевна не выдержала такого варварскаго способа лѣченія. Искусный и опытный докторъ-декабристъ, Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ, сразу опредѣлилъ состояніе больной безнадежнымъ: при беременности губительное кровопусканіе истощило организмъ, слабый отъ природы.

Короткое время своего замужества Анисья Николаевна провела спокойно и счастливо. Она не переставала съ любовью вспоминать о школѣ, интересоваться ею и надѣяться, что будетъ способствовать ея процвѣтанію деньгами, когда ея мужъ получитъ лучшее мѣсто.

Иванъ Дмитріевичъ удивлялся, огорчался и сердился, что Анисья Николаевна, отказавъ одному изъ ялуторовскихъ жениховъ, не долго думая, вышла замужъ за мало извѣстнаго ей человѣка и рѣшилась уѣхать въ Тобольскъ, навсегда покинувъ школу.

Однажды онъ сообщилъ имъ, что государь спрашивалъ его: „Справедливъ ли слухъ, дошедшій до него, „о близкихъ его отношеніяхъ къ декабристамъ?“ Когда онъ подтвердилъ справедливость слуха отвѣтомъ: — „Вашему Величеству угодно было удостоить меня сво„имъ довѣріемъ, поручивъ моему управленію цѣлый „край. Всегда имѣя въ виду высокое довѣріе Вашего „Величества, я счелъ необходимымъ сблизиться съ „этими господами, какъ съ полезнымъ и лучшимъ для „меня обществомъ въ Сибири“. Тогда Николай I-ый крѣпко пожавъ ему руку, сказалъ:—„Спасибо, ты одинъ „понялъ меня“.

Въ рукодѣльномъ классѣ Иванъ Дмитріевичъ особенно налегалъ на плетеніе кружевъ, въ увѣренности, что русскія кружева, при извѣстномъ стараніи, могутъ пріобрѣсти славу наравнѣ съ заграничными и дать хорошій заработокъ женщинамъ. Поэтому, когда старшія дѣвочки достигли изящества въ плетеніи, тогда Якушкинъ, въ доказательство достоинствъ русскихъ кружевъ, посылалъ ихъ своей племянницѣ, дочери М. Н. Муравьева (впослѣдствіи графа), которая вступила въ постоянную переписку со своимъ ссыльнымъ дядюшкой (они оба были женаты на родныхъ сестрахъ Шереметевыхъ), какъ только выучилась держать въ рукѣ перо.

Дѣти собирались въ школу, какъ на праздникъ. Протоіерея Знаменскаго они всегда нетерпѣливо ожидали и слушали съ благоговѣніемъ.

Его прекрасная наружность вполнѣ соотвѣтствовала сану священнослужителя: немного выше средняго роста, худощавый, но, при слабомъ здоровьи, онъ не имѣлъ слѣда утомленія или болѣзненнаго изнуренія постника, походка его была легкая, всѣ движенія просты и естественны, кротость и спокойствіе чистой совѣсти отра-

жались въ его черныхъ глазахъ, и одушевленіе его лица было какъ бы человѣка не отъ міра сего.

Между священниками Тобольской губ. прот. Стефанъ Яковлевичъ считался чудакомъ потому, что имѣя шестерыхъ дѣтей, жилъ добровольно въ нуждѣ, тогда какъ около раскольниковъ могъ легко нажить десятки тысячъ рублей, не мѣняя такимъ же путемъ богатѣть и прочимъ. За отступленіе отъ общаго правила, сослуживцы сначала часто подводили его подъ непріятности. Стефанъ Яковлевичъ, при кротости и твердости характера, молча переносилъ нападки, не измѣняя своихъ правилъ. Наконецъ до преосвященнаго Аѳанасія дошли слухи о настоящей причинѣ этихъ нападокъ, послѣ чего, вникая въ чистоту всѣхъ его поступковъ, онъ считалъ его безупречнымъ человѣкомъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался извѣстенъ въ Запад. Сибири своею истинно христіанскою жизнью, такъ что генералъ-губернаторъ Гасфортъ просилъ архіерея Евлампія перевести его въ г. Омскъ. . . . . .

Дочь Гасфорта была православная и пожелала его имѣть своимъ духовникомъ.

Къ огорченію ялуторовцевъ, Стефанъ Яковлевичъ былъ переведенъ въ г. Омскъ въ концѣ 1853 г. къ Воскресенскому собору. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они утѣшались мыслью, что достойнѣйшій представитель духовенства будетъ находиться на виду и радовались за него.

Тяжело было прот. Знаменскому и Якушкину разставаться другъ съ другомъ послѣ стольких лѣтъ совмѣстныхъ трудовъ, положенныхъ на зарожденіе, развитіе и процвѣтаніе ихъ школъ, для которыхъ они съ одинаковыми любовью и рвеніемъ сами составляли руководства, писали таблицы и пр. Кромѣ того, Стефанъ Яковлевичъ усложнялъ свои труды, занимаясь, сверхъ школьной программы, начатками языковъ латинскаго и греческаго съ дѣтьми изъ духовнаго званія поступавшими затѣмъ въ духовныя заведенія.

Якушкинъ тоже сверхъ школьной программы преподавалъ французскій языкъ взрослымъ дочерямъ чиновниковъ и купцевъ.

Отъѣздъ Стефана Яковлевича оставилъ ощутительную пустоту въ колоніи декабристовъ, такъ какъ онъ, по своей врожденной порядочности, дополнялъ собою ихъ кружокъ, хотя, вѣчно занятый, посѣщалъ его довольно рѣдко.

Въ Омскѣ прот. Знаменскій, по свойственному ему смиренію, не искалъ славы, но невольно возвышался надъ общимъ уровнемъ, строго исполняя свои обязанности.

Иванъ Дмитріевичъ привлекалъ дѣтей своимъ терпѣніемъ и веселостью. Онъ охотно удовлетворялъ ихъ любознательность, отвѣчая не только на всѣ вопросы, но и повторяя по нѣскольку разъ, онъ затѣвалъ для нихъ на дворѣ разнообразныя игры и, къ ихъ общей радости, самъ участвовалъ въ нихъ.

Употребленіе въ разговорѣ слова „вздоръ“ невольно заимствовалось учащимися въ обоихъ училищахъ.

Денежные вклады для существованія женской школы съ каждымъ годомъ увеличивались и наконецъ дали возможность Ивану Дмитріевичу выстроить для нея весьма приличный домъ и оставить послѣ своего отъѣзда въ Россію благоустроенной.

Механизмъ вѣтромѣра былъ заказанъ Расманову, механику-самоучкѣ, мѣщанину съ дарованіями, который безъ инструментовъ и руководителя мастерилъ часы и довольно вѣрные. Большіе стѣнные часы его работы были привезены М. Н. Муравьевымъ-Апостоломъ въ Россію въ память Ялуторовска и трудовъ его лучшаго друга Н. Д. Якушкина, открывшаго Расманова, познакомившаго его съ теоріей маятника, съ законами равновѣсія, движенія тѣлъ и т. п.

Сибирскіе часы, по желанію Матвѣя Ивановича, послѣ его кончины переданы старшему внуку Ивана Дмитріевича, В. Е. Якушкину.

Еслибъ Расмановъ не былъ семейнымъ и пожилымъ человѣкомъ, то Якушкинъ не допустилъ бы его таланту затереться въ глуши. Но онъ обогатилъ его жизнь пріобрѣтеніемъ необходимыхъ познаній въ его ремеслѣ и осчастливилъ интересными для него заказами—гальванической батареей Бунзена, гигрометромъ и пр.

Такимъ же образомъ была принесена существенная польза и купцу В. П. Сесенину, котораго надоумилъ товарищъ вмѣстѣ съ нимъ сдѣлать выгодный торговый оборотъ: ни съ того, ни съ сего объявить себя несостоятельнымъ.

Сесенинъ въ восхищеніи отъ хитрой, какъ онъ выражался, штуки, поторопился подѣлиться предстоящимъ счастьемъ съ Якушкинымъ, надѣясь получить отъ умнаго человѣка одобреніе и совѣтъ.

Сесенинъ былъ не дуракъ, не пьяница, не кутила и жилъ съ бездѣтной женой мирно, велъ свои дѣла честно и выгодно для себя, такъ что они шли въ полномъ порядкѣ. Не смотря на это, отъ непривычки думать, онъ удивился, что Иванъ Дмитріевичъ находитъ подобную наживу гнусной и опасной, и не вдругъ это понялъ. Но Якушкинъ не счелъ его негодяемъ и не полѣнился спокойно втолковать ему и представить всю низость злостнаго банкротства.

Впослѣдствіи Сесенинъ узналъ, что товарищъ, завидуя его благостоянію, хотѣлъ погубить соперника, надѣясь съ закрытіемъ его лавки расширить обороты своей.

Иванъ Дмитріевичъ пробовалъ вліять и на Мясникова, который, во время процвѣтанія своихъ винокуреннаго завода, хлѣбной торговли и водяныхъ мельницъ, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Ялуторовскѣ хотя хлѣбосольно, но для милліонера довольно скромно.

Елена Филипповна передавала женамъ декабристовъ подъ большимъ секретомъ, что Никита Ѳеодоровичъ спитъ на сундукѣ, наполненномъ деньгами, между тѣмъ

приказываетъ стлать себѣ постель, ежедневно мѣняя комнату, и утромъ приготовленная ему постель всегда оказывается не въ той комнатѣ, въ которой ее стлали. Поэтому никто въ домѣ никто не можетъ знать, въ которой изъ комнатъ онъ дѣйствительно ночуетъ.

Для своего домашняго обихода Мясниковъ завелъ у себя холмогорскій и голландскій скотъ и хвастался передъ всѣми, что подобнаго нѣтъ въ Сибири ни у кого. Желая одинъ обладать такою рѣдкостью, онъ приказывалъ уничтожать лишній для него приплодъ, угрожая служителямъ за ослушаніе тѣлеснымъ наказаніемъ и лишеніемъ мѣста.

Якушкинъ тщетно старался направить его стремленіе къ ложной славѣ на истинную:

— „Такая слава ничтожна," говоритъ онъ, „и пре„кратится съ вашею жизнью; не лучше ли, Никита „Ѳедоровичъ, навсегда увѣковѣчить свое имя? Какъ вамъ „нравится, напримѣръ, посмертная слава? чтобъ, зна„читъ, внуки, правнуки и дальнѣйшее потомство сибі„ряковъ благословляли васъ за распространеніе луч„шаго скота во всей ихъ обширной странѣ".—Мясни„ковъ расхохотался.—„Экой вы, право, чудной, Иванъ „Дмитріевичъ! Съ вами животики надорвешь отъ смѣ„ха. А про колоколъ, тотвоно [1]), запятовали? Ну, на ка„кого мнѣ, прости Господи, черта нужна послѣ смерти „слава? Я колоколъ вылью, да еще не одинъ. Это, тот„воно, для души много пользительнѣе будетъ. Сколько „людей перекрестится при всякомъ благовѣстѣ! И все „это, значитъ, мнѣ, грѣшному, на томъ свѣтѣ въ об„легченіе будетъ".

— „Одно другому не мѣшаетъ, Никита Ѳеодоровичъ. „И за разведеніе холмогорскихъ и голландскихъ коровъ „многіе за васъ помолятся. Развѣ вы счастливѣе оттого, „что только у васъ одного есть породистый скотъ?

[1]) Вотъ что или то оно.

„Нѣтъ, вы должны согласиться, что добрая посмерт-„ная слава будетъ много лучше пустой временной".

— „Счастливѣе я, или не счастливѣе, Иванъ Дмитріе-„вичъ, но мнѣ все-таки лестно противъ другихъ. А „что мнѣ посмертная слава? Эка выдумка!... посмерт-„ная... что?" При этомъ онъ употребилъ не благоу-„хванное слово, имѣя привычку безпрестанно вставлять „его въ разговорѣ поочередно съ „тотвоно", и залился „смѣхомъ.

Послѣ припадка неподдѣльной веселости Мясниковъ просилъ это дѣло оставить, такъ какъ онъ человѣкъ простой, и обратился къ Муравьеву-Апостолу.

— „Я знаю, Матвѣй Ивановичъ, что вы щеголь, и „покажу вамъ, тотвоно, вещичку,—изъ Петербурга при-„везъ. И до чего только нынче люди доходятъ своимъ „умомъ!"

Онъ отвелъ его въ сторону, чтобъ снять съ себя резиновую подвязку, и показывалъ ее съ дѣтскою радостью за удивительное изобрѣтеніе человѣческаго разума. Матвѣй Ивановичъ похвалилъ вещичку, не нарушая его восторга отъ пріобрѣтенія диковинки.

Сравнительно съ своимъ богатствомъ, Мясниковъ скудно вознаграждалъ труды Балакшина, хотя очень благоволилъ къ нему и отзывался, какъ о честнѣйшемъ человѣкѣ, которому вполнѣ довѣрялъ. Но, по своему умозрѣнію, онъ считалъ глупостью не извлекать выгоды для своего кармана, когда попадется совѣстливый ротозѣй, не умѣющій ни подольщаться къ хозяину, ни выпрашивать награды въ благопріятныя для того минуты.

Однажды Никита Ѳеодоровичъ, подъ вліяніемъ крупной прибыли, вздумалъ расщедриться: разшутившись съ дѣтьми Балакшина, онъ приказалъ принести холщевый мѣшокъ и, взявъ въ одну руку мелкую серебряную монету, а въ другую мѣдную, обѣщалъ меньшой дѣвочкѣ подарить полный мѣшокъ денегъ по ея выбору. Малютка предпочла новенькія, крупныя мѣд-

ныя монеты. Мясниковъ исполнилъ обѣщанное и хохоталъ до упаду надъ тѣмъ, что Лизочка не знаетъ толка въ деньгахъ.

Ялуторовскій домъ Мясникова былъ только домомъ зажиточнаго человѣка. Но въ Красноярскѣ онъ завелся дворцомъ (теперь онъ подъ больницей) и окружилъ себя царскою роскошью, которою ему не довелось достаточно насладиться, такъ какъ онъ умеръ въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Никита Ѳеодоровичъ, какъ уже мною было упомянуто, былъ сыномъ милліонера Ѳедора Борис. Мясникова, милліоны котораго, послѣ его кончины, довели нѣкоторыхъ изъ родственниковъ, въ препирательствахъ между собой, до уголовныхъ преступленій. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ этотъ процессъ изъ-за его наслѣдства надѣлалъ много шуму въ Петербургѣ и упрочился въ памяти юристовъ.

Балакшинъ служилъ Никитѣ Ѳеодоровичу 35 лѣтъ и даже имѣлъ съ нимъ сообща Колчеданскія горы, участвуя въ прибыляхъ и убыткахъ пріисковъ. Но послѣ смерти Мясникова наслѣдники не признали правъ Балакшина на долю въ этихъ пріискахъ, такъ какъ покойный не потрудился совершить условія съ Балакшинымъ по всѣмъ правиламъ закона; такимъ образомъ, вмѣсто награды онъ причинилъ ему, обремененному многочисленнымъ семействомъ, значительный ущербъ.

Предки Балакшина были татары. Дѣдъ и отецъ Николая Яковлевича жили въ деревнѣ и занимались торговлей, а когда основался городъ Ялуторовскъ, тогда они переѣхали въ городъ.

Старики Балакшины и старшіе ихъ дѣти давно умерли, а изъ младшихъ членовъ семьи теперь никто не живетъ въ Ялуторовскѣ. Всѣ они болѣзненны, но не смотря на это ведутъ трудовую жизнь.

Иванъ Дмитріевичъ получалъ достаточно посылокъ и денегъ, почему могъ жить въ Ялуторовскѣ, при

тогдашней дешевизнѣ, ни въ чемъ себѣ не отказывая. Но, сторонникъ суровой жизни, онъ былъ ея живымъ примѣромъ и совѣтовалъ подростающему поколѣнію, въ видахъ своей независимости, всегда довольствоваться только крайне необходимымъ, не лишая себя извѣстныхъ удобствъ, въ которыхъ нуждается всякій образованный человѣкъ.

Якушкинъ нанималъ у Родіоновны верхній этажъ ея маленькаго деревяннаго домика въ двѣ комнаты. Первая комната была довольно просторна, въ два окна, выходящія на улицу, и третье налѣво отъ выходной двери, въ лѣвой стѣнѣ, шло во дворъ; изъ него видѣнъ былъ столбъ съ устроеннымъ на вершинѣ его вѣтромѣромъ. У задней стѣны, направо отъ входной двери, стояла большая старинная печь, за ней вторая дверь вела въ маленькую спальню съ однимъ окномъ, выходившимъ на противоположную часть двора. Правая стѣна большой комнаты была глухая. Входная дверь шла въ темныя, холодныя сѣни, изъ нихъ другая, низенькая, вела на небольшую продолговатую площадку, къ концу которой примыкала, прилегая къ стѣнѣ, узкая, почти отвѣсная, деревянная лѣстница, спускающаяся въ сѣни нижняго этажа, имѣвшія общій выходъ во дворъ. Въ первой комнатѣ, между двумя окнами, стоялъ письменный столъ на двухъ шкафикахъ, вольтеровское кресло съ круглой ножной подушкой, два складныхъ стула, этажерка, маленькій диванчикъ, по обѣимъ сторонамъ комнаты двѣ большія песочницы и въ обѣихъ комнатахъ по стѣнной вѣшалкѣ. Въ спальнѣ находились: узенькая кровать, столъ, табуретъ и шкафъ. Вся мебель была выкрашена черной краской подъ лакъ и обтянута, какъ и стѣны, темно-сѣрымъ коленкоромъ. Въ первой комнатѣ стѣны оживлялись замѣчательной работы копіей Мадонны съ оригинала одного изъ великихъ художниковъ, портретами семейными, товарищей, протоіерея при Казанскомъ С.-Петерб. соборѣ

П. Н. Мысловскаго и магнитомъ, висѣвшимъ въ видѣ подковы; этажерка украшалась гипсовымъ, въ естественную величину, бюстомъ замужней сестры Ивана Дмитріевича.

Родіоновна, какъ и большая часть сибирячекъ, обладала проворствомъ, чистоплотностью и поваренымъ искусствомъ; поэтому онъ имѣлъ дома здоровый и вкусный обѣдъ, и квартира его, свѣтлая и теплая, всегда щеголяла необыкновенною опрятностью.

Въ одеждѣ Якушкина соблюдалась тоже строгая простота: онъ носилъ неизмѣннаго покроя черный казакинъ зимой, а лѣтомъ сѣрый изъ хорошей, прочной ткани съ ослѣпительно бѣлыми отложнымъ воротничкомъ или пробивающимся кантомъ изъ-подъ широкаго чернаго галстуха, и нарукавниками, и часы на черномуаровой тесемкѣ; дома, смотря по погодѣ, онъ надѣвалъ куртку или ваточный халатъ съ вышитыми туфлями.

Отсутствіе неряшества и общая гармонія придавали праздничный видъ и свѣжесть квартирѣ, одеждѣ и хозяину, или лучше сказать, что его свойства отражались на всемъ его окружающемъ.

Онъ смѣялся надъ непостоянствомъ и часто безсмысленностію моды, надѣясь, что со временемъ люди будутъ одѣваться сообразно климату, сложенію и образу жизни, имѣя прежде всего въ виду сохраненіе здоровья, что не можетъ помѣшать красотѣ покроя одежды. Самъ любя красоту во всемъ, во имя ея и жалѣя дѣвочекъ-подростковъ, онъ съ жаромъ доказывалъ барышнямъ и ихъ маменькамъ вредъ и безобразіе неестественно удлинять свои таліи, перетягивая самыя важные органы въ ущербъ здоровью, а слѣдовательно и красотѣ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ показывалъ имъ очерки изящныхъ формъ Венеры Медицейской.

По его настоянію, воспитанницы Муравьева-Апостола, пока росли и развивались физически, до тѣхъ поръ

не носили корсетовъ, а одѣвались въ просторные капоты съ свободно застегнутыми кожаными поясами; хотя на это не было одобренія милой щеголихи Алек. Васил. Ентальцевой.

Ив. Дм. Якушкинъ родился 28 декабря 1796 г. болѣзненнымъ ребенкомъ, до 9 лѣтъ страдалъ тяжестью въ головѣ, несообразительностью и вялостью. Родители отчаявались въ его умственныхъ способностяхъ. Но къ 10-ти годамъ онъ окрѣпъ, сталъ постепенно развиваться физически и умственно, началъ учиться съ увлеченіемъ взрослаго человѣка, оказывая недюжинныя способности и необыкновенную живость характера. Поступивъ въ московскій университетъ, онъ жилъ у профессора Мерзлякова, котораго всегда вспоминалъ съ любовію и уваженіемъ. Въ 1811 г. онъ былъ опредѣленъ на службу и зачисленъ подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, гдѣ немедленно сошелся и навсегда сдружился съ М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, участвовалъ съ нимъ въ походахъ 1812, 13 и 14 годовъ. Подъ Бородинomъ они вмѣстѣ стояли подъ знаменемъ 3-го батальона Семеновскаго полка. По полнотѣ, цвѣтущему здоровью и выносливости походной жизни, Якушкина прозвали въ полку „бычкомъ“. Но его черные, густые волосы, сохранившіеся до конца его жизни, къ 22 годамъ уже серебрились замѣтной сѣдиной.

Въ 1816 году въ Петерб. военная молодежь находилась въ напряженномъ состояніи духа. Она волновалась, осязательно убѣждаясь, что прежде любимый ею Александръ I-ый, обѣщавшій въ своемъ манифестѣ идти по стопамъ своей знаменитой бабки, относится къ русскому народу съ каждымъ годомъ съ большимъ и большимъ пренебреженіемъ, непонятно усилившимся послѣ побѣдъ 1812 года, и, какъ бы въ подражаніе отцу, отступаетъ отъ народной политики, что и вызвало возникновеніе Тайнаго Союза, мирное существованіе котораго значительно смягчало тогдашніе нравы.

Въ этомъ же году носились слухи о предстоящей войнѣ съ Турціей. Поэтому Иванъ Дмитріевичъ подалъ прошеніе о своемъ переводѣ въ 37-й егерскій полкъ, обрадовавшись серьезной причинѣ, чтобъ выйти изъ гвардіи. Тѣмъ временемъ онъ, князь Сер. Петр. Трубецкой, Мат. Иван. и Сер. Иван. Муравьевы-Апостолъ жили въ казармахъ. У послѣднихъ онъ часто встрѣчался съ ихъ трюродными братьями Муравьевыми: Александромъ, Михаиломъ, Николаемъ Николаевичами и Никитой Михайловичемъ. Послѣ одной изъ обыкновенныхъ бесѣдъ о положеніи Россіи, Александръ Николаевичъ предложилъ Якушкину и обоимъ братьямъ Муравьевымъ-Апостолъ составить Тайное Общество, цѣлью котораго будетъ въ обширномъ смыслѣ забота о благѣ Россіи, прибавляя, что онъ съ Никитой Михайловичемъ и княземъ Трубецкимъ уже рѣшили основать это Общество.

Послѣ общаго согласенія положено было выработать уставъ для общества и условлено принимать новыхъ членовъ не иначе, какъ по тщательной провѣркѣ и съ общаго совѣта его основателей.

Вступивъ въ Т. О., Иванъ Дмитріевичъ вскорѣ уѣхалъ изъ Петербурга, въ 37-й егерскій полкъ. Узнавъ отъ полковаго командира Михаила Александровича Фонвизина, что полкъ будетъ расформированъ и въ началѣ 1817 года въ кадрахъ отправится въ Москву, намѣреваясь въ сентябрѣ подать въ отставку, онъ поэтому, по совѣту полковаго командира, не принялъ роты.

Въ концѣ 1817 года, по случаю переѣзда всей царской семьи на 10 мѣсяцевъ въ Москву, туда заранѣе прибылъ отдѣльный гвардейскій корпусъ. Тогда Иванъ Дмитріевичъ свидѣлся со всѣми своими товарищами.

Со времени его отсутствія Т. О. чрезвычайно разрослось, хотя изъ прежнихъ членовъ многіе отдалились отъ него, и изъ первыхъ братья Муравьевы—Александръ, Михаилъ и Николай Николаевичи. Безпокойство въ Обществѣ съ каждымъ днемъ увеличивалось, такъ какъ

Александръ I-ый уже приступилъ къ осуществленію взлелѣяннаго имъ проекта военныхъ поселеній, преслѣдовалъ героевъ Отечественной войны и нянчился съ Польшей, стараясь возвысить ее надъ Россіей. Самые невѣроятные слухи, при неутѣшительной дѣйствительности, принимались молодежью на вѣру, доводя ее до изступленія. Такими путями отголоски французской революціи не замедлили воздѣйствовать на большую часть членовъ Т. О., которое, вопреки сдерживающему вліянію благоразумныхъ людей, значительно отклонялось отъ своего первоначальнаго направленія и безъ осмотрительности увеличивалось новыми членами.

Иванъ Дмитріевичъ, всецѣло отдавшись дѣлу этого Общества, испыталъ на самомъ себѣ, до какой пагубной[1]) крайности, при новомъ его настроеніи, способенъ дойти человѣкъ, одушевленный даже самыми высокими побужденіями; поэтому въ 1818 году онъ отказался отъ участія въ Т. О.; но, будучи коротко знакомъ съ его главными членами, не прерывалъ съ ними прежнихъ дружескихъ сношеній и невольно втягивался въ него.

Въ 1819 году Якушкинъ вышелъ въ отставку капитаномъ. По просьбѣ своихъ крестьянъ, онъ поселился въ своемъ имѣніи Жуковѣ, Смоленской губ., и занялся улучшеніемъ ихъ быта: уменьшилъ на половину господскую запашку, уничтожилъ многіе тягостные для крестьянъ и безполезные для помѣщиковъ поборы. Онъ выбралъ изъ крестьянскихъ дѣтей 12 способнѣйшихъ мальчиковъ и самъ училъ ихъ грамотѣ, намѣреваясь затѣмъ помѣстить ихъ въ Москвѣ въ ученіе въ различныя мастерскія, не для своей, а ради ихъ собственной выгоды; имѣя въ виду неплодородіе почвы Смоленской губ., онъ разсчитывалъ, что знаніе ремеслъ

---

1) Возникновеніе въ обществѣ мысли о цареубійствѣ, по милости слуховъ, что Александръ I-ый, отступая отъ народной политики, намѣренъ увеличить Польшу въ ущербъ Россіи.

послужитъ имъ подспорьемъ при скудныхъ земледѣльческихъ заработкахъ.

По своимъ тогдашнимъ понятіямъ, онъ собирался освободить своихъ крестьянъ безъ земли, отдавая имъ безвозмездно въ полное владѣніе ихъ дома, скотъ и все ихъ имущество съ правомъ нанимать у него землю или обрабатывать ему за извѣстное вознагражденіе; при этомъ усадьбы и выгоны въ томъ видѣ, какъ они находились, оставались принадлежностью тѣхъ же деревень. Крестьяне, внимательно выслушавъ его, отказались отъ безземельной свободы. Впослѣдствіи, находясь въ Сибири, онъ съ восхищеніемъ вспоминалъ объ этомъ, какъ о доказательствѣ здраваго смысла русскаго народа. Но тогда онъ смотрѣлъ иначе и, желая на дѣлѣ пріучить своихъ крестьянъ къ подобнаго рода свободѣ, въ 1820 году сильно хлопоталъ въ Петербургѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ объ ихъ освобожденіи, но хлопоты кончились ничѣмъ.

Въ это время въ Петербургѣ вообще уже много толковали о крѣпостномъ состояніи; даже въ Государственномъ Совѣтѣ разсуждали о непристойности у насъ продажи людей. Между прочимъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ онъ узналъ, что съ 1805 года освобождено крестьянъ, по учрежденіи вольныхъ хлѣбопашцевъ, всего 30000 человѣкъ, въ томъ числѣ 20000 принадлежавшихъ князю Голицыну, извѣстному въ Москвѣ моту, крестьяне котораго откупились, заплативъ его долги. Незначительное число освободившихся крестьянъ въ продолженіи 15 лѣтъ служило доказательствомъ, что на существовавшее учрежденіе вольныхъ хлѣбопашцевъ нельзя разсчитывать, какъ на средство для уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи.

Въ деревнѣ Иванъ Дмитріевичъ велъ суровую жизнь довольствовался для личныхъ услугъ однимъ человѣкомъ; каждый крестьянинъ во всякое время имѣлъ къ нему доступъ; желая привести въ извѣстность все свое имѣ-

ніе, онъ самъ ежедневно ходилъ на съемки со своими деревенскими учениками, смѣняя физическую работу на умственную.

На женщину онъ смотрѣлъ съ идеальной точки зрѣнія; поэтому для него немыслимы были обычныя для молодыхъ людей связи до женитьбы.

Въ ранней молодости онъ нѣсколько лѣтъ былъ влюбленъ въ княжну Нат. Дмитр. Щербатову и считалъ эти годы блаженной муки возвышеннѣйшимъ счастьемъ въ своей жизни. Собираясь на ней жениться, онъ никогда не имѣлъ мужества сдѣлать предложеніе. Наконецъ рѣшившись просить ея руки у князя, онъ не засталъ его дома. Тогда, глубоко взволнованный, въ сотый разъ откладывая сватовство, онъ уѣхалъ въ свою деревню и возвратился въ Москву только черезъ годъ. Между тѣмъ въ его отсутствіе княжна вышла замужъ за князя Шаховского.

Тетка Мих. Ник. Муравьева, Надежда Николаевна Шереметева, рожденная Тютчева, между товарищами своего зятя давно отличала особеннымъ вниманіемъ Якушкина; послѣдній и самъ любилъ бесѣдовать съ умной, добрѣйшей и набожной старушкой, восторгавшейся своеобразнымъ складомъ его ума, характера и образа жизни, проникнутыхъ идеальнымъ душевнымъ благородствомъ. По общему отзыву, и Шереметева[1]) выдавалась изъ ряда обыденныхъ женщинъ своего круга. Поэтому не мудрено, что между ними завязалась дружба, въ силу которой она сама предложила ему жениться на ея 16-лѣтней дочери, замѣчательной красивицѣ, которой нельзя было не увлечься.

Свадьба состоялась въ концѣ 1822 года, по настоятельному требованію Ивана Дмитріевича, безъ малѣйшихъ приготовленій, даже безъ новыхъ платьевъ,

---

1) Впослѣдствіи Н. В. Гоголь считалъ ее своею духовною матерью.

словомъ, безъ обычной суеты съ приданымъ и обоюдными подарками, довольствуясь только тѣмъ, что въ данную минуту имѣлось у невѣсты и жениха. Поэтому въ свадебное и вмѣстѣ съ тѣмъ прощальное посѣщеніе родныхъ и близкихъ знакомыхъ молодая вынуждена была надѣть свое коротенькое платье дѣвочки-подростка.

Весь 1823 годъ молодые провели уединенно въ подмосковномъ имѣніи Н. Н. Шереметевой, а затѣмъ годы 1824 и 1825 они прожили въ Жуковѣ.

Иванъ Дмитріевичъ усердно занимался сельскимъ хозяйствомъ. Часть его полей уже обрабатывалась наемными людьми. Онъ надѣялся, что съ улучшеніемъ состоянія крестьянъ, они скоро найдутъ возможность платить ему оброкъ, часть котораго ежегодно учитывалась бы на покупку земли, которою они пользовались, и что со временемъ они, совершенно освободясь, пріобрѣтутъ въ собственность необходимую для нихъ землю.

Въ концѣ 1825 года, во время поѣздки съ семействомъ въ Москву, на дорогѣ его смутило неожиданное извѣстіе о кончинѣ Александра I-го, смутило болѣе, нежели онъ могъ себѣ представить. Вопреки сознанія, что послѣдніе годы его царствованія были несчастными для Россіи, онъ невольно вспоминалъ, что за покойнымъ было прошедшее, что по вступленіи на престолъ, въ продолженіи 12 лѣтъ, усиліями императора Россія была двинута впередъ по всѣмъ частямъ, тогда какъ никто изъ великихъ князей не заслужилъ къ себѣ общаго расположенія, и менѣе всѣхъ имъ пользовался цесаревичъ Константинъ Павловичъ, отличившійся необузданностью характера.

10 января 1826 года, за вечернимъ чаемъ, въ кругу своей семьи, Якушкинъ былъ арестованъ; простившись съ женой, сыномъ и тещей, онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ, послѣ допросовъ генерала Левашева и новаго

императора, закованъ и посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости.

Здѣсь онъ познакомился и сблизился съ протоіереемъ Казанскаго собора Петромъ Николаевичемъ Мысловскимъ, ежедневно навѣщавшимъ узниковъ. Онъ приносилъ имъ извѣстія отъ родныхъ, впослѣдствіи сопровождалъ на казнь его товарищей и съ многими ссыльными изъ нихъ велъ переписку.

Въ первыхъ числахъ февраля плацъ-адъютантъ Трусовъ принесъ Ивану Дмитріевичу письмо отъ жены, извѣщавшей его о благополучномъ рожденіи второго сына и о своемъ здоровьи, послѣ чего онъ, успокоенный относительно своей семьи, считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. ✻ Въ порывѣ радости онъ готовъ былъ письменно благодарить царя за присланное письмо. Но въ эту минуту офицера не было въ равелинѣ, и поэтому его намѣреніе осталось не выполненнымъ.

Передъ пасхой кандалы были съ него сняты. ✻ Во время суда ему дозволены были свиданья съ тещей, женой и дѣтьми. Послѣ 6-мѣсячнаго заключенія, по приговору верх. угол. суда, Якушкинъ, какъ всѣ по 1-му разряду, былъ приговоренъ къ отсѣченію головы. Но послѣ казни пятерыхъ (повѣшенныхъ,) онъ былъ съ прочими переведенъ въ крѣпость, а 5 августа отправленъ въ Финляндію съ М. П. Муравьевымъ-Апостоломъ, А. Бестужевымъ (Марлинскимъ), Арбузовымъ и Тютчевымъ въ Роченсальмъ; оттуда ихъ немедленно отправили въ катерѣ въ крѣпость Фортъ-Слава.

Путешествіе изъ Петербурга для узниковъ казалось пріятной прогулкой: они наслаждались чистымъ воздухомъ и общей между собой бесѣдой. На станціи Парголово ихъ встрѣтили семья Якушкина, сестра М. П. Муравьева-Апостола, Ек. Пв. Бибикова, его тетка, Ек. Осип. Муравьева, протоіерей Мысловскій и П. А. Фонвизинъ.

Между Якушкиными было рѣшено, что его жена, Анастасья Васильевна, съ дѣтьми послѣдуетъ за нимъ въ Сибирь, а теща обѣщалась сопровождать ихъ до мѣста его назначенія.

Крѣпость, построенная фельдмаршаломъ Суворовымъ, была запущена, сыра; ихъ стражъ и непосредственное начальство, гарнизонный артиллерійскій поручикъ, выслужившій изъ солдатъ, не злой, но неосмысленный человѣкъ, хотя обращался съ ними неровно, но большею частью не стѣснялъ ихъ и собиралъ вмѣстѣ, но, соблюдая свои выгоды, кормилъ ихъ гнилью; къ тому же и вода въ колодцѣ была плохая, а покупаемый въ Роченсальмѣ хлѣбъ былъ почти всегда недопеченъ. Вслѣдствіи этого у Муравьева-Апостола, Бестужева и Арбузова завелись солитеры. Тютчевъ и Якушкинъ хотя не подвергались этой болѣзни, но въ общемъ ихъ здоровье все-таки пострадало.

Послѣ подобныхъ испытаній Якушкина не покидала лихорадка, и, разъ похудѣвши, онъ уже не поправлялся и при лучшемъ образѣ жизни, хорошей пищѣ и его замѣчательномъ аппетитѣ.

Изъ Фортъ-Славы увезли въ октябрѣ сначала Бестужева, а затѣмъ и Муравьева-Апостола; ихъ избавили отъ каторжной работы и отправили на поселеніе въ В. Сибирь. Якушкина увезли съ остальными въ концѣ ноября, въ Роченсальмѣ заковали и отправили тоже въ В. Сибирь, но въ каторжную работу. —

Въ Ярославѣ ему было дозволено свиданіе съ семействомъ. Но радость свиданья омрачилась неожиданной для него новостью: не успѣвшимъ немедленно воспользоваться первымъ позволеніемъ, тещѣ было вскорѣ отказано провожать дочь въ Сибирь, а женѣ его, желавшей слѣдовать за нимъ, какъ и прочимъ, не разрѣшено брать съ собой дѣтей.

Послѣ нѣкоторой борьбы, считая преступленіемъ лишать своихъ малютокъ нѣжныхъ материнскихъ ласкъ

и попеченій, Якушкинъ рѣшился уговаривать жену оставаться при дѣтяхъ, которая долго сопротивлялась его просьбамъ; наконецъ, она вынуждена была согласиться и дать ему слово, что она ни въ какомъ случаѣ ихъ не покинетъ. Послѣ такой тяжкой жертвы, по его словамъ, хотя онъ чувствовалъ нравственное облегченіе но, навсегда разставаясь съ юной, любящей женой и дѣтьми, онъ, при всей твердости своего характера, простившись съ ними, долго плакалъ, какъ безпомощное дитя.

Впослѣдствіи Анастасья Васильевна нѣсколько разъ писала ему, что не чувствуетъ въ себѣ способностей быть полезной своимъ дѣтямъ и настаивала на позволеніи пріѣхать къ нему. Но Якушкинъ былъ твердъ въ своемъ первоначальномъ рѣшеніи, такъ какъ, забывая себя, онъ имѣлъ еще въ виду тяжкую разлуку съ дочерью многоуважаемой имъ тещи и этимъ какъ бы предоставлялъ ея волѣ поѣздку своей жены въ Сибирь.

Говорили, что Надежда Николаевна сначала довольно продолжительно всячески задерживала при себѣ дочь, а затѣмъ ея положеніе при матери съ теченіемъ времени упрочилось само собой.

22-го ноября въ Иркутскѣ Иванъ Дмитріевичъ засталъ Муравьева-Апостола и А. Бестужева. Они были на свободѣ, и ихъ отправляли за Байкалъ: перваго въ Вилюйскъ, второго въ Якутскъ.

Наканунѣ Рождества Якушкинъ прибылъ съ товарищами въ Читу. Здѣсь въ острогѣ, бывшемъ этапѣ для проходящихъ партій ссыльныхъ въ каторгу, въ концѣ зимы сосредоточили всѣхъ присужденныхъ къ работѣ, присоединивъ къ нимъ и 8 человѣкъ, которые послѣ приговора тотчасъ же были отправлены въ Нерчинскіе заводы.

Въ острогѣ дѣлали наскоро поправки и новыя постройки; несмотря на это, помѣщеніе все-таки было довольно тѣсное и плохое. Но въ это время для нихъ

уже строили въ Петровскомъ чугунномъ заводѣ, за 600 верстъ отъ Читы, большой тюремный замокъ. Впрочемъ, при всѣхъ неудобствахъ, подъ надзоромъ стараго коменданта, генералъ-маіора Станислава Романовича Лепарскаго, поляка образованнаго, умнаго и добраго, узникамъ жилось сравнительно хорошо. Ихъ работа была посильная и не принудительная.

Лепарскій, при твердости своего характера и практичности, умѣлъ выполнять строгія предписанія отъ комитета со свойственнымъ ему человѣколюбіемъ и впослѣдствіи успѣшно ходатайствовалъ о ихъ смягченіи.

Правительство вполнѣ довѣряло ему, какъ человѣку съ яснымъ, положительнымъ умомъ, всецѣло преданному русскому царю и отечеству, которое считалось въ ихъ семьѣ общимъ съ Польшею, нераздѣльною отъ Россіи. Отецъ Лепарскаго запечатлѣлъ свою преданность Россіи своею кровью: онъ былъ убитъ поляками въ 1831 г.

Внутренняя жизнь въ казематахъ велась безъ стѣсненій. Они имѣли много общаго между собой, хотя разнились по лѣтамъ и мнѣніямъ; поэтому они мало по малу раздѣлились на кружки, состоящіе изъ людей болѣе близкихъ другъ другу по понятіямъ и влеченіямъ. Но всѣ они жили между собой мирно и вели образъ жизни дѣятельный, дополняя свое образованіе (ими получались всевозможные журналы и книги на языкахъ: русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ), учились или учили другихъ, занимались изящными искусствами и разнообразными ремеслами, такъ что всѣ ихъ потребности удовлетворялись собственнымъ трудомъ, а въ матеріальномъ отношеніи преимущество состояній сглаживалось заведенною ими артелью.

Осенью 1828 г., по высочайшему повелѣнію, цѣпи были со всѣхъ сняты. Сроки работъ опредѣлились по разрядамъ (правительство уменьшало ихъ по случаю коронаціи и прочихъ радостныхъ происшествій въ цар-

ской семьѣ), поэтому большая часть узниковъ постепенно отсылалась въ разныя мѣста на поселеніе, исключая Толстого и Корниловича, которые, вскорѣ по прибытіи въ Читу, были увезены на Кавказъ въ солдаты.

Въ іюлѣ 1830 г., по окончаніи постройки тюремнаго замка въ Петровскомъ заводѣ, ихъ собрали въ походъ двумя партіями подъ конвоемъ и съ проводниками бурятами. Въ первой шелъ самъ генералъ Лепарскій, во второй его племянникъ, плацъ-маіоръ Лепарскій, и одинъ плацъ-адъютантъ.

Благопріятная погода, частыя дневки съ возможными удобствами, отсутствіе стѣсненій обратили почти мѣсячный походъ узниковъ въ прелестную, веселую прогулку. Всякій изъ нихъ, по желанію, могъ ѣхать въ повозкѣ или итти пѣшкомъ и отходить нѣсколько въ сторону, такъ что нѣкоторые изъ нихъ занимались изслѣдованіемъ тамошней флоры и сборомъ коллекцій насѣкомыхъ.

Между ними Якушкинъ считался лучшимъ ботаникомъ. Занимаясь преимущественно естественными науками, онъ не переставалъ постоянно пополнять свое общее образованіе, такъ какъ для него умственный трудъ былъ насущной потребностью и высшимъ наслажденіемъ. Поэтому онъ легко мирился съ превратностями судьбы, былъ всегда бодръ и веселъ. По выдающимся свойствамъ ума и характера, онъ имѣлъ вліяніе на большую часть своихъ товарищей, хотя многіе изъ нихъ были значительно старше его годами, напримѣръ, М. А. Фонвизинъ, которымъ онъ овладѣлъ съ первой встрѣчи съ нимъ; въ минуты скорби и упадка они искали его нравственной поддержки и, побесѣдовавъ съ нимъ, чувствовали себя сильнѣе. Онъ умѣлъ живо представить имъ, что всякое дурное положеніе имѣетъ свои хорошія и даже полезныя стороны, что во всякомъ положеніи Провидѣніе налагаетъ на насъ извѣстныя обязанности къ ближнимъ, строгое исполненіе

которыхъ, при усиленномъ умственномъ трудѣ и прочихъ занятіяхъ, не допускаетъ человѣка до уныній.

— „Да тогда у васъ, господа, не хватитъ времени заниматься такимъ вздоромъ", добавлялъ онъ съ добродушной улыбкой, которая казалась еще привлекательнѣе отъ ряда виднѣвшихся зубовъ ослѣпительной бѣлизны. Такое неожиданное и своеобразное заключеніе вызывало смѣхъ и измѣняло унылое настроеніе духа собесѣдниковъ на весьма продолжительное время.

Въ 1836 г. многимъ изъ узниковъ кончился срокъ работъ, въ томъ числѣ и Якушкину, который былъ отправленъ на жительство въ Ялуторовскъ, гдѣ онъ и продолжалъ свою благотворную дѣятельность до самаго возвращенія въ Россію.

Въ продолженіе своего житья въ Ялуторовскѣ, Иванъ Дмитріевичъ, съ высочайшаго разрѣшенія, ѣздилъ нѣсколько разъ въ Тобольскъ, подъ предлогомъ лѣченія, и одинъ разъ въ Иркутскъ. На самомъ дѣлѣ онъ не любилъ прибѣгать къ докторской помощи; но, признавая пользу водолѣченія, начиналъ купаться въ р. Тоболѣ тотчасъ по очищеніи льда и непрерывно продолжалъ купанье до самыхъ заморозковъ.

По его совѣту, от. прот. Знаменскій лѣчился купаньемъ такимъ же способомъ. Въ Ялуторовскѣ Якушкинъ видѣлся поочередно съ обоими сыновьями: меньшему, Евгенью Ивановичу, была дана возможность побывать въ Сибири по служебнымъ дѣламъ (онъ служилъ при М. Н. Муравьевѣ), а старшій, Вячеславъ Ивановичъ, отправляясь въ Иркутскъ на службу къ Н. Н. Муравьеву, прожилъ съ отцомъ въ Ялуторовскѣ болѣе мѣсяца. Затѣмъ Иванъ Дмитріевичъ получилъ дозволеніе ѣхать за Байкалъ на Тункинскія минеральныя воды и поэтому съ 1854 г. находился въ Иркутскѣ для сына и возвратился вмѣстѣ съ нимъ въ Ялуторовскъ 25 августа 1856 г., повидимому, съ обновленными силами.

Вячеславъ Ивановичъ, казалось, былъ въ цвѣтущемъ здоровіи, чрезвычайно веселомъ настроеніи духа и жаловался только на маленькую неловкость въ горлѣ. Муравьевъ-Апостолъ лѣчилъ его баней, его жена припарками, одна изъ ихъ барышенъ симпатическимъ средствомъ: навязывая ему на шею красную шерстинку, а ялуторовскій докторъ Борщевскій совѣтовалъ немедленно переселиться на югъ. Многіе смѣялись, что онъ находилъ больного непоправимымъ, полагая, что и въ тепломъ климатѣ можно разсчитывать только на немногіе годы жалкаго существованія.

Вячеславъ Ивановичъ впослѣдствіи служилъ въ Крыму, постепенно разрушаясь и скончался еще въ цвѣтѣ лѣтъ въ 1861 году.

Послѣ милостиваго манифеста, обнародованнаго при коронаціи, Иванъ Дмитріевичъ возвратился въ Россію въ февралѣ 1856 г. къ своему меньшому сыну, тогда проживавшему съ семействомъ въ Москвѣ.

Евгеній Ивановичъ надѣялся выхлопотать больному отцу дозволеніе оставаться при немъ, такъ какъ сначала декабристамъ было запрещено жить въ столицахъ.

Еле живой, Иванъ Дмитріевичъ существовалъ только бодростью своего духа и, чувствуя себя привольно въ кругу родной семьи, не терялъ своей обычной веселости.

Его навѣщали старые друзья и знакомые; прощаясь съ ними, онъ просилъ не забывать филипповцевъ, потому что квартира его сына находилась на Мѣщанской, близъ церкви св. Филиппа митрополита. По этому поводу былъ сдѣланъ кѣмъ-то доносъ московскому генер.-губерн. Закревскому, что будто бы декабристы, возвратившись въ Россію, составили „Общество филипповцевъ", послѣ чего Закревскій не давалъ имъ заживаться въ Москвѣ.

Вслѣдствіи этого Иванъ Дмитріевичъ вынужденъ былъ разстаться съ сыновьями, что и повліяло неблаго-

пріятно на его слабое здоровье. Въ порывѣ негодованья онъ готовъ былъ вернуться въ Ялуторовскъ, гдѣ никто не смѣлъ его безпокоить въ собственной квартирѣ и выживать изъ города.

Якушкинъ воспользовался дружескимъ приглашеніемъ Николая Николаевича Толстого (бывшаго своего сослуживца семеновскаго полка), чтобъ переѣхать къ нему въ имѣніе „Новинки", находящееся на границѣ Тверской и Московской губ., въ 7-ми верстахъ отъ желѣзной дороги, что давало возможность получать быстрыя вѣсти отъ своихъ и часто видѣться съ ними.

Не смотря на всѣ удобства помѣщенія, пріятное общество и дружескія попеченія, здоровье Ивана Дмитріевича не возстановлялось. Наконецъ, ему было разрѣшено переѣхать для лѣченія въ Москву.

Муравьевъ-Апостолъ часто навѣщалъ Якушкина и въ Новинкахъ, и въ Москвѣ. 9-го августа 1857 года онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ у своего племянника М. И. Бибикова. Тогда Иванъ Дмитріевичъ извинялся передъ нимъ, что до сихъ поръ еще не побывалъ у него въ Твери. 10 августа Матвѣй Ивановичъ выѣхалъ изъ Москвы, успокоенный на счетъ состоянія его здоровья, а 11 августа, вечеромъ, получилъ телеграмму о кончинѣ Ивана Дмитріевича. Кончина была тихая, какъ наступающій сонъ. 12 августа Муравьевъ-Апостолъ опять отправился въ Москву.

13 августа Ивана Дмитріевича похоронили на Пятницкомъ кладбищѣ, недалеко отъ памятника Грановскаго.

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ смерти своего лучшаго друга, Матвѣй Ивановичъ говорилъ, что онъ похоронилъ съ нимъ половину себя; при этомъ съ умиленіемъ вспоминалъ первую встрѣчу съ покойнымъ въ 1811 году, прибавляя, что съ тѣхъ поръ онъ полюбилъ его всею душой и въ продолженіи 46 лѣтъ не только не находилъ причинъ къ разочарованію, но, напротивъ,

съ теченіемъ времени открывалъ въ немъ все новыя и новыя высокія достоинства.

Объ Иванѣ Ивановичѣ Пущинѣ и князѣ Евгеніѣ Петровичѣ Оболенскомъ Голодниковъ писалъ, очевидно, по однимъ предположеніямъ, соображаясь съ различными нелѣпыми слухами, почему у него и вышла весьма неприглядная картинка во вкусѣ нынѣшняго времени, не имѣвшая ничего общаго со строгими нравами дружнаго кружка ялуторовскихъ декабристовъ, высоко понимавшихъ смыслъ дружбы. Послѣдняя не была для нихъ пустымъ обмѣномъ взаимныхъ любезностей или взаимнымъ потворствомъ слабостей,—напротивъ, друзья считали долгомъ поддерживать другъ друга на скользкомъ жизненномъ пути; при малѣйшемъ отклоненіи жесткіе упреки друга и настойчивыя требованія къ порядку принимались съ горячею благодарностью и еще больше скрѣпляли дружескія отношенія. Иногда провинившійся самъ собиралъ всѣхъ товарищей, исповѣдывался передъ ними и послѣ общаго совѣщанія принималъ крутыя мѣры къ пресѣченію зла. Они считали крайне вреднымъ для общества всякое нарушеніе общественной нравственности, особенно людьми, стоящими на виду (въ уничиженіи они стояли на виду не менѣе высокопоставленныхъ дѣятелей). Напримѣръ, М. И. Муравьевъ-Апостолъ любилъ при случаѣ разсказать, что въ л.-г. семеновскомъ полку, въ которомъ онъ служилъ съ братомъ Сергѣемъ Ивановичемъ, ими былъ введенъ между офицерами обычай, по которому, послѣ безполезныхъ увѣщаній, сообща просили товарищей, имѣвшихъ при себѣ женщинъ на содержаніи, выдти изъ полка, и что они постоянно старались увлечь этимъ примѣромъ офицеровъ другихъ полковъ.

Дочь Никиты Михайловича Муравьева, С. Н. Бибикова, родившаяся въ В. Сибири, находилась при отцѣ

до самой его кончины, послѣ чего была привезена въ Москву 14 лѣтъ къ своей бабушкѣ Е. Ѳ. Муравьевой; она тоже подтверждала (о чемъ помнятъ и ея сыновья), что всѣ декабристы отличались скорѣе крайней щепетильностью нравовъ, нежели распущенностью, исключая весьма рѣдкихъ отклоненій, и то болѣе между очутившимися одиноко на поселеніи въ глуши, но ни въ какомъ случаѣ никто изъ нихъ не щеголялъ выставкой своихъ слабостей или безнравственности; тѣмъ менѣе это могло быть терпимо въ строгой, образцовой ялуторовской колоніи. Поэтому П. П. Пущинъ и Е. П. Оболенскій, переѣхавъ изъ г. Туринска въ Ялуторовскъ, не могли держать при себѣ для извѣстной цѣли хорошенькихъ горничныхъ или экономокъ и, по выраженію Голодникова, изъ дружбы уступать ихъ другъ другу.

У нихъ жила старуха Матрона Михеевна Мѣшалкина; она самостоятельно завѣдывала хозяйствомъ, нанимала для нихъ прислугу, и на ея имя получались письма.

Когда Пущинъ привезъ изъ Туринска дочь Аннушку, грудного ребенка (причина его переселенія въ Ялуторовскъ), тогда Михеевна взяла для нея весьма некрасивую няню, 24 лѣтнюю Вареньку. Оболенскій вовсе не сближался съ ней до брака и женился не вслѣдствіи ея беременности, такъ какъ Пущинъ съ товарищами всячески отклоняли его отъ этой нелѣпости, грозили прервать съ нимъ сношенія и, изобрѣтая различныя препятствія, умѣли оттянуть свадьбу на годъ. Затѣмъ Оболенскій все-таки женился на нянѣ его дочери, и ихъ первенецъ родился послѣ брака своевременно, въ концѣ года.

По разсказу Голодникова можно заключить, что Евгеній Петровичъ, не получивъ отъ товарищей одобренія на бракъ съ Варенькой, тотчасъ же перебрался съ ней въ домъ купцовъ Ильиныхъ, тогда какъ онъ нанялъ квартиру Ильиныхъ только передъ самой свадьбой.

Онъ, дѣйствительно, переѣхалъ отъ Пущина задолго до женитьбы, потому что Иванъ Ивановичъ отказалъ его невѣстѣ отъ мѣста. Но все это время онъ жилъ на окраинѣ города одинъ, въ какой-то лачугѣ, въ постѣ и молитвѣ, изрѣдка навѣщая Вареньку съ уморительными предосторожностями.

Товарищи смѣялись надъ его безтактностью, говорили, что онъ служитъ соблазномъ, напрашивается на грязныя городскія сплетни, компрометтируетъ себя и свою невѣсту, такъ какъ въ Ялуторовскѣ никто не повѣритъ, что онъ ничего предосудительнаго не дѣлаетъ, а только напускаетъ на себя юродство. На это онъ отвѣчалъ, что злословіе со временемъ само собою рушится, ибо темные духи хотя и носились около Вареньки, но не касались ея.

Евгеній Петровичъ вообще отличался страшною неловкостью и во всякомъ дѣлѣ предпринималъ совершенно не соотвѣтствующія дѣйствія.

По разсказамъ товарищей, до ссылки онъ дрался вмѣсто своего брата на поединкѣ съ какимъ-то Свиньинымъ и, по несчастью, убилъ противника, тогда какъ по своей сердечной добротѣ онъ не способенъ былъ убить мухи. Прискорбное событіе терзало его всю жизнь. Съ этого времени онъ обратился къ Богу, началъ усердно молиться и накладывать на себя нравственныя вериги. Съ этою цѣлью (что подтверждала и С. Н. Бибикова) еще въ В. Сибири онъ собирался жениться на старой и рябой горничной княгини Екатерины Ивановны Трубецкой, которой удалось отговорить его тѣмъ легче, что и сама горничная пришла въ недоумѣніе отъ предложенія Евгенья Петровича и не видѣла въ этомъ для себя счастья, даже высказала Екатеринѣ Ивановнѣ сомнѣніе: „не повредился ли князь разсудкомъ?“

Точно также онъ задумалъ жениться въ Туринскѣ. Но невѣста его скончалась.

Вареньку онъ тоже ошеломилъ своимъ сватовствомъ. Она просила жену Муравьева-Апостола поговорить съ Евгеніемъ Петровичемъ, что ужъ если онъ собирается сдѣлать доброе дѣло, то лучше бы помогъ ей деньгами: тогда, можетъ быть, ей удалось бы выйти за мужъ по мыслямъ, за ровню. Но Оболенскій не пожелалъ упустить вериги, а ровня не разсудилъ брать Вареньку за себя, хотя бы и съ деньгами.

Выраженіе, что Муравьевы впослѣдствіи приласкали Варвару Семеновну, вовсе не характеризуетъ М. П. Муравьева-Апостола. Онъ, какъ и всѣ его товарищи, ничего не могли сдѣлать противъ совершившагося брака, поэтому они всѣ обязаны были опять включить въ свой кругъ стараго товарища вмѣстѣ съ его женой. Но въ душѣ никто изъ нихъ не мирился съ женитьбой Евгенія Петровича, тѣмъ менѣе Матвѣй Ивановичъ, который до конца своего пребыванія въ Ялуторовскѣ холодно относился къ Варварѣ Семеновнѣ. А Пущинъ упрекалъ себя въ несчастномъ бракѣ своего друга, считая его наказаніемъ за свой проступокъ, т. к. онъ полагалъ, что еслибъ не было у него побочной дочери, то не было бы въ домѣ няни, и тогда они могли бы доживать свой вѣкъ вмѣстѣ съ Оболенскимъ безъ глупыхъ приключеній.

Женитьба Оболенскаго печалила товарищей не изъ спѣси, какъ полагаетъ Голодниковъ, иронически забѣгая,м что ихъ встревожилъ „mésalliance“. Они жалѣли товарища, понимая, что у него ничего не могло быть общаго съ нянею-Варей, какъ у послѣдней потомъ ничего не оказалось общаго съ ея собственными дѣтьми и сестрой Евгенія Петровича, до самой своей кончины дружелюбно къ ней относившейся, у которой въ Калугѣ, по возвращеніи изъ Сибири, Евгеній Петровичъ спокойно провелъ остатокъ своей жизни.

Варвара Семеновна, сравнительно, была съ своемъ родѣ хорошей женщиной: она не сплетничала и не

вмѣшивалась въ добрыя отношенія мужа съ родными и знакомыми. *Но она невольно должна была чувствовать себя чужой, одинокой въ своей семьѣ и средѣ, въ которыя нечаянно попала.

Товарищи находили, что во всякомъ случаѣ было бы человѣчнѣе надѣлить ее деньгами, тѣмъ больше, что въ Сибири ихъ требовалось для ея благополучія весьма немного, а для себя Оболенскій могъ бы придумать другого рода вериги, тяжесть которыхъ ложилась бы только на него одного.

*Родня Оболенскаго во время его ссылки аккуратно доставляла ему приличныя средства къ жизни, даже иногда пересылала, по его требованію, довольно крупныя суммы, не переставая считать его господиномъ своей части въ семейномъ достояніи. Но эти крупныя суммы, уменьшая его часть, не удерживались въ его рукахъ; *такъ какъ Евгеній Петровичъ, не позволяя себѣ излишествъ, не въ состояніи былъ отказывать въ помощи постороннимъ, находившимся въ безвыходномъ положеніи, не разбирая, насколько человѣкъ самъ виноватъ въ этомъ и стоитъ ли онъ помощи по своимъ нравственнымъ качествамъ. У него, какъ и большой части русскихъ людей, къ концу года никогда не хватало опредѣленныхъ на прожитье денегъ. Онъ уже былъ семейнымъ человѣкомъ, когда въ такое время къ нему обратился за помощью проѣзжій казачій офицеръ, ѣхавшій къ мѣсту своего назначенія. Всѣ знали, что онъ прокутилъ подъемныя деньги, застрялъ въ Ялуторовскѣ и пропивалъ свои послѣднія гроши. Муравьевъ-Апостолъ засталъ Оболенскаго въ переговорахъ съ нимъ о продажѣ своего брегета въ его пользу, тогда какъ это оставалась единственной цѣнной вещью въ домѣ по стоимости и по семейнымъ воспоминаніямъ. Матвѣй Ивановичъ спасъ брегетъ отъ гибели, предложивъ сдѣлать для офицера складчину въ своемъ кружкѣ.

Князь Е. П. Оболенскій былъ поручикомъ л.-г. финляндскаго полка, старшимъ адъютантомъ командира гвардейской пѣхоты генерала Бистрома.

14 декабря 1825 года, на Сенатской площади, за отсутствіемъ князя С. П. Трубецкаго, наканунѣ назначеннаго диктаторомъ, котораго долго ожидали, довольно поздно, при общей сумятицѣ, Евгенію Петровичу навязали несродную его характеру роль начальника возстанія; руководясь единственно тѣмъ, что онъ извѣстный и любимый солдатами офицеръ.

По отзывамъ нѣкоторыхъ декабристовъ, выборъ князя С. П. Трубецкаго тоже нисколько не соотвѣтствовалъ назначенію.

Около 800 человѣкъ л.-г. московскаго полка составляли на площади каре. Остальныя роты этого полка генералъ Бистромъ удержалъ отъ присоединенія къ возставшимъ и убѣдилъ ихъ содержать караулъ въ тотъ же вечеръ.

Прежде рѣшительныхъ дѣйствій государемъ были употреблены всѣ средства къ прекращенію возмущенія безъ боя.

Первымъ подъѣхалъ къ каре уговаривать возставшихъ возвратиться въ казармы корпусный командиръ Войновъ, затѣмъ генералъ П. О. Сухозанетъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, извѣстный графъ М. А. Милорадовичъ, командиръ л.-г. гренадерскаго полка полковникъ Стюрлеръ и наконецъ митрополиты Серафимъ и кіевскій Евгеній. Графъ Милорадовичъ и Стюрлеръ поплатились жизнью.

Князь Оболенскій всячески старался сохранить любимаго всѣми воинами вождя, прославившагося въ безчисленныхъ сраженіяхъ, графа Милорадовича, спокойно въѣхавшаго въ каре и уговаривавшаго солдатъ возвратиться къ своимъ обязанностямъ. Евгеній Петровичъ бралъ подъ уздцы его лошадь, чтобъ удалить и

спасти[1]) сопротивлявшагося всадника, кололъ ее въ бокъ штыкомъ солдатскаго ружья, чтобъ насильно вывести ее изъ каре. Но въ эту минуту полякъ Петръ Андреевичъ Каховскій, отставной гвардейскій поручикъ, смертельно ранилъ почтеннаго героя пулей, а затѣмъ и полковника Стюрлера, уговаривавшаго своихъ гренадеръ, отдѣлившихся отъ полка, возвратиться съ нимъ къ своему долгу.

Оболенскій былъ осужденъ по I-му разряду и приговоренъ къ смертной казни съ отсѣченіемъ головы, но затѣмъ ему была дарована жизнь, какъ и всѣмъ перворазряднымъ, съ ссылкою въ вѣчную каторжную работу, исключая Волконскаго, Вильгельма Кюхельбекера, Александра Бестужева, Никиты Муравьева и Якушкина, которымъ каторга опредѣлялась на 20 лѣтъ.

13 іюля 1826 г. Оболенскій съ товарищами былъ отправленъ въ Нерчинскіе рудники (8 человѣкъ: Трубецкой, Волконскій, Давыдовъ, Якубовичъ, Арт. Зах. Муравьевъ и два брата Борисовыхъ). Въ рудникахъ имъ было плохо, но въ сентябрѣ 1827 г. ихъ присоединили къ товарищамъ въ Читинскій острогъ.

Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ и князь Оболенскій оба были адъютантами генерала Бистрома. По возвращеніи Евгенія Петровича изъ Сибири, по прежней къ нему дружбѣ, онъ вступилъ съ нимъ въ постоянную переписку, которая особенно оживилась между старыми друзьями, когда Яковъ Ивановичъ сталъ во главѣ крестьянскаго преобразованія.

14 февраля 1860 г. Оболенскій извѣщалъ своего родственника М. П. Муравьева-Апостола (съ которымъ до конца жизни переписывался, дѣлясь съ нимъ горемъ и радостью):

---

[1]) Не закололъ его штыкомъ, какъ ошибочно говорится въ запискахъ П. П. Пущина, изданныхъ въ Лондонѣ послѣ его кончины неизвѣстнымъ лицомъ.

„Вотъ Яковъ Ивановичъ окончилъ свое земное по-„прище. Его смерть болѣзненно отозвалась въ моей „душѣ. Много сочувствія я нашелъ въ немъ, и эта „теплота сердечная много говоритъ въ его пользу. „Крестьянскій вопросъ сломилъ его жизнь. Онъ весь „ему предался и не выдержалъ той тяжести, которую „долженъ былъ нести. Борьба или, лучше сказать, „буря, поднявшаяся на небо, всею силою на него обру-„шилась и сломила жизнь, которая могла бы принести „много пользы.

„Трогательно слышать, какъ былъ къ нему внима-„теленъ нашъ императоръ. Онъ явился тутъ, при одрѣ „умирающаго, какъ человѣкъ, и его высокая душа вполнѣ высказалась. Это явленіе весьма отрадно."

Къ барону А. Е. Розену Оболенскій писалъ 20 марта 1860 года:

„А кончина Якова Ивановича какъ болѣзненно ото-„звалась у всѣхъ тѣхъ, которые умѣли его цѣнить! „Теперь начинаетъ пробуждаться къ нему сочувствіе „теперь начинаютъ говорить, что въ послѣдній годъ „своей жизни онъ выказалъ тѣ душевныя качества, „которыхъ никто въ немъ не подозрѣвалъ. Много и „много пострадалъ покойный отъ клеветы и недобро-„желательства. Послѣднее его предсмертное слово бы-„ло просьба государю — не оставлять крестьянскаго „вопроса, порѣшить его, не откладывая въ долгій ящикъ. „Однимъ словомъ, онъ сложилъ свою жизнь при рѣ-„шеніи этого вопроса, и освобожденіе крѣпостнаго „населенія нашей православной Руси неразрывно бу-„детъ соединено съ его именемъ.

„Память о его отношеніяхъ ко мнѣ будетъ для ме-„ня отраднымъ воспоминаніемъ до конца моей жизни.

Герценъ провозгласилъ Ростовцева предателемъ, и всѣ ему повѣрили на слово, и клевета всю жизнь тя-готѣла надъ добрымъ именемъ человѣка. Слухи носи-

лись, что клевета даже повліяла на отношеніе сыновей къ отцу.

Отъ 28 декабря 1860 г. Оболенскій писалъ къ Муравьеву-Апостолу:

„Скажу о Ростовцевыхъ: газеты сообщили о смерти „отца. Никто изъ семьи не вздумалъ почтить память „отца какимъ нибудь знакомъ любви къ тому, кто въ „послѣднее время былъ такъ близокъ ихъ отцу. Грустно это явленіе. Но оно показываетъ только, что „новое поколѣніе не считаетъ себя связаннымъ съ „прошедшимъ: оно хочетъ жить своею собственною „жизью.

„Пусть такъ, но ни одна жизнь не проявляется сама „собою, она основывается на прошедшемъ; а если въ „этомъ прошедшемъ было жизненное начало, то оно „проявляется и въ будущемъ. Этому закону подчинены „всѣ поколѣнія; и будущее наше поколѣніе должно „подчиниться тому же закону".

«Погостный списокъ»,

составленный М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ.

Годъ.	Число.		Мѣсто кончины и похоронъ.
1826.	Янв. 3.	Муравьевъ-Апостолъ, Ипполитъ Иван., род. въ Парижѣ 1805. Авг. 7.	Кіевской Губ., Богуславскаго уѣзда, близъ деревни Трилѣсы застрѣлился изъ пистолета.
„	„	Щепилло, Михаилъ Алексѣев. убитъ картечью.	
„	„	Кузьминъ, Анастасій Дмитр.	
„	Іюля 13.	Пестель, Павелъ Ивановичъ.	Приняли мученичество на валу Кронверской куртины Петропавловской крѣпости въ С. Петербургѣ.
„	„	Рылѣевъ, Кондратій Ѳедоровичъ.	
„	„	Муравьевъ-Апостолъ, Сергій Ивановичъ, род. въ Петерб. 1796 въ октябрѣ.	
„	„	Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Павловичъ, род. въ 1804 г.	
„	„	Каховскій, ПетръАндр.*)	
1832.	Апр. 15.	Рѣпинъ, Николай Петровъ.	Сгорѣли въ Верхоленскѣ, Иркутской губерніи, на берегу Лены.
„	„	Андреевъ. оба гвард. офиц.	
„	Дек. 25.	Нестовъ, Александръ Семеновъ.	Въ Петровской тюрьмѣ за Байкаломъ.
1834.		Враницкій, Вас. Ив. Чехъ. полков. генер. штаба въ 1813 перешелъ въ нашу службу †	Въ Ялуторовскѣ.
„		Веденяпинъ.	
1832.		Заикинъ, Никол. Оед. †	Въ Ишимѣ на Ленѣ.**)
1834.		Шаховской, Оед. Петр. †	Въ Суздалѣ (въ монастырѣ).
„		Коновницинъ, Петръ Петров. †	Въ Владикавказѣ, отъ холеры.
1837.	Іюля 7.	Бестужевъ, Александръ Александр.	Убитъ у мыса Адлеръ, на Черномъ морѣ, на Кавказѣ.
1835.		Корниловичъ. Александръ Осипов. †	Въ Темиръ-ханъ-Шурѣ отъ горячки, спасши тонувш. солдата.

Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ исправлены ошибки сдѣланныя составителемъ списка, М. И. Муравьевымъ Апостоломъ.

*) Григорьевичъ.
**) Илимскѣ.

Годъ.	Число.		Мѣсто кончины и похоронъ.
1835.		Берстель.	На Кавказѣ изрубленъ на орудіи въ дѣлѣ противъ черкесовъ.
1837.		Шимковъ, Иванъ Ѳедор. †	Въ Верхн.-Удинскомъ округѣ, за Байкаломъ.
1838.		Абрамовъ, Павелъ Васильев. †	Въ Оёкѣ, Иркутской губ., близъ Иркутска.
1839.		Дивовъ	Убитъ на Кавказѣ.
„	Авг. 12.	Одоевскій, Александръ Иванов. †	На Кавказѣ между Субисаи и Сочи, на берегу Чернаго моря.
1840.		Андреевичъ, Яковъ Максимовичъ†	Въ Верхне-Удинскѣ Иркут. губ.
„		Михаревъ, Владим. Николаев.	Убитъ на Кавказѣ въ сраженіи на Валерикѣ.
„	Дек. 28.	Ивашевъ, Васил. Петров. †	Въ Туринскѣ, Тобольской губ.
1841.		Краснокутскій, Семенъ Григор. †	Въ Тобольскѣ.
1842.		Фохтъ, Иванъ Ѳедоров †	Въ Курганѣ. Тобольской губерніи.
1843.	Апр. 28.	Муравьевъ, Никита Михайловичъ †	Въ Урикѣ, близъ Иркутска.
„		Мозганъ, Павелъ Дмитр	Убитъ на Кавказѣ.
1844.	Янв. 7.	Вадковскій, Ѳедоръ Ѳедоровичъ †	Въ Оёкѣ, близъ Иркутска, по якутскому тракту.
„	„	Юшневскій, Алексѣй Петров. †	Въ Разводной, близъ Иркутска.
„	Авг. 19.	Барятинскій, Александръ Иван. † *)	Въ Тобольскѣ.
1845.	Мая 10.	Повало-Швейковскій, Иванъ Семеновичъ.	Въ Курганѣ, Тобольской губ.
„	Янв. 27.	Ентальцевъ, Андрей Васильевичъ †	Въ Ялуторовскѣ, Тобольск. губ.
„	Сен. 10.	Якубовичъ Александр. Иван. †	Въ Енисейскѣ.
„	Нояб. 5.	Муравьевъ, Артамонъ Захарьевичъ †	Въ Разводной. близъ Иркутска.
„	Дек. 8.	Лунинъ, Михаилъ Сергѣевичъ †	Въ Акатуѣ за Байкаломъ.
1846.	Авг. 11.	Кюхельбекеръ Вильгельмъ Карлов.	Въ Тобольскѣ.
1848.	Янв. 8.	Поджіо, Осипъ Виктор.	Въ Усть-Кудѣ, близъ Иркутска.
„		Ивановъ, Илья Ивановъ †	Въ Каменкѣ на Ангарѣ, близъ Иркутска.
„		Чижовъ Алексѣй Никол.	

*) Петровичъ.

Годъ. Число.		Мѣсто кончины и похоронъ.
1849. Окт. 23.	Митьковъ, Михаилъ Фотьевичъ †	Въ Красноярскѣ.
1850. Янв. 14.	Пановъ, Николай Алексѣевичъ †	Въ Урикѣ, близъ Иркутска.
1851.	Торсонъ, Константинъ Петров. †	Въ Селенгинскѣ, Иркутской губ., за Байкаломъ.
„	Глѣбовъ, Михаилъ Николаев. †	Въ Кабанскомъ, Иркутской губ., за Байкаломъ.
„	Громницкій, Петръ Ѳедор. †	Въ Черемховѣ, близъ Иркутска.
1854. Фев. 12.	Мухановъ, Петръ Александр. †	Въ Иркутскѣ.
1854. Апр. 30.	Фонвизенъ, Михаилъ Александровичъ †	Въ ~~Марьинѣ близъ~~ Бронницъ, Московской губ.
„ Мая 30.	Крюковъ, Николай Александр. †	Въ Минусинскѣ, Енисейской губ.
„ Сен. 30.	Борисовы, Петръ и Андрей Ивановичи †	Въ Разводной, близъ Иркутска; оба брата въ одинъ день.
„ Дек. 21.	Спиридовъ, Михаилъ Матвѣевичъ †	Въ селѣ Дроникинѣ, близъ Красноярска.
1853. Нояб. 24.	Муравьевъ, Александръ Михайловичъ †	Въ Тобольскѣ.
1854. Дек. 20.	Вольфъ, Фердинандъ Богдановичъ.	Въ Тобольскѣ.
„	Норовъ, Василій Сергѣевичъ †	Въ Ревелѣ.
1855. Мая 14.	Бестужевъ, Николай Александровичъ †.	Въ Селенгинскѣ, Иркутской губ. за Байкаломъ.
„	Давыдовъ, Василій Львовичъ †.	Въ Красноярскѣ.
„	Черкасовъ, Алексѣй Ивановичъ †.	Въ Москвѣ.
1856.	Тютчевъ, Алексѣй Ивановичъ †.	Въ Минусинскѣ, Енисейской губ.
„	Абрамовъ, Иванъ Борисовичъ.	Оба зарѣзаны у себя на дому въ Туруханскѣ, Енисейской губ. Жили вмѣстѣ.
„	Лисовскій.	
1826.	Поливановъ †	Въ Петропавловской крѣпости, въ С. П., отъ чахотки.
„	Булатовъ.	Въ Петропавловской крѣпости, уморилъ себя голодомъ.

1852. 10/II Семенов С. М. г. Тобольск

Годъ.	Число.		Мѣсто кончины и похоронъ.
1856.		Фурманъ †.	Въ Сургутѣ на Оби, Тобольской губ.
„		Выгодовскій.	
„		Лаппа.	
„		Вишневскій.	
„		Бодиско.	Убитъ на Кавказѣ.
„		Люблинскій.	
„		Булгари.	
		Мозгалескій †.	Въ Минусинскѣ, Енисейской губ.
		Оржицкій †.	Въ Петербургѣ.
1857.	Авг. 11.	Якушкинъ, Иванъ Дмитріевичъ †.	Въ Москвѣ, похор. на Пятницкомъ кладб.
„	Окт. 25.	Тизенгаузенъ, Василій Карловичъ †.	Въ Нарвѣ.
1859.	Апр. 3.	Пущинъ, Иванъ Ивановичъ †.	Въ Марьинѣ, усадьбѣ близъ Бронницъ, Моск. губ.
„	Іюня 29.	Бриггенъ, Александръ Ѳедоровичъ †.	Отъ холеры въ Петергофѣ, близъ С. П.
„		Щепинъ - Ростовскій, Дмитрій - Александровичъ †.	Въ Ярославской губ.
„		Башмаковъ, Флегонтъ Мироновичъ †.	Въ Тобольскѣ. Не принадлежалъ къ обществу. Жилъ по бѣдности у Сер. Иван., ничего не зналъ о Т. О.
„		Кюхельбекеръ, Михаилъ Карловичъ †.	Въ Баргузинѣ, Иркутской губ., за Байкаломъ.
„		Бечасновъ, Владимиръ Александровичъ †.	Въ Смоленщинѣ, близъ Иркутска.
1861.	Февр.	Басаргинъ, Николай Васильевичъ †.	Въ Москвѣ, въ домѣ Дубовицкаго, на Тверскомъ бульварѣ.
1862.	Мая 11.	Чернышевъ, Захаръ Григорьевичъ †.	Въ Римѣ.
1863.	Янв. 2.	Нарышкинъ, Михаилъ Михайловичъ †.	Въ Москвѣ, похор. въ Донскомъ монастырѣ.
„	Окт. 29.	Батенковъ, Гавріилъ Степановичъ †.	Въ Калугѣ.
„	Дек. 18.	Муравьевъ, Александръ Николаевичъ †.	Въ Москвѣ, похороненъ въ Ново-Дѣвичемъ монаст.
1864.	Мая 3.	Кривцовъ, Сергій Ивановичъ †.	Въ Орлѣ.
1865.	Фев. 13.	Бобрищевъ - Пушкинъ, Павелъ Сергѣевичъ †.	Въ Москвѣ, на Ваганьковскомъ кладбищѣ.
„	„ 26.	Оболенской, Евгеній Петровичъ †.	Въ Калугѣ.

Годъ.	Число.		Мѣсто кончины и похоронъ.
1865.		Бѣляевъ, Петръ Александр.	
1866.	Іюн. 21.	Кирѣевъ, Иванъ Васильевичъ †.	Въ Тулѣ.
„		Цебриковъ, Николай Романовичъ †.	Въ Петербургѣ.
„		Арбузовъ, Антонъ Петровичъ †.	Въ Минусинскѣ Енисейской губ.
„		Штейнгель, Владимиръ Ивановичъ †. *)	Въ Петербургѣ.
„		Игельстромъ. **)	Въ Таганрогѣ.
„		Соловьевъ, Веніаминъ Николаевичъ †.	Въ Рязанской губ.
„		Рукевичъ.	
„		Мазалевскій.	
„		Колесниковъ.	
1869.	Фев. 20.	Горбачевскій, Иванъ Ивановичъ †.	Въ Петровскомъ заводѣ, за Байкаломъ.
„	Мая 25.	Пущинъ, Михаилъ Ивановичъ †.	Въ Бобруйскѣ.
1871.	Іюня 21.	Бестужевъ, Михаилъ Александровичъ †.	Въ Москвѣ, похор. на Ваганьковѣ.
1872.		Сутгофъ, Александръ Николаевичъ †.	Въ Боржомѣ, лѣтнемъ мѣстопребываніи кавказскаго намѣстника.
„		Быстрицкій, Андрей Андреевичъ †.	Въ губерніи Подольской.
1873.	Фев. 13.	Фаленбергъ, Петръ Ивановичъ †.	Въ Бѣлгородѣ, похор. въ Харьковѣ на лютеранскомъ кл.
„	Мая	Лореръ, Николай Ивановичъ †.	Въ Полтавѣ.
„	Іюня 6.	Поджіо, Александръ Викторовичъ †.	Въ Воронкахъ, Черниговской губ., Нѣжинскаго уѣзда.
1865.	Нояб. 28.	Волконскій, Сергѣй Григорьевичъ †.	Въ с. Воронкахъ, Чернигов. губ., Нѣжин. у.
	Февр. 26.	Оболенскій, Евгеній Петровичъ.	Въ Калугѣ.

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ род. 25 апр. 1793 г., въ Петерб., скончался 21 февр., въ 5 ч. у., въ 1886 г. въ Москвѣ. (Прим. А. П. Сазоновичъ).

*) Въ 1863 г.
**) 13 ноября 1851 г.